

EPISTOLA-
RVM SOLOMONIS
PANTHERI, LI-
bri duo.

Verius haud quisquam quis sis, ut Epistola dicit:
Fallor? an hic etiam Proteus esse cupis?

S.

ALDORPHII
In Officina Typographica
Nicolai Talæi.

CIC. ID. XIII C.

Я.И. Порецкий

СОЛОМОН
РЫСИНСКИЙ
Solomo Pantherus
Leucorussus

конец XVI – начало XVII века

Минск
Издательство БРУ им. В. И. Ленина
1983

**ББК 83.3 Бел1
П 59**

Научный редактор
О. А. Лойко, доктор филологических наук

Рецензенты:
Ф. М. Янковский, доктор филологических наук;
П. И. Кошанев, доктор филологических наук

**П 4603010101—059
М 317—83 48—83**

© Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1983

У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОГО ГУМАНИЗМА

о введении к «Диалектике природы» Ф. Энгельс следующими словами охарактеризовал время зарождения и расцвета гуманизма: «...вся новая история... ведет свое летоисчисление с той великой эпохи, которую мы, немцы, называем, по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью, Реформацией, французы — Революцией, а итальянцы — Чинквеченто... и содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований¹. Не исчерпывается оно и своеобразием судеб и особенностями гуманизма на востоке Европы, в частности в Великом княжестве Литовском. В Белоруссии, например, гуманизм пустил глубокие корни в начале XVI века, не только возвеличивая памятники античной культуры и протестуя против засилья холостяки. Противоборство господствующего православия с насаждаемым католичеством, распространение среди шляхты и части горожан лютеранства, кальвинизма, цвинглианства, появление многочисленных подвижников анти триинтарского анабаптизма, пропагандистов уточнического христианского коммунизма, поддерживающих тесные связи с изгнанными из западно-европейских стран поборниками свободомыслия, — вот основные отличительные черты белорусского Возрождения.

Пути становления гуманизма в Белоруссии были значительно сложнее, чем на Западе. Утверждение человеческой личности и сомнения в истинности идеологии христианских церквей связывались здесь с острой полемикой разных оттенков богословских учений. Именно в Белоруссии прозвучали слова Сымона Будного, вызвавшие страх и смятение отечественных и зарубежных теологов: «Учение Христа следует понимать так, чтобы люди могли достигнуть божест-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соch., т. 20, с. 345.

венной жизни на земле»¹. Учение Сымона Будного оказалось более опасным для религии, чем идеи Томаса Мюнцера, так как оно сбрасывало с нее мистический покров.

Выдающиеся представители гуманизма в Белоруссии, Польше и Литве не довольствовались познанием достижений науки на Западе, они вносили свой вклад в общечеловеческую культуру, добивались сплоченности и единства народов в борьбе с ипостемными захватчиками. В начале XVI века Ян Вислицкий воспел в поэме «Прусская война» победу поляков, белорусов, литовцев и русских над крестоносцами, а Николай Гусовский в поэме «Победа над турками» — поражение, нанесенное туркам простым народом. Поэты писали на латыни, чтобы их убеждения и идеалы были доступны прогрессивным мыслителям Запада, сочувствующим делу освобождения народов от насилия и несправедливых войн.

Если Николай Гусовский, который был тесно связан с деятелями науки и культуры Италии, писал, что «древний наш мир изучал я по книгам русским, написанным греческой буквой», сам сочиняя на латинском языке, то Франциек Скорина, совершившийся в науках в Кракове, Падуе, Праге, был поборником просвещения на родном языке. По его стопам пошел Сымон Будный, но и он, настойчиво добиваясь распространения своих взглядов среди западных мыслителей, написал ряд трудов на латинском языке.

Во времена Будного, т. е. во второй половине XVI века, в самой Белоруссии возникли очаги культуры: анти трипитарские синоды, учебные заведения и печатные дворы в Бресте, Несвиже, Лоске, Ивье, а позже — Любче, Слуцке. Печатные и ораторские выступления Сымона Будного, Мартина Чеховича, Фомы Соколовского, Яна Намысловского, Иеронима Пекарского и многих других белорусских мыслителей не уступали и даже превосходили лекции современных им ученых на Западе. Ведущие философы, такие как Сымон Будный, Андрей Волян, прославились за рубежом своими полемическими сочинениями. Андрей Тыштеский, Ян Мошчинский, Киприан Базылик в Бресте стали даже соперничать с лучшими представителями европейской науки и книгоиздания.

Соломон Рысинский, как в свое время Сымон Будный, отрицал целесообразность трудовых общин левых ариан, мечтавших о возвращении к раннехристианскому равенству и выступавших с призывом непротивления злу насилием, от-

¹ Simlerus J. Assertio ortodoxae doctrinae de duabus naturis Christi... opposita blasphemias et sophismatis ... Simoni Budnaci prius ab ipso in Lithuania evulgatis.— Tiguri, 1575, p. 42.

вергавших вместе с тем любую государственную власть. Подобно Будиому Рысинский уповал на справедливых монархов, которые поймут необходимость переустройства общества, просвещения народа, борьбы с изуверством и мракобесием религиозных фанатиков. Поэт, видимо, надеялся на симпатии к евангеликам некоторых Радзивиллов.

Если такие поборники прогресса, как Эразм Роттердамский или Сымон Будный, рядались в тоги теологов для того, чтобы изнутри разрушать традиции богословия (голландский ученый — путем критики Нового завета, ханжества священнослужителей, а белорусский — путем опровержения основных доктринальных положений христианства и организации новой антикатолической и антипротестантской церкви), то Рысинский оставался всю жизнь светским деятелем. По заказу Виленского евангелического синода он переводил псалмы, но отказался надеть сутану.

В 80—90-е годы XVI столетия Рысинский вел интенсивную переписку с рядом антипротестантских деятелей. Из его писем Шоману, Станкуру, Петрицию видно, что он сочувствовал арианскому движению. Вместе со своим другом Д. Наборовским, будучи на службе у князей Радзивиллов Януша, а затем Христофора, Рысинский поддерживал их кальвинистские устремления и добросовестно выполнил поручения Виленского евангелического синода, переводил псалмы, помогал организовать Слуцкую реформационную школу. Он надеялся на укрепление свободомыслия в Великом княжестве Литовском, на расцвет наук и культуры под покровительством проевангелизированных сторонников реформационной церкви.

Таким образом, к илляде выдающихся мыслителей белорусского Возрождения следует отнести и Рысина. Творческие замыслы этого первого белорусского паремиолога были подиачальны стремлению поднять достоинство человека на должную высоту путем изучения богатства и образности народной речи, несущей в себе опыт многовековой истории народа. Если в начале XVI века Николай Гусовский написал себе протекторов за пределами Белоруссии и, потеряв их по разным обстоятельствам, кончил жизнь в нищете и забытии, то в конце того же века поэты и ученые Андрей Рымша, Бенямин Будный, Даинис Наборовский, Соломон Рысинский, отбросив мысль о служении церкви, использовали единственную возможность заняться творчеством: они поступили на службу к феодалам и стали придворными писателями.

Творческое наследие этих деятелей культуры представлено в основном на латинском и польском языках, так как

К тому времени белорусские крепостники почти повсеместно отреклись от родного языка. Драматизм положения белорусских прогрессивных мыслителей усугублялся тем, что как истинные гуманисты они выступали за освобождение человека от оков духовного рабства, воспевали красоту и свободу, но их деятельность ограничивал феодальный деспотизм, произвол, самодурство хозяев-крепостников.

Творческое наследие С. Рысинского, который от гуманиста-комментатора и исследователя античной литературы, преподавателя древних языков сумел подняться до вершин гуманизма -- выявления в народной речи родного края источников мудрости, до последнего времени почти не исследовалось. Таким образом, актуальной задачей стала расшифровка забытых рукописных материалов Рысинского и подготовка к печати его произведений, до сих пор нигде не публиковавшихся, как и разбор этих редких изданий, никем не комментировавшихся. Иными словами, дать сегодня анализ творчества Рысинского и издать его произведения -- это значит вернуть Белоруссии имя одного из авторов выдающихся памятников культуры прошлого.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВО, ВЗГЛЯДЫ С. РЫСИНСКОГО

имя Соломона Федоровича Рысинского (называемого также Рысиус, Пантерус) известно лишь узкому кругу историков литературы. Даже в БСЭ и в БелСЭ о нем нет отдельных статей. А между тем Рысинского, как еще одного мыслителя XVI—XVII веков, которым может гордиться Полоцкая земля, следует поставить рядом с его соотечественниками — Франциком (Георгием) Скориной и Симеоном Полоцким. Исследованием некоторых произведений Рысинского занимались в XIX столетии польский ученый К. Войницкий¹, а также В. Коротынский², а в XX столетии Ю. Кинжановский³, М. Цитовска⁴. Отдельные статьи появились в советских журналах⁵.

На основании выявленных источников можно воссоздать примерно следующие вехи жизни Соломона Рысинского. Точных данных о годе рождения Соломона, сына Федора Онуфриевича Рысинского, нет. Он родился предположительно в 60-е годы XVI столетия в деревне Рыси на Нароччине (ныне Себежский район Нековской области). Одаренный юноша, получивший начальное образование в доме мелкопоместного пляхтича, был замечен придворными литовского гетмана Георгия Радзивилла, ставшего себежским воеводой, и направлен на учебу. В дальнейшем Рысинский стал

¹ Wójcicki K. Przysłowia narodowe.— Warszawa, 1830, t. 2.

² Korotynski W. Solomon Rysiński. — Wilno, 1863.

³ Krzyżanowski J. Solomon Rysiński. — Przegląd humanistyczny, 1964.

⁴ Cyłowska M. Koniektury S. Rysińskiego. EOS.— Warszawa, 1960, z. 2.

⁵ Парецкі Я. І. Прэнская Ю. І. Любчанская зборнік прыказак і прымавак, сабраны і выдадзены С. Рысинскім у 1618 г.— Весці АН БССР. Сер. грамад. науک, 1964, № 1; Порецкий Я. И. Некоторые «Письма к Луцианю» Л. А. Сенеки в «Конъектурах» Соломона Рысинского.— Вопросы филологии. Мн., Высш. школа, 1971, вып. 1; Порецкий Я. И. Комментарий С. Рысинского к сочинениям Д. М. Авсония.— Вопросы филологии. Мн., Высш. школа, 1972, вып. 2.

учителем дворянских детей в глухих деревнях Литвы, Жмуйди, Малой Польши, а также сопровождал своих воспитанников за границу: в Германию, возможно, Швейцарию Чехию, Францию. Впоследствии он служил при дворе Радзивиллов, был придворным поэтом, преподавателем, переводчиком, участвовал в организации Слуцкой школы. С. Рысинский умер и был похоронен в 1625 году в Делятичах (Новогрудский район).

В средневековые выходцы из Белоруссии обычно называли себя за границей «Литуанус» (т. е. из Великого княжества Литовского), иногда «Полопус» (подданный Речи Посполитой), как это делал, например, Николай Гусовский, реже — «Рутенус» (что означало «руси», т. е. из Украины или Белоруссии); русином называл себя Франциск Скорина. Примечательно, что в имматрикуляционных актах Альтдорфского университета за 2 декабря 1586 года Соломон Рысинский записан «Solomo Pantherus Leucorussus»¹ (Соломон Пантерус белорус — «леукос» по-гречески — белый). Это, пожалуй, единственный случай, когда слушатель из Великого княжества Литовского таким образом определил свою национальную принадлежность. Леукороссией называл также Рысинский свою родину в письме к другу, немецкому ученому Конраду Риттерсгузену.

Рысинский, судя по немногочисленным сохранившимся непечатным и рукописным произведениям, а также по отзывам современников, славился как выдающийся учений и поэт. Ранние его сочинения, а именно «Две книги писем», изданные в германском городе Альтдорфе в 1587 году², проливают свет на условия существования и умонастроение молодого педагога, на круг его связей и знакомств на родине и за рубежом.

Из Сецимиана (Малой Польши) он писал своему другу — некоему Лаврентию Клобуцкому 8 февраля 1585 года: «...не стремлюсь через себя перепрыгнуть, идти на повышение и хочу снять с себя это бремя. Для такого благородного, как ты, достаточно, чтобы понять, почему я больше не прилагаю усилий совершенствовать мое дарование». В то же время Рысинский сообщал проживающему

¹ Die Matrikel der Universität.— Würzburg, 1912.

² Epistolarium Solomonis Pantheri libri duo.— Aldorphii. 1587. Издание сохранилось в единственном экземпляре в конволюте, который хранится в Гамбургской государственной библиотеке.

* Рысинский пользовался в письмах римским календарем. Для удобства читателей даты обозначены по современному календарю. Ссылки на «Письма» нумеруются, как и в альтдорфском издании, рим

в Литве левому реформационному деятелю Данилу Белинскому о том, как «у упиянского судьи в Жмуиди год тому назад... работал педагогом ...а здесь, в Сецмине, нет... должности, не пользуюсь никаким успехом, не могу продолжать и совершенствоваться в науках... угнетен бременем и подавлен тяжестью Атланта, не знаю, смогу ли выдержать это испытание. Едва не задыхаюсь, а для постижения наук у меня не хватает сил» (*I*, *I*).

К другу же Амвросию Станкару, брату арианского писателя Франциска Станкара, С. Рысинский обратился 27 марта 1585 года с просьбой: «Через неделю после твоего отъезда я был свален очень тяжелой болезнью. Тебе следует знать, что, восстановив здоровье, я, занятый обучением в трех местах, оставил работу, но по некоторым причинам вот уже 15 дней как за нее снова взялся, так как не нашел какой-либо другой должности и не освободилось какое-либо место, где я мог бы устроиться. Обливаясь потом в этой избы, с большим трудом и без сна добываю хлеб. В связи с этим, если желаешь, чтобы дела твоего друга исправились, поговори обо мне с уважаемым господином Данцилем, попроси от моего имени убедительно и покорно подыскать для меня какое-либо занятие, в городе или с выездом в другие места...» (*I*, *IX*).

Несмотря на неблагоприятные жизненные условия, Рысинский углублял свои познания в области философии, поэтики. В деревенской глупи он завершил исследование «По письмам к Луцилию» Л. А. Сенеки, вноследствии изданием в Нюрнберге в 1620 году.

В качестве кого и в каком возрасте Рысинский начал впервые за границу, установить трудно. В одном из своих писем он вспоминает, что в 1582 году прибыл в Лейпциг и завел там знакомства в кругах ученых. В последующие годы писатель снова проживал то в деревнях южной Польши, то учителяствовал в Гданьске, то сопровождал своих воспитанников — шляхетских детей — в поездках по городам Германии. Так, в 1585—1586 годах он находился в Альтдорфе с братьями Христофором и Станиславом Бучинскими, сыновьями польского дипломата Яна Бучинского. В Германии Рысинский, в частности, подружился с К. Риттерегузусом, в соавторстве с которым подготовил к печати оставшиеся в рукописи (1588) «Изыскания по Авсонию». На родине Рысинский сблизился с приверженцами левого крыла реформационного движения Д. Белинским, П. Стаскими цифрами. Номера ставятся после приводимых отрывков; арабской единицей и двойкой обозначаются первая и вторая книги «Писем».

торием, А. и Ф. Станкарами, Д. Наборовским и другими и вел с ними интенсивную переписку.

Точно известно, что в дальнейшем, после 1600 года, Рысинский находился на службе у князей Радзивиллов. Роль придворного поэта и воспитателя княжеских детей отразилась на творчестве Рысинского, который воссоздал в стихотворной форме воспоминания о действиях своих хозяев («Эпитоме», 1614), а также сочинил надгробные надписи для членов княжеской семьи и некоторых знатных лиц (Монументогия decas, 1614). Вильенской протестантской общиной Рысинскому было также поручено перевести псалмы Давида (1614) на польский язык. Известно также, что Рысинский участвовал в подготовке изданий Любченского печатного двора, в частности, сборников песен, канционалов. Писал он и небольшие «стихотворения на случай». Был советником и в некоторой степени наставником Христофора Радзивилла по вопросам культуры и вероисповедания.

Рысинский всю жизнь терпел нужду. Близкий его друг придворный лекарь Радзивиллов Д. Наборовский, присутствовавший при его кончине, свидетельствовал, что в оставшемся после поэта имуществе числились только книги.

Главным трудом, плодом многолетних изысканий Рысинского был «Сборник пословиц», изданный в Любче в 1618 году. Своим воспитанникам Бучинским составитель его в октябре 1585 года сообщал: «...в настоящее время я разрываюсь от многих дел, да что там разрываюсь - я им раздавлен; и учить, и переводить, и собирать я вынужден примеры, которые бы освещали и украшали преднисшания науки... Мне даже в праздничный день не приходится быть свободным от работы, пусть приятной и полезной. Та книга, которую я взял на свои плечи, очень тяжелая и, паколько я понимаю, в будущем меня не устронт. Ведь немногие ученые, которых мне удалось видеть, пользовались таким методом в собирании поэтических элементов. Поэтому меня одолевает большая забота, которой до сих пор, паколько мне известно, никто не испытывал. Я вижу, что взялся за труд, требующий большого усердия, для того чтобы извержения он мог принести пользу изучающим данный предмет. Огромная забота, с другой стороны, собрать множество книг, относящихся к делу, и привести, как говорят, к точке...» (2, II).

Менелаю Бучинскому Рысинский писал 20 марта 1586 года: «...я весь в этом: создаю и сочиняю то, из чего в скромном времени смогу чернать. Ко днем ночи добавляю...» (2, XI).

Как видно, уже в 1585 году, т. е. за 33 года до издания сборника пословиц в Любче, Рысинский с увлечением трудился над их сабиранием, сопоставлением с ними образцов «поэтических элементов», вошедших в книгу.

Если вдуматься в смысл обращений Рысинского к своим друзьям по научному поприщу, то можно прийти к выводу, что он больше всего преклонялся перед светочами мысли, а не перед властью имущими. Не случайно его предисловия к изданиям «Конъектуры к письмам Л. А. Сенеки» и «Восемнадцать сот пословиц» обращены не к князьям, как было принято в то время, а к ученым Бусеретну-су, Рему, Вишанду. В «Изысканиях по Автонию» вводное слово обращено к ученному Постию. Последнюю из названных работ Рысинский готовил вместе со своим другом юристом и поэтом Конрадом Риттерегузусом. Именно этому другу, переводчику и изыскателю греческого стихотворца III века Оиниана Рысинский посвятил хвалебные стихи и ему же он объяснял, как пользуются на Руси именем и отчеством.

В связи с последним и стало возможно установить имя отца Рысинского — Федора.

Оставаясь под влиянием древнегреческих философов Гераклита и Эмпедокла, особенно восхваляя их диалектику, Рысинский в своих воззрениях склонялся к дуализму. Вопрос о божественном возникновении мира, жизни на земле и человеческого общества вызывал у него сомнения: он верил в «бога-творца», но одновременно утверждал, что сама природа — создатель живого мира. В письме к известному реформационному деятелю Петру Статорию Рысинский говорит: «Человеческая жизнь, подобно прочему, обладающему матерней как своей сущностью... родилась или по настоянию творца совершенного устройства, не задумавшего это устройство так, чтобы с начала человеческого рода жизнь его протекала в одиночестве, или же жизнь зародилась по законам самой природы, которая это первоначально, т. е. не жить в одиночестве, предназначала для всех людей...»

В сочинениях Рысинского не упоминаются церковь, религиозные догмы или чудотворцы. Культ разума был той святыней, которой он поклонялся и которую беспрекословно признавал.

Убежденный сторонник гуманистических идей борьбы против феодального закрепощения личности, Рысинский, подобно Эразму Роттердамскому, клеймил невежество и высмеивал ограниченность лжеученых. Искренний привер-

жены Воздрождения и глубокого изучения памятников древнегреческой и римской культуры, он далек был от западноевропейского аристократизма гуманистов, ему чуждо было высокомерное отношение к народу; в народной мудрости, в остроумии и выразительности речи простых людей он видел новую, высшую ступень развития человеческого разума.

Рысинский осуждал жестокость и кровопролитие (в частности, в стихах, где описываются сражения и военные события, к которым был причастен Радзивилл). Ряд замечаний, связанных с разбором «Писем» Л. А. Сенеки, а также толкование собранных пословиц доказывают, что Рысинский был противником социального угнетения и общественной несправедливости.

Гуманизм Рысинского нельзя сравнивать с гуманизмом Томаса Мора. В то время как английский лорд-канцлер, описывая утопическую страну благоденствия, беспощадно расправлялся с мечтателями и воителями христианской справедливости — перекрещенцами, белорусский гуманист доказывал своим близким друзьям — левым арианам — неосуществимость их идей. Реальные перспективы Рысинский видел лишь в нравственном и умственном совершенствовании людей. Высшей ступенью человеческих отношений он считал общение между людьми, дружбу, для которой не должны быть помехой ни расхождение во мнениях, ни возраст, ни происхождение. Петру Статорию Рысинский писал: «Сходство между людьми, которое прежде всего имеет значение при совместной деятельности, — черта общизвестная. Вместе с тем сколько встречается оттенков интеллекта, столько же почти характеров, весьма между собой различающихся... Несмотря на такое разделение умов... я лично осуждаю тех, кто бредит опасением распада человеческого общества. Сходство в природе людей, будь то разобщенных, будь то спаянных каким-то родством, следует понимать не как случайное явление (такое рассуждение весьма ошибочно), а как явление, вытекающее из первичных сущностей, свойственных этим делам. Так как это последнее толкование наиболее правдоподобно, то первое, по-видимому, окажется недостоверным, как выводимое из туманных предпосылок» (2, XIII).

В своих высказываниях Рысинский укреплял у современников убежденность в успешном грядущем развитии человеческой культуры. Так, в письме Христофору Бучинскому от 18 апреля 1586 года он отмечал: «Человек не перестает стремиться к восхищенному обозреванию мира и не перестанет...» (2, XIV). А в письме к Бонкурию Цера-

зию подытоживал: «Скажу, не дни, а годы и века требуются, чтобы стать судейскими шарами научных предсказаний*. Для того чтобы эти предсказания сделать доступными, ученые вынуждены выполнять тяжелую обязанность домашних служанок науки...» (2, VIII).

Рысинский считал, что наука, основы которой были заложены великими мыслителями древности, должна быть доступна всем людям, независимо от происхождения, сословия и имущественного положения. Характерны в этом отношении высказывания в его письме к Бонкурию Церазию, где ученый утверждал, что «наиболее выдающееся у человека — разум, создателем мира распределен, как видно, поровну между всеми, подобно как и сама земная обитель, разум, построенный из одинаковой материи и имеющий одинаковую форму, судя по внешней оболочке, ни в чем, ни у кого из людей не отличается: он не обманывает своими направлениями, проявлениями либо показателями, характеризующими мышление человека, за исключением случаев порчи (явление болезни.— Я. II.), которая возникает в естественных или других каких-либо обстоятельствах. Однако разум порождает такую борьбу и разнообразие мнений и суждений между людьми, что едва осмелившись утверждать, что он возник из одного источника. Не станем разбираться в известной черте человеческой сущности, что тысячи индивидов желают для себя чего-то особого» (2, VIII). А в письме к Петру Статорио Рысинский подчеркивал: «Если спуститься из городов в деревни, т. е., как учителя логики говорят, перейти от рода к его виду, то, я думаю, что и в этом случае какое-то подобие соединяет и сближает людей. И те, кто обычно черпают из лопадиного ручья (иначе говоря, малообразованные), ставят перед собой цель, глубоко скрытую в их сердцах, — преодолевать склоны и обрывистые хребты Париаса, усиленно подниматься на его вершину» (2, XIII).

Рысинский ценил в людях моральную устойчивость, самоотверженную преданность науке. Он презирал нечестность и отвергал ухищрения лжеученых. В этой связи он писал Бонкурию Церазию: «Научные выводы оказываются разрушеными из-за разногласий между учеными; эти выводы уничтожены, стерты до такой степени, что едва можно разгадать их отражение в бесстыковости учащихся, в разнобое объяснений. Ведь наглецы лжеученые, пританы-

* Судьи высказывали свое мнение о виновности подсудимого, поменяя разноцветные шары в урину.

шись в своих порах, не боятся присваивать себе авторитет, будто в качестве единственных судей они выносят наиболее иправильные решения... Такие не только произвольно оценивают каноны, но разлагают о трудах настоящих мыслителей, поддаваясь самообольщению, будто тех подводит игра воображения. Поэтому обманщики не оставляют камня на камне от памятников писателям... Нельзя удивляться, если так поступают изыскатели низшего ранга. Их природе свойственно ошибаться и яростно упорствовать в своих ошибках. Исследователи высшего ранга, на виду у всех, до того противно паясничаят, что если не помнить об их звании, то, клянусь Гераклом, можно подумать, что они докатились до ребячливости, а этому возрасту присуще невежество и слабость суждений...» (2, VII).

Рысинский превозносил поэтический дар и преклонялся перед ним как перед высшим достижением человеческого духа. В поэзии он видел жизненную опору, средство облагораживания характера и ума. Он был глубоко убежден в том, что все народы достойны уважения. Все языки мира, включая неисследованные наречия американских индейцев, должны изучаться как неотъемлемая часть человеческой культуры. В языковой оболочке запечатлены «сок и ядро» народной мудрости в виде изречений, пословиц, поговорок. Больше всего он использовал сокровищницу сарматской речи, под которой понимал семью славянских языков.

В письмах к Бучинским ученым подчеркивал, что чувство трогательной привязанности к родине омрачено отсталостью, «засоленными и завялыми», но его выражению, состоянию наук в родных местах. Родину свою Рысинский называет Лейкороссией, т. е. Белоруссией. В письмах А. Станкару он в стихотворной форме заявлял: «Вот я, кого родила на границе Москвы многоснежной славной зверем охотничим, пущами, борами Русь...» (1, IV).

Творческое наследие Соломона Рысина с полным правом можно считать достоянием народов Белоруссии и Польши. Оно не только раскрывает огромные духовные богатства, накопленные в течении веков в недрах народа, но остается неопровергнутым доказательством того, что многие выходцы из Белоруссии XV—XVI веков становились светочами поэзии и науки.

СОБРАНИЕ КНИГ СОЛОМОНА РЫСИНСКОГО (опись)

Госархиве БССР (ф. № 694, д. 450, л. 58 — 85) находится документ, содержащий опись и стоимость книг Соломона Рысинского, составленный для князя Радзивилла и направленный ему в виде отчета самим писателем. В конце описи указана общая стоимость всех книг — 1862 злотых и доинеано: «Это считалось по давним покупкам, и я опустил расходы на перевоз книг из Штутберга — 136 злотых, из Лейпцига — 124 и из Базеля — 152. Не упоминаю 140 злотых, которые мне стоило помещение в Слуцке, где я хранил книги в течение 7 лет».

Каталог книг с местом и годом их издания или приобретения найти до сих пор не удалось. Не все, конечно, книги, принадлежащие Рысинскому и проработанные им, представлены в описи. Так, например, известно, что «Письма к Луцилию» Л. А. Сенеки, изданные в Париже, Рысинский приобрел в Белоруссии. Об этом он сообщал во введении к своему сочинению, посвященному разбору «Писем». Несомненно, большая часть книг из описи была привезена из заграницы, но в списке немало местных белорусских и польских изданий, прежде всего полемических выступлений сторонников и противников Реформации в Великом княжестве Литовском и в Польше — арианских книг и брошюр. В их числе важнейшее сочинение Сымона Будного — перевод Нового завета и введение к нему. В последнем опровергаются основные догмы христианского учения о неизрочном зачатии девы Марии, божественности Христа, загробном мире, святом духе, проводилась носледовательная критика версетов Библии.

В описи Рысинского числится также «Новый завет» Мартина Чеховица, одного из ведущих деятелей антитринитарского движения. В этом сочинении содержались напад-

ки на католическую церковь с позиций, несколько более умеренных, чем у Будного. Здесь же были представлены «Акты древних литовских синодов», в которых протоколы яростных споров по богословским и общественным вопросам отразили революционные настроения многих братьев из протестантских общин. В описи имеются и сочинения столпа кальвинизма в Белоруссии Андрея Воляна из Биотишек возле Ошмян и в первую очередь его резкое выступление против иезуита Петра Скарги, а также другие полемические материалы, изданные в Вильно.

Рысинский имел также сочинения левых ариан, последователей Петра Гонзезия, видного белорусского утописта, проповедовавшего возврат к раннехристианскому равенству и общности имущества. В описи его книг значится и произведения Кровицкого (1583), Зигровиуша (1616—1620), Занхия, «Постыдли» Краинского с едкими нападками на Сымона Будного. Числились в ней издания Брестского печатного двора — «О жизни и подвигах Скандербега» (1563), сатирические сочинения «История о папе Иоанне восьмом» (1560), «Порядок чертовского закона» (1570).

В братской вилленской типографии в 1610 году появилось произведение Мелетия Смотрицкого, выступившего под псевдонимом Орфолога, «Фринос» («Плач восточной церкви»). Эта книга тоже значится в описи Рысинского, хотя она по приказу польского короля была запрещена.

В библиотеке Рысинского оказались работы пришельцев из Италии, бежавших в Речь Посполитую от преследований инквизиции, Соццца, Альциата и др. Паряду с антирелигиозными сатирическими изданиями брестского нечтного двора, работами Будного, Чеховица или Платины и многими другими они были включены в индекс запрещенных католической церковью книг.

Как видно, Рысинский пристально следил за яростными спорами между католическими и протестантскими священниками. В его собрании — полемика иезуита Смилецкого с протестантом Смальцусом, выступление немецкого богослова Июниуса, обвинявшего в богохульстве новогрудского мыслителя ректора Ивьевской школы Яна Лициния Намысловского. Последний под псевдонимом Простперус Грацианус издал в Лоске в 1586 году учебник логики с примерами, взятыми из богословских учений, однако опровергнувшими догмы христианского вероучения. Июниус обратился к князю Радзивиллу, предупреждая и предостерегая его об опасности распространения книги Лициния, который, подобно Сымону Будному, расшатывал устои

церкви. Книга Июниуса была напечатана в Базеле в 1596 году.

Наряду с полемическими произведениями в описи значатся изданные в Речи Посполитой книги Ст. Ожеховского («Хроники»), Н. Рея («Псалмы Давида»), первые латинские произведения Я. Кохановского. Есть также книжка итальянца Липпо Брандolini, в которую включено четырехстишие Н. Гусовского.

Известно, что Рысинский принимал активное участие в подготовке псалтырей, канционалов, катехизисов, заказанных Виленским реформационным сподом для Любченского печатного двора. Рысинскому поручали переводить и править псалмы. Так, в сопроводительной статье к Любченскому канционалу 1620 года несколько раз упоминается имя Рысинского как переводчика псалмов. В собрании Рысинского числились псалмы не только в переводе Н. Рея, но и А. Рыбинского, а также немецкие и французские издания. Имелась в собрании книг и «Славянская псалтырь».

Более 30 лет готовил Рысинский сборник пословиц и поговорок, изданный впоследствии в Любче в 1618 году. Неудивительно, что в описи то и дело называются издания сборников пословиц и изречений разных народов. В числе важнейших — «Пословицы» Эразма Роттердамского, сборник пословиц Агриколы, «Гномология немецких и французских сенсаций», «Тезаурус политических афоризмов», сборники греческих пословиц и изречений древних поэтов, притчи Соломона, загадки Рейснера и др. Отдельно числилась в списке «Сокровища польских, литовских и латинских изречений» (возможно, имелось в виду собственное произведение Рысинского, хотя в конце описи отмечено, что в нее не вошли и остались ненасчитанными «не переплетенные книги в тетрадях, как-то псалмы, канционалы, паранэзисы, пословицы, похоронные надписи разнообразные мои и чужие на 130 златых»). Следует помнить, что в XVI—XVII веках под наименованием «литовское» подразумевали в первую очередь относящееся к Белоруссии.

В собрании Рысинского были представлены книги из разных областей знаний, как, например, многочисленные издания по географии, главным образом, как и все предыдущие издания, на латинском языке: «Обозрение круга земель», «Обозрение государств», «Нижняя Германия», «Тезаурус географии Ортелия», «Обозрение священной земли», «Географическая тетрадь», «Картина ста стран», «Географические рассказы (французские, австрийские, швей-

шарские), «Польская Лифляндия», «Путешествие по Германии», «Голландия в картинах», «Описание Валуа», «Описание Нидерландов».

Богато было представлено языкознание в виде двух- и трехъязычных словарей, учебников французского, датского, латинского, греческого языков, пособие по «экзотическим языкам», различные грамматики, египетские перограммы, сборники синонимов и др. Свои лингвистические познания Рысинский проявил в предисловии к Любченскому сборнику пословиц и в письмах к Риттерегузиусу.

В описанном числе много научных трактатов по истории: сочинения Следана, Длугопса, Кадлубека, «Древние римские надписи», «Хронология всех стран», «История Бельгии», «Хронология Московской войны», «История прусской дипломатии», «История Амстердама», «Перечень римских консулов», «Исторические памятники английских королей», «Прусская хроника», «История чешских писателей».

Из других областей знаний интересны сочинения Гуго Гроциуса о морском деле, исследование по орнитологии, книги по педагогике, астрономии, медицине, анатомии, архитектуре, психологии, зоологии, нумизматике, скульптуре, минералогии, ботанике, математике, даже по коневодству. «Гипника» ошмянского автора Николая Монвида Дорогостайского — это вообще одно из первых в Европе пособий по коневодству, рассматривающее породы лошадей, их болезни. Книгу иллюстрировал неевропейский художник Ф. Маковский. О конской сбруе рассказывала другая книга — «Конская сбруя разных народов».

В описанном упоминаются многочисленные работы по литературной критике, имеются комментарии к Библии, псалмам, книги Меланхтона, Липсия, Валлы, Мюре, Кальвина, Фрицилана, Штурма, Безы, Скалигера.

В собрании книг Рысинского были широко представлены также разные издания древнегреческих и римских авторов: Софокла, Аристофана, Аристотеля, Платона, Геродота, Плутарха, Эзопа; Плиния, Плавта, Марциала, Горация, Цицерона, Овидия, Вергилия, Катулла, Тибулла, Проперция, Корнелия, Галла, Персия, Ювенала, Кальвариуса, Тацита, Ливия, Валерия Максима, Апулея, Светония, Витрувия, Геллана.

О широте интересов Рысинского и прогрессивности его взглядов свидетельствуют имевшиеся в его библиотеке «Утопия» Томаса Мора и «Письма темных людей» — едкая критика пороков раннего капитализма и ядовитая сатира на интеллигентское и моральное убежество обескурантов.

Книги, собранные Рыениским во времена его пребывания за границей в конце XVI — начале XVII века, а также на родине, по богатству и многообразию не идут ни в какое сравнение с известными ныне библиотеками гродненского или щучинского монастырей, слуцких и виленских реформационных церквей, а также частных собраний книг, таких как Альбрехта Гаштольда (71 книга) и Авраама Кульвы, кенигсбергского профессора (90 книг)¹. Библиотека короля Сигизмунда-Августа, царствовавшего с 1548 по 1572 год, насчитывала 4000 томов². Таким образом, библиотеку Рыениского, превысившую тысячу экземпляров, можно также отнести к разряду королевских.

Рыениский был не просто собирателем и ценителем книг, он был всесторонне образованным инсателем. К нему с полным основанием можно отнести слова Яна Линния Памыловского, чье сочинение по логике Аристотеля числилось в собрании книг Рыениского. Памыловский учил в Ивьевской школе, каким должен быть настоящий ученый-мудрец:

Если владеешь множеством книг без разбору, не думай,
Что заслужил ты преславное имя ученого мужа.
Надо же много учсть, попытать и книг пользу увидеть.
То лишь твое, что в мозгу в глубине закрепилось на долго
И что, коль будет нужда, извлечень из ума для работы³.

¹ Дарацкевич В. І. Ліцінскія кнігі ў прыватных бібліятэках на Беларусі і ў Літве (першая палова XVI ст.).— В кн.: Из истории книги в Белоруссии. Минск, 1976, с. 59—67.

² Hartleb K. Biblioteka Zygmuntia Augusta.— Lwów, 1928, s. 41.

³ Licinius J. Sententiae ad communem vitæ usum...— Losci, 1589, s. 202.

ИЗ РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (Альтдорфские письма)

же в ранних произведениях Рысинского отчетливо заметна гуманистическая направленность его взглядов. Особенно в этом убеждают читателя изданные в Альтдорфе «Письма» Рысинского. Подтверждает высказанную мысль даже сам смысл слов эпиграфа к «Письмам»:

Кто бы ты ни был, не скажешь правдивее голоса писем.
Не заблуждаюсь ли? Разве Протеем и здесь хочешь быть?¹

Называя себя именем греческого мифологического старца, обладавшего способностью, согласно Гомеру, принимать облик льва, дракона, пантеры, текущей воды и дерева, Рысинский этим высказывал свое глубокое раздумье о путях развития литературного творчества вообще и эпистолярного жанра в частности. В словах эпиграфа подчеркнуто стремление молодого писателя отказаться от многоликости и изменчивости взглядов в пользу искренних и устойчивых убеждений.

«Письма» напечатаны курсивным шрифтом на латинском языке. В книге есть оглавление, в котором указано, кому адресованы письма. Всего их — 70. Они пронумерованы римскими цифрами. Сохранившийся в Гамбургской государственной библиотеке экземпляр, включенный в конволют с сочинениями Никодема Фринклина, напечатан был Николаем Талеусом. В справочной польской библиографической литературе «Письма» Рысинского упоминаются Эстрайхером² и Корбутом³. Из исследователей на них обратил внимание Станислав Кот⁴, который ограничился указанием на то, что они принадлежат перу одаренного

¹ Epistolarum Solomonis Pantheri libri duo. — Aldorpii, 1587.

² Estreicher K. Bibliografja polska XV—XVIII.— Kraków, 1915.

³ Nowy Korbut. Bibliografja polska.— Warszawa, 1959.

⁴ Kot S. La Réforme dans le Grand Duché de Lituanie. Annuaire de l'institut de Philologie et d'Histoire orientales et slaves. 1952, t. XIV, Mélanges Henri Grégoire, Bruxelles, 1953.

гуманиста, уроженца Белоруссии, и содержат ряд ценных биографических и историко-литературных сведений. На современные языки письма не переводились, кроме «Письма к Петрицию», которое на польском языке было включено в одно из изданий, посвященных арианскому движению¹.

В «Письмах» отражена глубокая образованность Рысинского-гуманиста. Свои оригинальные суждения и выводы он сопровождает примерами, сравнениями из истории, философии, литературы, широко оперируя образами античной мифологии и именами ученых.

В «Письмах» Рысинского имеется много сведений о судьбе самого писателя, его труде, переживаниях. Вместе с тем автор останавливается на общих вопросах творчества, а также на вопросах совершенствования писательского мастерства. Им затрагиваются этические и социальные темы. Так, о философии Гераклита и Эмпедокла речь идет в письме к Х. Бучинскому. Принципы общения между людьми разбираются в письме к П. Статорнию. О борьбе мнений и зазнайстве критиков читаем в письме Б. Церазию. О вреде корыстолюбия в искусстве толкует письмо Х. Мустриколе.

Некоторые из писем Рысинского выдержаны в шутливом ироническом тоне, как, например, к Т. Виниевскому, где говорится об «осле в литературе и в жизни» и делается намек на опасность верхоглядства в творчестве.

Социальные бури, сотрясавшие Европу, и в частности Речь Посполитую и Германию конца XVI — начала XVII века, отразились в «Письмах» не очень широко, хоть местами Рысинский с глубокой убежденностью высказывается в них о необходимости единства народа перед лицом угрозы со стороны иноземных захватчиков. Он презирает недобросовестность ученых. Так, в письме к Яну Петрицию приведены слова видного антипримитарского писателя Андрео Альциато: «Когда бросаются в бой, нанося взамину себе раны, жестокая львица когтями, венрь же — клыком, корини прилетает разведать и хватает добычу. Слава победителя становится будущей его добычей». «Таким же образом, — делает вывод Рысинский, — многие государства, когда разгоралась междуусобная ненависть и шатали внутренние раздоры, были захвачены и растерзаны внешними врагами, понеся огромные потери» (2, XX).

Возмущение исевдоучеными выражено в письме к Бонкурнию Церазию, где Рысинский категоричен в обличении

¹ Literatura arjańska w Polsce XVI w. Antologia.— Warszawa, 1959.

того, как они все перевирают, все с шириной изменяют, порхая, разумеется, в высотах своего неба. Они настолько доверяют перевариванию своего мозга, что тот, кто считает их исследователями, не в силах избежать заключения о равноЗенности их выводов военной измене...» (2, VIII).

Вместе с тем в советах друзьям, как ценить творчество, совершенствовать себя и окружение, чувствуется убежденность автора в могуществе науки, в величине поэзии. «Я,— писал Рысинский своим воспитанникам Бучинским,— считаю тех по-настоящему мудрыми, кто любит эту область наук (поэтику) и не колеблется приложить труд для изучения ее. Уверен, именно такие люди утверждают качества, достойные человека. Могу назвать много причин неправильного восприятия поэзии и нахожу первую и главную в том, что немногие научились оценивать значимость и благородство, умение пользоваться этим божественным даром. Разумеется, у невежды нет никакой страсти...» (2, II).

Из писем Соломона Рысинского вытекает, что он высоко ценит творчество Андрея Рымши, стремясь приблизить свой перевод стиха поэта к звучанию подлинника. И действительно, хотя только на основании латинских текстов трудно судить о достоинствах поэзии Рымши, однако сопоставление обнаруженного в «Письмах» произведения с известными до сих пор его напевиками показывает большую образность языка, богатство и многогранность его воображения. Выражения, которыми Рысинский пыгался передать стихи Рымши, не идут ни в какое сравнение с его немногословными и скучными в художественном отношении описаниями гербов Волловичей, Санегов и Скуминь. Перевод Рысинского интересен не только тем, что бросает свет на развитие поэтического дарования Рымши; он пример кропотливого и искусного труда поборников гуманизма в Белоруссии. Не говоря о мастерском построении гекзаметров и замене их элегическим двустишием, обращает на себя внимание богатство языковых средств: Дунай — Истр, солнце — Феб, луна — Киприя, небо — Олимп, стихи изобилуют латинскими словами и словосочетаниями с тонкими оттенками значений.

Работа Рысинского над стихотворением Рымши обогащает наши сведения о поэтическом наследии в Белоруссии; она представляет собой достойный изучения образец, свидетельствующий о высоком культурном уровне жизни у нас в XVI столетии.

В конце писем Рысилский обращается к благосклонно-

му читателю: «Наиболее зоркий из некогда живших Линкей* был обманут. Что, однако, Линкей? Даже Арг**, наиболее проницательный из всех людей, которые есть и которые были, и тот заблуждается. Ты, мой читатель, разве полагаешь, что книжник, наделенный двумя глазами, не может ошибаться, если обладающей стоким зрением Арг мог?

Весьма обманчивы чувства, зрение — наиболее. Мы — люди: ничто человеческое нам не чуждо, никакими усилиями мы не можем добиться того, чтобы не подвергаться обману и не ошибаться, смотреться. Никто из нас не обладает таким острым зрением, как орел или эндерврская змея. В полдень мы действуем, как кроты...»

Хотя эти слова предваряют неправление ошибок, допущенных печатником в тексте «Иисус», они внушают читателям сомнение, колеблют их уверенность в незыблемости окружающей действительности, возбуждают критическое отношение ко всему прочитанному и услышанному из уст людей, «средь бела дня» обманывающих неискушенных.

Современником Рысинского был Фрэнсис Бэкон, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «истоящий родоначальник английского материализма, всей современной экспериментальной науки»¹. Основные, однако, труды «Новый органон», «Естественная и опытная история» были написаны шестидесятилетним веруламским бароном в 20-е годы XVII века. Рысинский же сочинил свои «Иисусма» в ранней молодости. Фрэнсису Бэкона тогда было 26 лет. В 80-е годы XVI столетия Рысинский резко выступил против учеников-схоластов, высказал мнение о том, что человек — общественное животное, что только дитческий опыт приводит к истине, так как органы чувств обманчивы. Рысинский опередил в своих взглядах на материальную основу мира и демократизм английского аристократа: он верил в бога, но отвергал примирение науки и религии; парод, и глубокому убеждению автора «Иисус», — посчитать мудрости и опыта, а у Бэкона парод — это источник смуты.

Противоречием в дальнейшей творческой деятельности Рысинского было то, что, с одной стороны, он продолжал собирать пословицы и поговорки, общаться с простым народом, а с другой — воссевая в интеллигентских сочинениях своих покровителей — белорусских феодалов,

* Линкей — мифический герой с необычайно острым зрением, его взор мог проникать сквозь землю и скалы. ** Аргус — многоглазый великан, во времена сна часть его глаз бодрствовала.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. II, с. 142.

ИЗ «ПИСЕМ»*

О сущности человека

«Те, рождение которых Гермес озарил счастливой звездой так, чтобы, начав путь к богу, они разбирались в наименее глубокой и тайной сущности знаний о божественных и человеческих делах, вступают в область учения Гераклита, утверждавшего, что все происходит вследствие борьбы. И не без основания, так как многообразие явлений, возникающих перед глазами внимательных наблюдателей (на чем основывается истина Гераклита), само сочетание непримиримых вещей освещает это ярким светом. Но и те, кто, отвергая учение Гераклита, следуют за Эмпедоклом, считающим, что вселенная держится на вражде и дружбе, и принимают это за неопровергнутое аксиому философии, оказывается, ошибаются. Ведь подобно тому, как мегалантрон (великий человек — бог — вселенная. — Я. П.) состоит и образован не только из раздельных, но и вообще противоположных и друг с другом борющихся (элементов), так и микрокосм (маленький мир — человек. — Я. П.) внутри различается двумя противоположными материями — подверженной и неподверженной порче. Эти семена несогласия, кажется, дают основание (паряду с вторичными причинами) вечного и нерасторжимого согласия: ведь и до сих пор краинка нерасторжимая связь (элементов), возникающая из противоборствующих тенденций.

У микрокосма-человека есть общая часть с мегалантропом. Эта часть, конечно, низшего достоинства и меньшей значимости, но с ее помощью он считается, каким есть. Именно микрокосм-человек является животным, наименее стремящимся к общению и взаимопониманию, а это само по себе могучее и достойное восторга свойство...» (2, XIV).

О величии поэзии

«...Маленькие соловьиные ушки улавливают великое множество звуков, но гармония их никоим образом не составляет истинную и подлинную сущность поэзии. Ее дар, пожалуй, присущ одному лишь человеку: именно дар связывать слова по определенным законам и научно их оце-

* Ограбил, перевел и озаглавил публикуемые отрывки Я. И. Порецкий.

нивать. Отсюда — школы с хорошо организованными классами, где преподаются правила и жизисописания творцов-поэтов. Все это направлено на развитие определенной способности. Совершенствование в области поэтики дают название «гуманитарное образование» по той причине, что эта часть науки исключительно выпала на долю человека, а также потому, что она ограждает человека от звериной и варварской природы и делает его более человечным и мягким.

Подтверждение сего можно найти у сильвийского кудесника: «Добавь, что благородным искусствам верно обучили. Они смягчают нравы, кладут предел дикости». Благодаря поэзии добреют сердца, исчезает неотесанность. Нет ведь столь грубого и свирепого человека, которого не тронула бы и не покорила изящная, прекрасная или убедительная речь. Иногда, говорят, включенная в соответствующие размеры, она достигает того, что с помощью ее французский кудесник не только сдвинул, но и увлек камни и стволы деревьев. Такова привлекательность, такова красота метрической речи.

...Книжки вынали из рук Цезаря, введенного в удивительное оценение красноречием Туллия. Таковы спра и действенность речи, хороши обработаний и богатой ритмами. Пусть бы она не чуждалась ораторов!» (2, XXIII).

Поэтику постигают усердием

«...Если какое-либо занятие требует внимательного и усердного упражнения, то это прежде всего поэтика. По этому поводу есть слова и у Пазона и у Марона, творения которых «ночной листайте рукой, листайте дневной». Более того, при чтении поэтов ревностно запоминайте фигуры и изречения, свойственные им, своеобразные, красивейшие по построению и расположению, их рассказы, сочинения, остроумные истории, прибаутки и изречения. Все это полезно и необходимо в повседневной жизни. То же надо сказать об иных увлекательных образах, которыми поэты, паче прелестны пения итиц, благозвучными словами стремятся воспитать нравы людей, ораторов.

И то при случае отметьте, что вы должны насытиться опытом своих усилий и таким путем глубоко изучить данный вид стиха и достигнуть в творчестве вершин. Ознакомьтесь как следует с непричастным к вашей работе автором, играющим первую роль в данном роде стихосложения, и, поверите мне, это принесет полезные плоды. Если

большой возвышенности выывает у вас элегический размер, то совершенствуйте этот род стиха, работая над Овидием, если гернический — обратите внимание на Марона, если лирический — задумайтесь над песнями Горация. Ведь подобно тому, как не получается выдающийся закройщик, коль он не взялся за изучение приемов образцового мастера, так никакой лирический поэт не достигнет в будущем совершенства, не научившись у Горация. Подобно и живописец Зеукес, приняв за образец пять прелестных дев, живописал прекрасное. В противном случае приходится терять плащаницу масло (время) и труд...

Говорят, что когда Церера* объяясняла Тримтолему **, изобретателю науга, пользу хлеба, она внушила: «Не очистишь, не улучшишь и не поешь». Отсюда вытекает, что никто не продвинется вперед в своем деле, если не приложит к нему усердный труд. Ведь у тех, кто занят ремеслом, остается один только опыт.

В остроумном греческом изречении прославляется и количество упражнений и изучение. Отсюда, как известно, изречение Эпиктета: «Номини, знание не зарождается внутри человека, если каждый день он не повторяет, не смышил, всю жизнь не отстанет задуманием...»

И пусть вас не отчуждает от цели тонкое и щадительное испытание разума; ведь когда вы постигнете природу ума, с большим успехом сможете разобраться в этих изысканиях. И не обрекайте дух на тяжелое переживание, отчаявшись в возможности дальнейшие работать. Помините о девизе Карла V пятого, римского императора: «Продолжайте так, чтобы у вас не прошел ни один день без прошествия черточек». Ведь всякий труд, прежде чем к нему приступить, кажется тяжелым и первая с ним встреча из наиболее беспощадна. Великий опыт приходит с поздними годами. Вспомните слова Пазона: «Камня долгит камень не силой, а частым надением». Так и человек ученым становится не силой, а постоянным учением...» (*I, XVII*).

Предостережение ученым

«Да обладай человек остротой рьяного взора, и зоркие глаза не уберегут от заблуждения; да будь он трижды осмотрителен, не быть тому, чтобы никогда не ошибаться в мелочах: ведь никто не счастлив во всех отношениях. Та-

* Богиня Церера (греч. Деметра) передала ему искусство земледелия и отарила зернами начиницы ** Тримтолем — греческий герой, божество земледелия.

кое встретишь и среди людей с исключительным образованием и рассудительностью. Так оно построено природой: когда кто-нибудь считает, что достиг высшего совершенства, тогда больше всего поступает безрассудно. Когда кто-либо убежден, что поднялся до вершины образования, то он едва находится на низшей его ступени. Вот уж действительно опрометчивость человеческого ума: пренебрегая тем, что находится рядом, взлетать к высшему, пусть это сопряжено с трудностями и даже с опасностями. Намного безопаснее поступил бы человек, если, удовлетворенный обыденным, применив свои способности к нему, пытался бы усердно работать в доступной области и не дерзал вырываться за Геркулесовы стояния. И крылатое животное, чем больше у него перьев, тем выше рвется, пытаясь взмампти крыльев парить в поднебесье. Оно считает недостойным летать ниже и пытается где-то в недемии высечь овладеть кузиной, в которой кустятся истина. Подобное безрассудство присуще и нашим философам, когда они пытаются подняться выше метеоров и метафизики. Тяжело остановить их и убедить, что они заблуждаются, но в конце концов они надают на землю, тяжело барахтаются, допускают неденые ошибки в простейших делах, от которых раньше отворачивались и которыми пренебрегали» (2, 1).

О вреде торгашества (Из инсюма к Х. Мустрикоде)

«...Когда-то антропоморфиты, включая себя в число претендентов на установление истины, полагали, что у ваятеля есть некое сходство с вымыслом; и в наш век это название подойдет тем, кто привык подражать любым формам и изображать иолинов (хищников) и хвостатых обезьян, лишь бы появился памек на плату. К таким не только всеобщее презрение, но, главным образом, они противны ценителям истины, исполненным небеленый или парумяниной элик-вещей.

Совсем недавно я понял, что ты хотел решиться на торг, чтобы пастись до отвала, и пытаешься таким путем дурочить кое-кого из наивных. Этот прием, конечно, меня очень встревожил, так как страсть к славе, безусловно, не принесет тебе никакой пользы. Разве прошло мимо твоего разумения то, каким остроумием и какой сообразительностью... снабжены даже более грубые умы нашего века? Если было верным когда-то, то, безусловно, правдиво из-

весное высказывание Марциала и сейчас: „И у детей есть
иное носорога (т. е. даже дети бывают весьма хитрыми и
придирчивыми)“ (2, XVIII).

О дружбе

«...Рассказывают, что у персидского царя был служитель, который на рассвете входил в царские покой и такими словами будил его: „Вставай, о царь, и позаботься о делах, о которых Ормузд^{*} хотел, чтобы ты заботился“» (написано по-гречески.— Я. П.).

Мне, если даже над ухом не собирается прорубить какой-нибудь горнист, противно и неприятно при мысли о том, что не удалось помочь другу. Мне тогда кажется, будто я слышу божественный голос выдающегося писателя, который напоминает о ленивом скудоумии: «Друзья, я день потерял...»**. Это тяжелое и страшное обвинение в измене дружбе можно было бы объяснить неизбежностью смерти, туман которой всех нас останавливает. Но ведь она, которой чуждо вообще человеческое, еще не наступила, хотя и предстаётся силой всепорождающей природы, неизведанным свойством, привитым к росткам ее корня.

Зачем, однако, пытаться вытаскивать из дневной свет примеры, говорящие о бесценности дружбы. Само дело говорит за себя, оно освещено Фаэтоновым огнем... Посмотрев сквозь решетку, поставленную на памятниках писателей, можно убедиться, какой тирании подчиняла себя дружба многих сердец. Она, как власть, заставляла застигнутых этим чувством добровольно идти, хотя никто не торонит, через скалы, бездны, по непроходимым утесам, которых даже во снах наиболее причудливое воображение себе не представит.

Дружба Тезея и Пейритоя ***, подобная нерасторжимому гордиеву узлу, всем и каждому известна. Стальная связь Ореста и Пилада **** на всех устах набила осколки. Также не забывается воспетая у Марона верность Евриала *****. Опустим бытующие в гуще народа подобные сказания, переданные памяти в баснях писателей, лучшие не-

* Ормузд — древнеперсидский бог света и добра. ** Atticī dīēn perdidī — по римскому писателю Светонию выражение приписывается римскому императору Титу (62—81 н. э.). *** Тезей — аттический герой, связанный дружбой с Пейритоем — царем мифического племени Лапифов. **** Орест и Пилад — герои древнегреческих сказаний об аргонавтах — церазлучные друзья. ***** Евриал — сын Одиссея — героя «Илиады» и «Одиссеи». Марон (Вергилий) воспевает его верность.

ренесемся в кладовую, наполненную памятниками прочной веры в дружбу. Здесь уместно вспоминать о Лелии и Сципионе *; их союз был настолько прочен, что сам отец римского красноречия не колебался передать о нем потомкам в своих сочинениях. Далее напомню о Демоне и Пифии **, двух телах, оживленных одним духом. Каждый из них, хоть жизнь их оборвалась, был убежден, что побеждит. Также Туллий и Максимус Валериус *** в один голос воздают должное дружбе. Что уж, если затронем священное, божественное описание, не загрязненное иным подозрением, как обзывают христианское богочестие! Едва туда ступим, как предстают сыпь царской крови Ионафан **** со святым царем и кудесником Давидом. Их сердца так близко срослись, что каждый из них предпочел бы лишиться благосклонности родителя, чем друга. Давид настолько был проникнут влечением, неподвластным своему отцу, что все жестокие и несправедливые упреки дорогой дружбе от непоколебимой кней непривязанной отцовской переносил невозмутимо. Это сильнейшее чувство вопреки желанию отца он заставил подчинить своей власти, несмотря на угрозу смерти...» (2, IV).

Признание приятию

(Из письма к Демосфену Бучинскому)

«...Оценение высказанию распространило какой-то туман; пришлося себя убеждать, что перед глазами не Гомер, Калимах и прославление римлян, а письмо, пересланное мне моим Демосфеном. Как это тебя, мой прекрасный Демосфен, Паллада надоумила, что ты таким рогом разрубил мне хвалу? Клянусь Гераклом, по крайней мере, частичку тех похвал, которыми меня осынаешь, кое-кто мог бы сыграть на тройной трубе. Не хватает, чтобы Марс взялся за рог и воспел это. Возможно, Гектор у Меонида ***** считал бы это исполнение истинным и красивым... Следовательно, ты скажешь, я предпочитаю, чтобы меня порицали. Со спокойным сердцем не вытерплю, если что-либо смогло бы взаправду ускользнуть от суда Радаман-

* Лелий — друг Сципиона Старшего (умер в 183 году до н. э.).
** Пифия — прорицательница, жрица Аполлона; Демон — сверхъестественное существо, не имевшее культа, у Сократа Демон — внутренний голос.
*** Валерий Максим — римский писатель I века н. э.
**** Ионафан — друг библейского царя Давида.
***** Гектор у Меонида — у Гомера предположительно Меония — родина Гомера.

та*. Значит, говоришь, я бы желал, чтобы соблюдался умеренный восторг? Да, я не возразил бы. И, по утверждению Гелия**, более противно заслужить холодную похвалу, чем злобную хулу...

Ведь счастливые придерживались умеренного. Добротель — это нечто среднее между пороками, от обеих крайностей равноотдаленное. Я полагаю, что лучше было бы помнить об этой истине и о боже молчания Гарпократе, так как это наиболее надежная награда по свидетельству Валерия Максима...

Пусть положено скрывать тайны души, но что меняет передавать их ушам, которым тайну можно доверить? Кажется, я сам перелетаю на крыльях Дедала Олимп. Откуда, говоришь, столь стремительный полет? Именно воодушевленный вашим похвальным словом, я устремился к такой красоте и преодолел вершину столь крутых склонов великой поэзии! Как? — спросишь. Я собрал с Хребта Гимета*** пахнущие цветы, из них я приготовил текущие меды, сладчайший плод я поместил в пиалах, которыми меня, посещившего Парнас, поили Пиэриды****. Затем, воспользовавшись оттесом, я приспособил крылья и внезапно стал крылатым.

Ты спрашиваешь, не разбавил ли я медовый напиток обыкновенным соком. Никоим образом. В этом деле мне помогли труды Амалтеи***** и Мелиссы*****¹, которые воспарили дух и тело мое сладчайшей амвросией и приятнейшим соком из груди, поэтому меня многие считают галактофагом*****.

Итак, ты думаешь, что все плавут к той же гавани вдохновения? Ты очень ошибаешься, не любой является Платоном, на чьих губах пчелка — собирательница меда. Не любой — Нестор*****², из коего уст течет медоносная речь, как и не любому человеку удается достичь Коринфа*****³. Не всем можно паслаждаться нектаровым даром богов, по, клянусь Геркулесом, что я говорю! Сейчас

* Радамант — один из трех судей в подземном царстве. ** Авл Гелий — римский автор II века н. э. *** Гимет — гора в Аттике, славная именами, медом и мрамором. **** Пиэриды — одно из названий муз от местности Пиэррия, где они собирались вблизи Олимпа. ***** Амалтея — коза с волшебным рогом (рог изобилия), вскормившая Зевса. ***** Мелисса — пчела; древние считали пчел божественными нимфами. Рыенский пронизывает по поводу своего минимого особого вдохновения. ***** Галактофаг — любитель молока, «молокоед». ***** Нестор — красноречивый оратор, герой Троянской войны. ***** Коринф — греческий город, где в древности проходили состязания в честь Посейдона.

не смогу трубить отступление и убрать паруса, вздутые ветрами горделивости, расправить брови, слишком насупленные. Что поделаешь? Фригиец* становится лучше от побоев. Нет ничего столь святого, чего бы зубы черной зависти не смогли разодрать и испачкать. Куда действительно эта Гарпия не забирается? Чего она не портит?..» (2, III).

О себе

Из письма к Т. Виннекскому

«...Я веду жизнь непринужденную, суровую, веселую, грустную, я здоров, зяблю, я рассудителен, заставляю себя ждать, спешу и делаю остановки, тороплюсь, но слишком медлением шагом.

Против моей воли следую за Протеем, меняющим облик. Не меня осуждай, а судьбу, Протея. Ты узнал его местонахождение, тебе известна свойственная ему изменчивость» (1, XXIX).

Из письма к Д. Бучинекому

«...Не знаю, какой сладостью родная земля всех влечет и не позволяет о себе забыть... но, клянусь Гераклом, когда есть весьма удобный случай вынести ноги из гнезда и украшенную домашним перьями голову высунуть наружу, хочется насыщенному отечественным воздухом поюхать и духа иноzemного. Долго ли мы будем вести монастырскую жизнь, долго ли привязанные к тем же углам будем довольствоваться учением, почти засоchenным и зачинаенным? Избитое утверждение «домашнее занятие делает ученого» является не столь прочным и всеобщим, чтобы не иметь исключения. Не следует отделять кабинетную работу от работы в сообществе с другими, и наоборот...» (2, XXV).

Из письма к Я. Томингу

«Когда я, образованнейший Томинг, вместе со славным врачом Иоанном Гаслером прибыл 25 августа 1582 года в ван прекрасный Лейниг, тотчас же узнал, какой любви и какого уважения ты достоин, так как выдающийся юноша, обладающий редким даром ума и исключительной от

* Фригиец — баснописец Эзоп, который был, во преданиям, фригийским рабом. Ирония Рысинского: побои — резкая критика, которая заставляет автора взвинчивать свои выводы.

природы добротой и человечностью, излил на меня удивительную и единственную в своем роде благосклонность. Признаться, никто не скажет, что я предлагаю твоим ушам что-то новое. Оказанная мне тогда благосклонность пустила в моем сердце крепкие корни... Поэтому я полюбил тебя, так люблю и буду любить, сохраняя чувство, не похожее на луническое вероломство. Эту признательность благодарного сердца я засвидетельствовал уже прежде в письмах и сделал возникшую между нами дружбу более прочной. Эта дружба не изменилась. Недостаток силы и способности некоторых людей к сохранению дружбы обычно становится предметом жалоб и недовольства, тем более, если они разделены большим расстоянием.

У меня к тебе небольшая просьба, прежде чем закончу письмо. Я помню, что сделал для тебя конно бедно рожденного и бедно выращенного плода моего ума, стихотворного гернического произведения «О страстях господних»: я не мог его попросить у тебя в связи с внезапным отъездом. Прошу тебя еще и еще раз во имя нашей дружбы позабочиться мне переслать его, если оно только сохранилось от съедения мышей и моли. Привожу две причины моей просьбы. Во-первых, в сочинении много ошибок и стихотворных погрешностей; во-вторых, это единственный экземпляр, найти его не оставляет меня надежда. В пылу страстей, когда я покидал Вильню, я, вернувшись, обнаружил пропажу этой работы» (2, XXX).

Из письма к Амвросию Станквару

«...Человеческие глаза лучшие видят чужое, чем свое. Всё себя действуют, подобно рыси, внутри — кроту» (1, XX).

Из письма к Т. Виннекскому (Притча об осле)

«...Из твоего письма я увидел, что тебе не хватает материала для прославления головы осла. Конечно, ты попал в весьма дурное положение. Кто же, вознесенный славой, не работает над тем, что, по общему признанию, считается нужным и бесспорным. Такой (писатель.— Я. П.) стал бы белой вороной. Однако падать духом тебе не следует. Сколько раз, бывает, порицают и дергают наиболее честных. Итак, паоборот, нет ничего столь ничтожного и презренного, чтобы не могло стать предметом наговоров.

С наибольшей готовностью берусь за дело. Пусть, следовательно, осел будет животным, полностью презреным и глупым; им даже славный фригийский сказочник пользуется линь для порицания, то есть для показа его глупости. Отсюда и людей никчемных и глупых то дурнями, то ослами простонародие обзывают. Хотя такое (находим) в книгах фригийца, тем не менее Аристотель передает в книге о животных, что осел трудолюбив, весьма терпелив, рожден для большой пользы людей. Он животное простое, поэтому туюмное, терпящее холод, мороз, тяготы, большие невзгоды. Действительно, никто не становится мудрым, ничего не вытерпев. Одни священные книги воздают обильную хвалу и отмечают превосходство этого животного. Наиболее известен случай с непобедимым героем Самсоном, который повалил тысячу мужей челнотью осла. Из нее через некоторое время потекли обильные источники. Этот случай, безусловно, указывает на то, что бог даже наиболее сильных из людей, наиболее остроумных софистов и мудрецов его мира побеждает рукой и устами простаков и несведущих. Уломянем и то, что поэты рассказывают о Юпитере, который, воспользовавшись ослом как животным, поведал тайну людям. Конечно же, величайший и лучший господь объявлял нам свою волю через простых и неотесанных апостолов. Много есть такого рода писателей, которые трудились во хвалу этого одушевленного существа. Это и я делаю в настоящем поэлании. В нем легко прочитаешь о том, что окажется пригодным для твоей затеи. С полным основанием смог Самсон в качестве отличия использовать морду осла и ему не стыдно было дать ее как знак рода. Показывали же другие в качестве отличия медведей, львов, орлов, грифов и невесть каких чудовищ, чуждых всякой человечности. Наверное, это подобает...» (I, XVI).

Из письма к Мирандуле, брату

«...Мне кажется, что ты отсутствуешь год,уважаемый брат, хотя тебя нет 40 дней. Такая печаль последовала за твоим отъездом, что мы отчаялись, сможем ли оставаться дальше в живых, если бы не надежда, что, по мнению многих, ты вскоре вернешься. Если бы ты смог посмотреть на кого-либо из нас, застрявшим между надеждой и опасением, ты бы сказал, что это иский Харон. До такой степени все было охвачено тоской и печалью, погружено в отчаяние, ты бы увидел, как никто не проявлял никакого весе-

лия. Потуплены к земле взоры, ветревоженные и почти окаменевшие лица всех. Если бы в это время прорицательница Питонисса ^{*} вызвала к нам Назона из подземного царства, то не совсем темные или скрытые и трудные для восприятия, а животрепещущие и на самом деле представительные метаморфозы он смог бы воплотить в сочинениях. Что же хотел выразить такой вид нашей обители? Имению желания, чтобы твой взгляд осветил ее темные углы, чтобы вернул прежнюю веселость. К сожалению, все это совершенно ясно подтверждало твое отсутствие.

Какое все же присущество богов происходило в нашей обители, когда все украшало твое присутствие! Не усомнившись сказать, что все приходило в движение. Ты не меньше, чем тот Пан, то остроумием, то беседами, то прекрасными речами, то песнями, то гармоничными, естественными и изучими словцами привык весялить и ободрять. А теперь все мы подобны Баттам ^{**}, никто не говорит, а если говорит, то ни в коем случае не чувствуется твоего красноречия, никто не поет, а если поет, кажется, что воет, и никто не представляет что-либо, что могло бы привлечь внимание всех. Разве по праву мы лишиены всего этого, и кажется ввергнутыми в печаль и одиночество? И если бы приятнейшее воспоминания о тебе и о прошлом у нас было похищено, то конечно было бы с нашим спасением...» (2, XIX).

Из письма к Бусертиусу

В мае 1587 года Рысинский писал ректору Альтдорфского университета Бусертиусу по поводу смерти его дочери: «Я сегодня узнал, прославленный муж, что твоя дочурка Юлиана по неминуемой необходимости распроцатилась с жизнью, похищена жестокой смертью. Знаю, ты переживаешь такую муку, необыкновенную боль, нечестивую память, всеми людьми, подвластными этому закону. Каждый из нас несет в себе страдания, но больше всего родитель, потерявший дитя, душой несравненно истерзан. Тебе, однако, подобает претерпеть в спокойствии духа судьбу этого ребенка, похищенного на пороге жизни, хотя бы во имя того, что это горе, если его следует считать только горем, а не величайшим благом, общее. И действительно, не позорно людям друг с другом делиться несчастьем (написано по-гречески.— Я. П.), как говорит Фессей у Еврипида. Возмож-

* Питонисса — Пифия — волшебная прорицательница.

** Батт — пастух, превращенный Меркурием в камень.

но, у нас не меньше сочувствия к будущему блаженству, чем у того невежественного фракийского племени, которое, когда человек появляется на свет, разражается плачем и стечанием, когда же он умирает, веселится и пускается в пляс, не скрывая своего убеждения в том, что тот, кто вступает в жизнь, вступает в юдоль скорби, а уходящий из жизни освобождается от моря горестей и понадает в гавань умиротворения. И конечно, истиной представляется мысль: *тот, кого боги любят, умирает* (написано по-гречески.— Я. И.). Что же более похвально и полезно мыслится в человеческих делах, чем когда быстрее достигают цели, каким-то кратчайшим путем. Какой же более краткий может быть путь к будущему бессмертию, чем когда в детском возрасте отдают долгое природе? Все ведь иссомпено в земной жизни, один медленнее, другие быстрее, странствуем от людского к вечному. Но зачем я добавляю воды в океан? Ты по своей мудрости сам достаточно об этом знаешь. Все же ввиду того, что я вошел в необработанной несне рождение дитяти, я решил поведать грядущему тем же первом день сго кончин; итак посылаю восемнадцатую двойную эпиграфу, созданную по случаю; если она тебе удастся, прими как утешение, если она тебе не будет приятна, не теряю надежды, что ты силой волн себя сдержишь. Будь здоров!

Из Нюриберга. Май 1587 г.

Судеб, увы, беспощадны законы, сурово господство
Смерти, кому ж усмирить, победить, осилить ее?
Старцев и юношей, отроков, малыев незрелых похитят,
Матери труд не оставивших, разве она понадигт?
Вот же, свирепая, нежную дочку берет с колыбели,
Десять недель ей исполнюсь, только и кончалась жизнь.
Люди, пока вам позволено жить, так живите, ведь время
Гибели, час неизвестны, а в смерти сомнения нет.

Юлиана обращается к родителю

Хочень, отец, облегчить расставание с умершей дочкой?
Душу утешь и печаль из груди пабоевней гони!
Грустью окажешь мне долгое думаень. Так ведь напрасно!
Милый отец, ты послушай-ка, в чем убедить я хочу:
Может узнаешь причину двойную душевного мира--
Жизни твоей и моей никакого подобья нет.
Дым нечезающий, сон, будто тень, твоя жизнь ускользает,
Жизнь же мой -- это птичий успокоения венец.

(2, XXXI)

Из письма Церазию Бонкурию

«...Я заметил, любезнейший Бонкурий, по твоим письмам, недавно присланым мне, что ты крайне удивлен приемом Иоанна Валеса, нашего большого друга, который номестил в заглавии «Печальных песен» известное двустишие Клавдiana:

Pudoris stare diu Parcatur lege negatu,
Magna gerente rurum summa cadunt subito
(Парки запрет налагают: краса сохранится недолго,
Рухнет внезапно великоле, высшее вдруг упадет)

в таком виде:

Summa cadunt subito magna gerente rurum
(Высшее вдруг упадет, рухнет внезапно великоле)

Твое удивление и сомнение легко рассеются, если вспомнишь о правилье, оставленном знатоками стихотворного искусства: пятистонный стих изящно и весьма стройно замыкается двусложным словом. Надо думать, что именно по этой причине наш друг изменил порядок слов в строке. Стремление сделать окончание пентаметра более красивым подсказывало ему предиринять единственно допустимую надежную перестановку.

Между тем против подобного исправления говорят два веских обстоятельства. Во-первых, канон об окончании пентаметра не столь безусловный и общий, чтобы оградить его от любого исключения. Вместе с тем второе обстоятельство «*более позднее — первое из двух*» (написано по-гречески.— Я. П.) не уступает, а даже превосходит по значению первое: из-за сделанного другом исправления погибает и красота нарастания выразительности и остается без внимания образность слов в отрывке. И это самое главное, ведь нет ничего такого, что звучало бы величественнее и выше, чем великоле. Итак, если читать «Высшее вдруг упадет, рухнет внезапно великоле», как предлагает Валес, то описание получится слабее и менее впечатляюще; если же прочитать в том виде, как написано у Клавдiana,— «Рухнет внезапно великоле, высшее вдруг упадет», то переход от «великого» к «высшему» посредством трехсложного слова *gerente* (внезапно) в высшей мере отчетливо изображает стремительность низвержения и выразительнее рисует картину».

«Эта драка,— закончил Рысинский,— затяжная будто за алтари и очаги, совсем не влияет на охлаждение или омрачение чувства дружественных связей. Ведь, хотя многим мы обязаны дружбе, по памяти больше истине. Этой

последней нам по необходимости положено крепче придерживаться, ибо друг Платон, друг Сократ, но больше подруга птичка. Думаю, что туман и тьма, окутавшие по обоим вопросам твой ум, уже рассеялись».

Из письма братьям Бучинским

«...По моему мнению, никакая черта больше не выделяет человека, чем великое и замечательное умение передавать связанием речью восприятие разумом и делать достоянием слушателей мысли, выраженные возвышенными словами, соединенными закономерно, гармонически включенными в правила размера. Такой прием отражает прирожденное свойство окружающего мира. Насколько, следовательно, горячо люблю тех, кто почитает и уважает достоинство этого дарования, настолько, наоборот, тех, кто либо не понимает, либо презирает такое прекрасное проявление искусства, я отвергаю и убежден, что они едва достойны называться людьми. Ведь некоторые из рода первитых пользуются многими человеческими голосами, и слона научили греческим буквам, и осел, и бык способны издавать звуки, подобные человеческим, но невозможно до них пор найти изображение или описание какого-нибудь рода животных, которые естественным путем произносили бы слова, скренленные стихотворным размером. К такому качеству животный мир подходит близко. Вдумчивый и усердный исследователь тайников природы Плиний свидетельствует о том, что соловей обладает совершенной модуляцией по законам музыкального искусства: иногда соловей расневает длинные или героические фразы, иногда же более краткие — сапфические, бывает — очень краткие, совсем как адоинские. Хотя такие трели воспринимаются столь нежно слухом, они остаются только звуками, и нет никакого сходства между этим именем и истинной, настоящей сущностью стихов. Итак, видно, что исключительно человеку присущее умение связывать слова точными (стихотворными). — Я. П.) законами и что именно в этой области мыслим только человек...

Я вспомнил о восьмистишии на народном языке, которое включено в дневники Андрея Рымши*, написанные во

¹ Очевидно, имеется в виду сочинение А. Рымши «Декатерос Акрополя» (поэма о военных подвигах Христофора Радзивилла), найденное в 1965 году исследователем ПИР А. Сайковским.

О творчестве белорусского поэта XVI века А. Рымши известно немного. Сохранились лишь его отдельные стихотворные и прозаические

славу рода Радзивиллов. Кажется, что мне удалось его передать в ниже следующих гекзаметрах. Я их преподношу Вам в дар — вот эти строки:

И прежде бы тронули за ухо львицу, зажженную гневом,
Зверя индийского муха смертельно поранил,
Иstrom ** бурлящим неистово, крепости Крака размает,
Следа не станет от гор поднебесных сарматских,
Феб, изрыгающий жар, колесницы разбег остановит,
Киптья покинет скорее ночное светило,
Чем перестанут мавортские *** трубы глашать незде славу.
Ту, что привнес Радзивилл знаменитый с Олимпа.

Рысинский продолжает: «...я пытался придать этому стиху права латинского гражданства. Насколько мне удалось, пусть судят другие. Его нельзя было передать размером элегического двустинния — этот вид стиха, пежкий и умеренный, а не нынешний и строгий, который как бы стремится к героическому сказанию. Я, однако, постараюсь при случае перевести его также элегическим размером...» (2, II).

Спустя некоторое время в другом письме Бучинским (2, XVII) Рысинский вновь обратился к этому стихотворению Рымни: «...помните, что в предыдущем письме я обещал сделать для Вас копию элегической энгриаммы, которую я перевел на латинский язык с сочинения на местном языке в честь князя Радзивилла... Вот как она звучит:

Льва, воспылавшего яростью, прежде удержат за уши,
Муха бессильная враз лицо сгубит слона,
Волны Дунай полноводный над валами Крака понес бы,
Верхи сарматских сперва с громом обрушатся гор,
Бег огненосного солнца на своде небесном устанет,
Ход свой скорее ночной сможет луна изменить,
Чем знаменитая Марса труба умолчала б о славе
Дарят ее, Радзивилл, боги с Олимпа тебе.

...Я не хотел бы скрывать от Вас, какой огромный труд я взял на себя, облекая в романское платье эту энгриамму: дважды я перевел ее чистыми гекзаметрами, дважды гекзаметрами в сочетании с пентаметрами — вид стиха, который у нас именуют элегическим. Образец первых гекзаметров я Вам уже послал... последующие требуют ее тщательной обработки. Они едва сняты с наковальни...»

из произведения. Стихи автора на белорусском языке дошли до нас в печатных изданиях виленской типографии Мамоничей. Следует полагать, что поэтическое наследие Рымни было гораздо обширнее. Об этом свидетельствует найденное в «Письмах Рысинского» еще одно стихотворение этого поэта. ** Петр.--- Дунай. *** Мавортские трубы -- трубы Марса, бога войны.

Из письма Ивану Борисевичу
(Путевые заметки)

В письме от 5 июля 1587 года, направленном из Альтдорфа в Белоруссию, содержится прозаическое и стихотворное описание старинных немецких городов Нердлинген, Ульм, Дилинген, Лауинген, Аугсбург, Ингольштадт (ныне Бавария).

В марте 1587 года Рысинский выехал из Нюрнберга, где находилась Альтдорфская академия, к истокам и верховьям Дуная, о чём сообщил своему другу: «Рассказываю, потому что настаиваешь, больше того, ты мне все уши прожужжал, если помягче выражаться, а то просто оглушил своими просьбами: «Опиши свое отважное странствование по чужим землям!» Собственно, это было не странствование и не такое уж утомительное путешествие, а все время, которое мы отдали этому делу, не превышало и двадцати дней. В путь мы пустились 6 марта, а завершили его 25-го. Ты спрашивашь, какова была продолжительность марша, — всего 50 тысяч шагов*. Мы только мельком видели местности, не присматривались к ним, и поэтому в поле зрения попадало очень немногое.

Выехав из Нюрнберга, мы нашли прежде всего 7 марта в замечательный город Неролинга**, расположенный в бывшей римской провинции Норикум, в центре Нижней Рейни. Некоторые считают, что начало и название город ведет от императора Нерона. Говорят, будто Птолемей называет Нердлинген — Флавианские Аты, так как Флавий Веспасиан панес здесь поражение германцам и переименовал город, отмечая заслуги строителя, воздвигшего триумфальные ворота.

Отсюда мы направились в богатый и изящный город Ульм и достигли его 10 марта. Ульмские стены омывает Дунай, который я впервые тогда приветствовал, как отца европейских рек. Около 10 миль от города находятся истоки Дуная, и здесь он становится судоходным. Мы восхищались громадой замка и башни, но, если не подводят меня наблюдения, то верхушка весьма мало выделяется из всего сооружения.

К 12 марта мы повернули назад, сначала в Лауинген, затем в Дилинген, два близлежащих городка. В обоих протекает Дунай, в обеих есть замки. Но Дилинген превосходит Лауинген во многом. Там процветают гимназии, в кото-

* Римский шаг — 1.47 метра, римская миля — 1478,7 метра. ** Нердинген.

рых преподаются изящные искусства. Академия в Дилингене, однако, более известна. Величие замка, правда, и значением академии Лауинген уступает Дилингену, по первому из них придает вес то обстоятельство, что здесь родился Альберт Великий*, здешний воздух он впервые «глотнул».

К 16 марта Винделическая Лютсия ** — город Аугсбург распахнул перед нами свои ворота. Поистине величественный город Августа ***, утверждаю, название соответствует его виду. По праву, можно Аугсбург назвать прелестью германского мира. Разве можно забыть, какая в нем царственная ширь площадей, какое великолепие зданий, какая богатейшая краса храмов, какая, наконец, веселая, приятная, живописная местность, какая в особенности библиотека, битком набитая томами афинскими и римскими? Едва ли сможет Германия еще что-то подобное, единственное в своем роде, преподнести. Разве увидишь где-нибудь акведук, поднятый ввысь на изумительных арках, дворец с такой царственной роскошью, что глазам не веришь? Об остальном благоразумнее умолчать. Это лучше, чем унизить бесцветностью и скучностью слов такие достоинства.

Выехавших из Аугсбурга нас тотчас приветствовала красивейшая река Лех, некогда отделявшая Баварию от Швабии, и 20 марта мы очутились в городе Св. Ангела, который в простонародии называется Нигольштадт. Здесь уйма достопримечательностей, многое достойно обозрения, но главным образом укрепления, четверо ворот, расположенных по диаметру, жуткие, поражающие глубокой темнотой. Стены толстенные, усыпанные башнями, они весьма внушительны. Ров илистый, очень глубокий со стоячим болотом, наконец, вал, из-за огромной высоты которого, а также из-за гребня стены и верхушек башен не видны ни жилища граждан, ни храмы богов, ни здания города. С южной стороны отец Дунай — божественное творение природы — служит защитой вместо рвов и валов. Ну и академия, и знаменитая гимназия добавляют этому городу блеска и немалой славы.

Однако в пылу рассказа я нарушил законы обычного письма. Поэтому вместе с окончанием странствования, ведь так тебе пришлось по вкусу назвать мою поездку, прекрас-

* Альберт Великий (1193—1280) — средневековый мыслитель-схоласт. ** Париж Винделический (Винделиция — часть Рейн). *** Древние римляне называли город Аугсбург Августа (Августа); «Августус» по-латыни — возвышенный.

щаю писать. Все же даю добавление в виде четверостиший о каждом из этих городов, и тем самым будет казаться, что письмо протянуло хвост. По заслугам оно будет названо «хвостатым».

Нердлинген

Нижнюю Рейн радует имя твое, Нердинга,
Край называет тебя средоточьем своим иль пуном.
Изображениями славных мужей разукрашены стены.
Есть здесь и башни, до звезд поднимаются сквозь облака.

Ульм

Города честь велика, называется именем вяза*,
Друга лозы виноградной, богатства несметные в нем.
Храм здесь огромен и замысловато строение башни
Даже Фарийский маяк ** невозможен с тобою сравнишь.

Лауинген

Если хвала города окрылила, где на свет явилась
Столпы мудрой наукой, умом просвещенных мужи,
То по заслугам Лавинга прекрасная почести примет,
Здесь ведь заплакал впервые младенец Альберт.

Дилинген

В городе этом в почете и славе королевский жил ловчий.
Замок могуч, величав, здесь устремляется ввысь.
Вирочем, вожак иеренлясов Парнаса находится там же.
Кто, расскажи, из обоих хвалой эти стены обек.

Аугсбург

Шкабов отрада, обириной Германшиг глаз несравненный!
Именем город возвышен -- Августой навек наречен.
Живопись зданий прелестна, душу и взор наслаждают,
Думаешь много увидеть, не различишь ничего.

Нигольштадт

О укрепления, валы, о рвы, поднебесные бани!
Мощные стены построены непобедимой рукой.
Тверди наружной не хватит, нужнее внутри укрепления,
Гласу сестер Аопийских *** нужнее, законам внимать.

* «Ульмус» по-латыни — вяз. ** Маяк в древней Александрии.
*** Сестры Аопийские — одно из прозвищ муз.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

«Гений, мудрость и дух народа
раскрываются в его пословицах».

Фрэнсис Бэкон (1625)

«Ядро и сок языка, как души,
скрыты в пословицах».

Соломон Рысинский (1617)

В введении к своей «Книге пословиц» известный польский паремиолог С. Адальберг отметил, что любчанский сборник С. Рысинского «содержит пословицы большей частью народные, собранные умелыми руками, до нынешних дней находящиеся в употреблении с сохранением всех ценных для нас теперь языковых черт, без собственных добавлений и переделок»¹.

Любча не случайно оказалась местом первого издания «Сборника» Рысинского. Расположенная на территории Белоруссии, Любча в XVI—XVII веках оказалась центром культурных сил при дворах белорусско-литовских магнатов. Из нечтного двора, возглавляемого поэтом и инсателем Петром Бластом Кмитой и его наследниками, вышло в свет в период 1610—1650 годов более ста наименований книг, в их числе Устав Слуцкой школы, Компединум по риторике, сочинения Б. Будного, Б. Лабенецкого, А. Шенфранеспуса, Н. Сестшенцевича, С. Довгирда, П. Димитровича, М. Зигровнуна, Л. Венцловского, А. Поляка, Д. Наборовского, И. Доманевского, К. Швертиера, А. Владиславиуша и ряд работ С. Рысинского.

О том, как современники восприняли сборник пословиц Рысинского, можно судить по стихотворению Д. Наборовского, предисловленного изданию пословиц (1618 год):

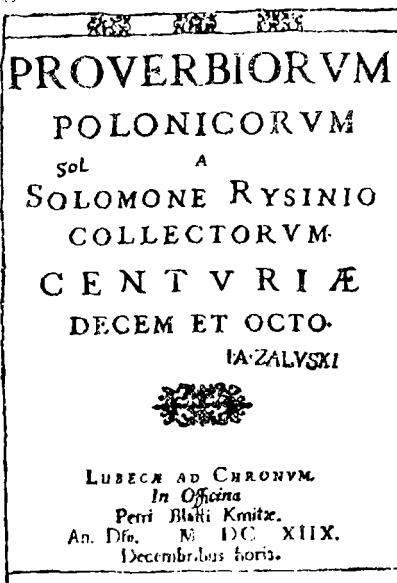
Рысины гово́ица на многих языках издали,
Немножко по небрежности до сего молчали.
Ты изучай, Рысины, показал вехи дорог,
Где изы сарматский язык совсем не убог,
Взгляд славянская муга восхвалила твой труд,
Доказав, что усилия твои зря не пропадут.
Слава в будущем твоя, Рысины, зацветет
И в начинги потомков Леха никто ее не сотрет.

¹ Adalberg S. Księga przysłów.— Warszawa, 1898.

Там же Петр Бласт Кмита писал о Рысинском:

Как в широком поле разбросаны стрелы
Сиести в кучу, наполнив колчан — не малый труд,
При рожь горстями жать-вязать в снопы
И укладывать в конны — тяжелая это работа,
Так несомненно и ты потратил много времени
И испытал с горечью большие невзгоды,
Заботясь о пословицах, в этот сборник собранных,
И в руки как своим, так и чужим переданных.
Ведь, как перебранный горох, приятно людям жарить,
Так каждый может попробовать твой замечательный труд.
За него ты, получив от наблюдательных заслуженную
благодарность,
Сердцу завистников задаешь настоящую муку.

Сборник Рысинского издавался неоднократно в Любче, затем в Кракове. Можно себе представить, как быстро разошлось первое издание, если в том же году вышло новое, а затем в 1620, 1621, 1629 годах последующие. Его переиздал в 1842 году К. Войтицкий, который высказывает весьма характерное мнение о Рысинском: «Известны два собирателя пословиц и поговорок (в XVI, XVII веках). Рысинский был первым, который занялся этой работой в 1580 году; Григорий Кнапский — иезуит — пятьдесят лет после Рысинского издал намного более обширное собрание. Расхваливали работу иезуита, а Рысинский, все реже упоминаемый, предавался забвению... Никто до сих пор критически не исследовал сборники Рысинского и Кнапского... у обоих большие заслуги; все же Рысинский должен цепляться куда выше Кнапского не только как первый, но как сохранивший важнейшие языковые памятники... Кнапский не столь отдаленный во времени от Рысинского, живший в веке, полном движения и энергии, замкнутый в заплесне-

Титульный лист Любчанского сборника пословиц.

вених стенах кельи, написал книгу объемистее, но на сколько отличавшуюся и ниже по достоинству! Рысинский сберег в памятниках языка чисто славянский дух, а поговорки и пословицы, с которыми знакомимся в его сборнике, мы находим на Руси, у чехов, словаков и сербов. Он, как дорожный столб, указывает братским поколениям, где следует искать объяснение того, что он оставил нам еще неосвещенным и неистолкованным. Кнапский почти ограничивается правоучительными философскими высказываниями; он опустил все, что представляет главное достоинство Рысинского. У Кнапского исчез древний дух, он остался проповедником морали¹.

К этому следует добавить, что Рысинский слышал пародную мудрость на белорусском, записывал на польском и толковал на латинском языке.

Однако для оценки работы Рысинского, по существу, приобретает немалое значение характеристика, данная ему современником, ученым паремиологом, иезуитом Кнапским. Высказывания Рысинского и Кнапского обнаруживают характерные черты течений, господствовавших в паремиологии начала XVII века, показывают, какие противоположные задачи ставили перед собой, с одной стороны, приверженцы католичества и феодализма, с другой — реформации и новых буржуазных веяний. Г. Кнапский писал: «...прежде всего кажется, что я слышу, как кое-кто мне напоминает: ведь столько уже есть книг пословиц. Что значительное ты предлагаешь, сочиняя то же самое? Такому я отвечаю: я собрал польские пословицы и передал по-латыни и по-гречески: этого до сих пор никто не предпринимал. Ведь многие достойные писатели собрали только греческие и латинские пословицы; некоторые отмечали пословицы простонародного или более грубого характера на местных, как итальянском, французском, немецком языках, и добавляли лишь в какой-то мере по-латыни свои собственные мнения и изречения. Такого, однако, кто бы списал польские пословицы, я не видел никого, кроме одного, который уже издал некоторые пословицы к тому времени, когда я только приступил к этому труду... Они почти сплошь на местном языке (некоторые он толковал по-латыни, но большей частью беспорядочно); они так переданы, что их следует обработать прежде, чем предложить достойным уважения ушам и глазам. Из них, однако, признаю

¹ Wójcicki K. Biblioteka pisarzy polskich... Warszawa, 1842, t. 3, s. 202.

(чтобы не казаться неблагородным плаѓиатором), некоторое заимствованное количество я внес в мой труд или получил возможность с их помощью построить более разработанные пословицы... Изречения я упорядочил и приукрасил ритмом, чтобы они были приятнее для слуха и легче запоминались. Я пользовался стихами там, где это можно было сделать, кратко и по правилам искусства... Вместе с тем я не отвергал всецело простые изречения, если из них или из народных стишков мне что-то нравилось. Ученые меня простят, видя, как я иногда пришивал пурпурный легкий лоскут...»¹

Как видно, Кнапский признал, что почерпнул у Рысинского ряд материалов. Одновременно он подчеркнул, что для него не было приемлемо их простонародное звучание. Вопрос о приоритете Рысинского в издании сборника пословиц, данные о книге, напечатанной в Любче за 14 лет до появления своего «Тезауруса», Кнапский заменил раздраженным упоминанием о попытке некоего безымянного простолюдина вырвать пальму первенства из его рук. Пренебрежительный тон Кнапского, высказывание им явное намерение искусственно «облагородить» живую плоть представлений в сборнике Рысинского народной мудрости с образно вкусам господствующих сословий, облачить народные пословицы в доспехи приличия и красивости раскрывают консерватизм пезунта, его непримиримую враждебность к прогрессивным начинаниям реформатора.

В некоторых экземплярах любчанского издания сборника Рысинского (1618 год) паряду со стихотворениями Д. Паборовского и Г. Книты напечатано было и обширное письмо к «простому» другу Винанду Корнелию, служащему, по сути дела, предисловием автора к своему труду. Оно помогает раскрыть характерные черты личности собирателя, установить метод его работы, показать принципы отбора материала. Поэтому, думается, следует привести это введение целиком.

«Знатнейшему мужу, господину Винанду Корнелию,
другу благородному, сердечный привет.

Когда величайший из философов стремился доказать, что есть бог, иногда, кроме тех рассуждений, которые могли бы быть приведены для установления этой аксиомы, вытекающей из природы предмета, он выдвигает также и тот аргумент, что все народы почти во всех странах именно так

¹ Thesaurus Polono - Latino — Graecus G. Спарій tomus tertius conlinens Adagia polonica... — Cracoviae a. 1632.

думают. Пусть даже народ большой мастер ошибаться, в основном является истинным то, что чаще всего наблюдается всеми и что по мнению многих иначе истолковать невозможно.

Такого рода изречениями легче убедить большую часть людей, чем наиболее убедительным словом какого-нибудь одного, даже очень мудрого человека. И, конечно, не по иному соображению, не умаляя достоинства, следует думать, что мудрейший из царей, Соломон, хотел воспитывать в народе правы и благочестие, пытаясь найти образцы у простых людей.

В самом деле, не знаю, каким образом то, чему все любят рукоплескать, любого легко заставляет соглашаться. Наиболее выдающиеся мудрецы извлекали основы и начало своего учения лишь из того, что, попав в поле зрения всех, становилось яснее полуденного солнца. Отсюда получились те известные положения: целое больше какой-либо своей части; если от равных отнять равное, оставшиеся будут равными и пр.

Скажешь, куда это метит столь долгое рассуждение? — К находящемуся налицо предмету, который видишь в руках. Видишь же смесь сарматских пословиц. Ведь чем иным являются пословицы, если не пицей, которая находится в рту у всех, всех касается и всеми пробуется (курсив мой. — Я. П.). Если пользоваться пословицами в соответствующем месте и времени, то удается смягчить и склонить к пониманию тех, кто не приемлет выразительным и неопровергнутым доказательствам, взятым у лучших философов.

Ты многократно жаловался, и не ты один, на то, что, хотя имеется множество пословиц на разных наречиях — еврейском, греческом, латинском, французском, итальянском, испанском, британском, бельгийском, наконец, немецком, все жепольских нет, хотя язык поляков, с одной стороны, весьма изящен и заставляет многих восторгаться, а с другой — широко распространен.

Следовательно, и ты и другие в равной мере полагали, что ядро и сок этого языка, которые, как душа, целиком скрыты в пословицах, следовало бы предложить не только соседям и вокруг находящимся народам, понимающим этот язык, но и тем, кто сами всосали его с молоком матери. Таким образом несомненно они вкусили бы милости божьей и испытали счастье, узнав свое добро по крайней мере в этой области. Ведь умение правильно выразить то, что правильно понимаешь, является величайшей милостью божьей. Не всякому дано передать словами чувства своей

души сообразно с порывом мысли. Именно так это представлялось Туллию*, отцу латинского красноречия.

В этой связи я бы не колеблясь сказал, что сарматский народ, как видно, отнял нальму первенства в области красноречия у многих народов. Если хочешь, это подтверждается распроstrаненным суждением, согласно которому итальянцы — это врачи, французы — правонеды, испанцы — философы, немцы — богословы, а поляки — ораторы. Уж онущу то, что в языке поляков есть какая-то легкость или скорее благо, заключающееся в способности изучать наречия других народов. В течение трех лет сарматам удается изучить иностранные языки, а иностранцы даже за тридцать лет не успевают овладеть сарматским. Свидетельство тому — показания из своего опыта знатного в свое время историографа Августа Тусенуса, который в книге «О польских послем» без всяких оговорок заявляет: «Все, кто был послан в Париж для избрания короля, владели латинским языком, многие вели беседы на итальянском и немецком, некоторые так легко пользовались французской речью, будто родились на берегах Сены или Луары, а не Вислы или Днепра».

Мне кажется, что также не следует погрузить в Лету и обойти молчанием то, что однажды я в юности узнал на уроке ученейшего профессора священного языка г. Гандвика Бриномыгера. Он, умудренный опытом, утверждал, что никакие лучшие и приятнее не могут быть произнесены еврейские слова, чем поляками, потому что способности воспроизводить звуки, свойственные этому языку, встречаются лишь у сарматов. Хотя у нас всего пять букв для изображения гласных, тем не менее насчитываем одиннадцать звуков, которые ими обозначаются. Если к ним прибавить тридцать семь согласных, то получится несть по восемь звуков. Не думаю, что найдется какой-то народ в любом уголке Европы (за исключением русских, которые так же, как поляки, из славян), где было бы такое обилие звуков (не касаюсь китайцев, мексиканцев, абиссинцев, магелланов, инуруанцев и других неизвестных жителей вселенной). Еще неизвестно, пришлось ли им не только изучать свое наречие, но также распространять его.

Что уж здесь говорить о превосходстве и богатстве сарматского языка! Не колеблясь, могу утверждать, что нет такого языка (исключая три основных известных), с которым он не мог бы состязаться в изяществе, обилии, до-

Марк Туллий Цицерон.

стоинство, наконец, практичности, особенно в настоящее просвещенное и образованнейшее время. Особенно, благодаря нашим писателям, можно было бы очень удачно со-поставить наше время с веком Цицерона и Вергилия и языком римлян. Совсем бесспорно, что ныне достоинство нашего языка дошло до своей вершины. Это подтверждается тем, что иностранные народы не могут достаточно надивиться изяществу, прелести, выразительности и другим преимуществам сарматского языка.

Если спросишь о древности сарматского языка, то загляни в пятикнижие Моисея, в «Начала» Цезаряńskiego Памфила; там найдешь, что они считали этот язык родственным тевтонскому. Как широко сарматский язык распространен, на сколько наречий разделен, какие народы, какие страны, какое население охватывает, здесь невозможно дать четкий перечень; но, пользуясь благоденствиями этого языка, любой в состоянии пройти от Адриатического залива до Каспийского моря без переводчика, общаясь на столь огромных пространствах. Впрочем, какие народы, какие племена, какие области включает эта сторона мира, оставляю для оценки сведущих в географии.

Я забылся, однако, заговорился,— следовательно, к делу. Я первый, насколько мне известно, осмелился в одной вязанке, если можно так сказать, вывести на обозрение польские пословицы. Как видишь, я это делаю без схемы, обстоятельно, но бесспорядочно. Все это произошло благодаря тебе; ты, восхищаясь богатством и изяществом сарматского языка, первый заставил меня почти против моей воли каким бы то ни было образом собрать и выпустить в свет пословицы.

Надеюсь, что этот наш чрезвычайно тяжелый труд, стоявший многих лет, будет приятным по крайней мере юношеству и тем, кто слабо владеет данным языком. Этих последних сможет привлечь если не изящество, то полезность такого сочинения. Ведь на самом деле, народные острые словечки на разных языках и в данном случае на польском позволяют узнать и кратко объяснить природу вещей, совершенствовать нравы, обретать поучительные сведения о совместной жизни людей.

Намного легче узять истину из сказанного с юмором, чем из суровых и серьезных философских речей.

Если случайно кто-либо найдется, кому покажется легким и не тягостным труд собирания пословиц, пусть испробует свои силы в составлении такого рода изречений прежде, чем ознакомится и разберет наш сборник. Весьма же-

лаю, чтобы он не медлил, а впрочем, пусть! Руки прочь от картины! Такому мастеру оставлю если не новую жатву, то, по крайней мере, пусть добьется нового сбора колосьев. Здесь Родос⁴, здесь прыгай! Тому, кому предстоит найти, найденное не мешает. Пусть объяснит то, чего толкованием мы пренебрегли. Ведь намерением добросовестного переводчика не было передать вроде слово словом, он стремился только изобразить польскими словами смысл пословицы, который можно выразить на латинском языке. Таким образом, перед читателем возникает красота обоих языков, а также сила и возвышенность чувств.

Некогда иные великие люди об этом же говорили: «Очень легко кому угодно писать пословицы». Это, однако, касается лишь тех, кому мог послужить какой-либо предлог. У этих писателей был под рукой большой запас греческих и латинских пословиц. Эти же наши пословицы собраны были не путем чтения книг, а из долгого общения с людьми и вдумчивого наблюдения (курсив мой.— Я. П.). Не сомневаюсь, что число этих пословиц могло быть гораздо большим, если бы я читал авторов, многие из которых мне не попали в руки.

Даже наиболее точные изыскания могут подвергнуться осуждению и непониманию. Не сомневаюсь, что и в этой нашей небольшой работе кое-что такого будет найдено, что избалованным ушам, особенно иберийским блеском, менее понравится.

Но да будет известно, что я усердно «сгребал» словечки старых сарматов, высказывавших как более откровенные, так и более правдивые суждения о событиях и лицах. В этих высказываниях подловить веронезскую форму по «плацентинской колодке» было моей священной задачей**. Переодетые в другое облачение, эти пословицы не передавали аромат, природу обычных пословиц, так как они не родились, как бы, под языком, а были уловлены ушами от людей разного происхождения и будто переданы из рук в руки. Видно было, что они навязываются бумаге и то благодаря постороннему вмешательству. Поэтому если мне впредь вменять в вину, что я назойливо предлагаю посло-

⁴ «Здесь Родос, здесь прыгай». Ссылка на рассказ о хвастуне, будто совершившем на острове Родос большинце прыжки. Слушатели ему предложили доказать тут же свои способности. Рыцарский вложил в изречение смысл: «Кто хочет собирать пословицы, пусть попытается это сделать». ** Под «веронезской формой» Рыцарский понимал прежде всего записанные им «на бумаге» пословицы, а под «плацентинской колодкой» — звучание, услышанное и переданное «из уст в уста» простыми людьми.

вицы, разжеванные во рту простых людей, тогда я ноневоле буду прикрываться щитом тех ученых, которые предостерегали: «Берегись желания всем нравиться, так как никто всех не удовлетворил и никто не удовлетворит». Между тем я буду думать, что во многом преуспел, если пойму в их хоре, что я удовлетворил обещанное тебе и вместе с тем мою собственную потребность. Ведь по тому, как ты, выдающийся муж, с особым рвением хотел видеть эти пословицы, собранные, так сказать, у одного острова Миконы*, то я со своей стороны до сего времени с большим усердием старался, чтобы в ответ на твою любовь, которой ты меня радовал как на виду у всех, так и у себя, появилось какое-то свидетельство также моего к тебе благоволения.

Будь здоров, любезнейший муж, и сохраний постоянную свое расположение ко мне.

Вильна

28 октября 1617 (?)»

Как видим, во введении Рыснинского подняты вопросы, далеко выходящие за рамки наемнографии. Это прежде всего оценка объективной истины как вывода из общечеловеческого опыта. «Народ — мастер ошибаться», — утверждает Рыснинский, — по общая мысль и опыт верны. Ярко и четко представляется Рыснинский соотношение мышления и языка. Пословицы — это «ядро и сок» языка, это благо, которым народ может гордиться, которое у народа отнять нельзя. Счастливы лишь те, кому дано выразить в словах свои мысли и чувства.

Показательны выводы Рыснинского о родстве славянских языков, которые он называет обобщению «сарматской речью». Фонетические, морфологические и лексикологические особенности этих языков оцениваются как исключительное богатство, которое писатели редко способны усвоить.

Представляет интерес и предложенный Рыснинским метод собирания пословиц не по книгам или по украсившим изречения замыслам писателей, а из уст стариков, из личного общения с ними. Рыснинский убежден, что его задача заключалась в передаче на польском литературном языке, который, по его мнению, достиг вершин своего развития, пословиц, бытующих в простонародье и соответствующих известным еще в древнее время изречениям. Паряду с этим он видел свою задачу и испытывал потребность выразить на литературном языке то, что высказывали на местных языках народы, населяющие Речь Посполитую. Собиратель

* Остров в Эгейском море.

хотел сделать доступными силу, возвышенность чувств и мнений, содержащихся в народных поговорках.

Рысинский считал нужным подчеркнуть, что труд собирателя народных пословиц не только тяжел, но и благодарен, ибо у него и пределов нет: каждый новый собиратель может пополнить и усовершенствовать найденное другими. Рысинский понимал, что соприятие пословиц приносит пользу и молодежи и мало знающим славянские языки иностранцам, но главным образом он видел в пословицах важнейшее оружие просвещения в борьбе с невежеством, отсталостью, корыстолюбием и другими пороками.

«Рыба рыбой, итица итицей, а человек человеком живет», — записал Рысинский и добавил по-латыни: «Так большая рыба часто поедает маленькую». Таким образом, слова «человек человеком живет» получают острое содержание: большой человек поедает маленького. Таков же дух поговорки «Шапкой, хлебом и солью люди людей не волят».

Если не тождественны, то часто соответствуют и увлекают, подобно остротам «Писем темных людей», записанные Рысинским многие поговорки: «Ангельская внешность, воровская походка, дьявольский голос и мясо барашь у павлин»; «Мы здесь были, нас не откормили, и вы здесь будете и о еде забудете»; «Если бы за каждую обиду за голову хвататься, то пусть бы по одному волосу вырывать, не останется на голове ничего»; «В Париже молочная река, киевльные берега, над рекой жареный вол и пож в нем»; «Кто хочет жить хорошо день — пусть зарежет гуся, кто неделю — пусть свинью заколет, кто месяц — пусть вола зарежет, кто весь год — пусть жену возьмет, а кто до смерти — пусть кеенджом станет»; «Кеендж Яи, буду ли я спасена, если буду хрюкать»; «Черт не хотел быть ни новаром, ни кучером, ни мамкой, а хотел быть мельничным венрем, чиновничным конем и кухаркой в приходе»; «Кеендж к церковному служителю: Вот так, тебе искаарь, а мне угорь, или так: мне угорь, а тебе искаарь»; «Жена, пойдем в костел? — Не в чем, милый мой! — Тогда пойдем в корчму? — Девка, дай мои старые боты, они там где-то под лавкой!»; «Врач занимается кладбище, правовед — тюрьму, теолог — ад»; «Такая это правда, как и то, что живые колбасы по миру летают».

В приведенных и многих других поговорках выражена едкая критика невежества, ханжества, общественной несправедливости.

В связи с тем, что Рысинский, как видно из его писем,

датированных 1585 годом, уже тогда занимался собиранием пословиц, а первое издание сборника появилось в 1618 году, не подлежит сомнению, что выводы, к которым пришел собиратель, накапливались десятилетиями. За это время Рысинский работал в Литве, Белоруссии, селах Малой Польши и за границей. Он имел возможность записать немецкие, французские, итальянские пословицы, сравнить их с теми, которые он нашел в доступных ему латинских и греческих книгах. Но особенно ценно, что в его труде отражаются пословицы, которые он слышал «у старых сарматов и получал из рук в руки».

Около 500 пословиц из 1800, представленных в первом издании, сохранились доныне в Белоруссии. Они были записаны белорусскими паремиологами в XIX—XX веках: Федоровским, Носовичем, Шейном, Янковским и др.

В своем письме Винанду Рысинский оправдывается в том, что не смог сверить большинство пословиц по книгам, так как в глупии, где он проживал, не было к ним доступа. Вместе с тем он подчеркнул, что слушал и записывал пословицы, передававшиеся из уст в уста, из рук в руки. Для того, чтобы убедиться, за какую огромную работу взялся Рысинский, собирая пословицы хотя бы на территории Белоруссии, следует сравнить ее результаты с изысканиями крупных паремиологов XIX и XX веков.

Заслугой Рысина является увековечивание того фольклора, который он выявил в своем окружении. Для оценки любченского сборника как раз и необходимо обратиться к изысканиям тех паремиологов, которые не довольствовались печатными и рукописными материалами, а приложили усилие в «полевой» работе, т. е. в непосредственной записи народных изречений. В этой области плодотворно трудились в Белоруссии Носович, а затем Федоровский. Советский паремиолог Ф. М. Янковский в своем сборнике отмечает звездочкой те пословицы, которые сам выявил и записал в Белоруссии, сверив их наличие в 30 источниках. Ввиду того, что Янковский издал свою работу в 1962 году, т. е. значительно позже Федоровского (1936) и Носовича (1858), интересно показать на нескольких примерах, как перекликаются отдельные его находки со сборником Рысина.

Весьма характерен следующий случай. Янковский записал: «Гаспадынь, што з голаду паміраюць, пад прыпечкам хаваюць» («Хозяев, что с голоду умирают, под шестком хоронят»). У Рысина в изложении на русском языке: «Того повара, который умирает с голоду, не хоронят на

кладбище». У Федоровского: «Каторы кухар з голаду на-
мрэ, то пад нарогам пахаваюць» («Того повара, который
с голоду умрет, под порогом похоронят»).

Другой случай. У Яиковского: «Хто капейкі не беражэ,
той сам рубля не варты» («Кто копейки не бережет,
тот сам рубля не стоит»). У Федоровского: «Хто грошай не
шануе, сам гроша не варт» («Кто деньги не уважает, сам
гроша не стоит»). У Рысинского: «Кто не уважаest грош,
тот гроша не стоит».

У Яиковского: «Наварыў піва, сам і папівай здароў»
(«Наварил пива, сам и попивай на здоровье»). У Рысин-
ского: «Наварил пива и пей его».

У Яиковского: «Kaцёл з гаршка не насмеяцца, бо або-
два чорныя» («Котел над горшком не будет смеяться, ведь
оба черны»). У Рысинского: «Котел норицает горшок, а
оба начкают черным».

У Яиковского: «І наша сонца ўвойдзе ў аконца» («И на-
ше солнце войдет в оконко»). У Федоровского: «Калісі ё
ў наша аконца зыдзе сонца» («Когда-нибудь и в наше
оконко сойдет солнце»). У Рысинского: «Будет солнце и
перед нашими воротами». У Носовича: «Заглянець сонце
і ў наше воконце» («Заглянет солнце и в наше оконко»).

У Яиковского: «Пан з папам б'енца, а ў мужыка лоб
трапчынцы» («Пан с папом бьется, а у мужика лоб тре-
щит»). У Федоровского: «Калі паны дзеруцца, то на му-
жыках кудры трасуцца» («Когда паны дерутся, на мужиках
кудри трясутся»). У Носовича: «Паны дзеруцца, а ў му-
жыкоў хахлы трасуцца» («Паны дерутся, а у мужиков хо-
хлы трясутся»). У Рысинского: «Когда паны дерутся, у под-
данных волосы трещат».

У Яиковского: «І бог анукаіствам жыве; у аднаго ад-
бярэ, а другому дасць» («И бог обманом живет; у одного
отберет, а другому даст»). У Федоровского: «І бог ану-
каіствам жыве; у аднаго адбярэ, а другому дасць» («И бог
обманом живет; у одного отберет, а другому даст»). У Но-
совича: «Бог не туляець, а добро перамераець; у аднаго
возьмет, а другому дасць» («Бог не туляет, а добро пере-
меряет; у одного возьмет, а другому даст»). У Рысинско-
го: «Смахивает на божественные черты; у одних берет, дру-
гим даст».

Яиковский записал: «Панская ласка на дохлым кані
едзез» («Панская ласка на дохлой копяге едет»). Федоров-
ский: «Ласка панска на рабом каню ездзіць» («Панская
ласка на рябом коне ездит»). Рысинский: «Панская ласка
на пестром коне ездит».

Яиковский: «Чым гаршок накініць, тым кожная страва смярдзіць» («Чем горшок накипит, тем всякая пища воняет»). Федоровский: «Чым гаршок нацягне новы, то тым і да старасці смярдзіць» («Чем новый горшок пронитается, тем и до старости будет вонять»). Рысинский: «Чем сразу глиняный горшок пронитается, то из него никогда не вымыть».

Яиковский: «Даць облуиленас яечка, дый яичэ ў рот налажыць» («Дать очищенное яйцо, да еще в рот положить»). Федоровский: «Ленъко, на яйко! -- А облуилено?» («Лентяй, на яйцо! -- А очищено?»). У Рысинского, как у Федоровского.

Яиковский: «Аддай рукамі, а хадзі ногамі» («Отдай руками, а ходи ногами»). Федоровский: «Дай руками, а адбірай ногамі» («Дай руками, а отнимай ногами»). Рысинский: «Дай руками, бегай ногами».

Яиковский: «Стала на рыбку, стане і на перац (юнику)» («Хватило на рыбку, хватит и на перец (уху)»). Федоровский: «У кого ёсць на рыбку, у таго і на перац» («У кого есть на рыбку, у того и на переп»). Рысинский: «Взвесив на рыбу, а на перец не взвесить».

Яиковский: «Не хацела сабачая лапка ляжаць на лаўцы, дык няхай ляжыць пад лаўкаю» («Не хотела собачья лапка лежать на скамейке, так пусть лежит под скамейкой»). Федоровский: «Не хацела сабача пага быць на стале, няхай будзе пад столом» («Не хотела собачья нога быть на столе, пусть будет под столом»). Посович: «Не ўмела сабачча лапа ляжаць на стале, дык ляжы пад столом» («Не умела собачья лапа лежать на столе, так лежи под столом»). Рысинский: «Не выдержала собачья нога на скамье, должна быть под скамьей».

Из приведенных примеров видно, что одинковый смысл, одно и то же назначение поговорки выражено по-разному, услышано или записано с большими или меньшими расхождениями. По-видимому, это объясняется частично объективными и частично субъективными причинами. Пословица, передаваемая из уст в уста, конечно, подвергается изменениям; к ней кое-что прибавляется, кое-что от нее отнимают. Это происходит, несомненно, в более или менее длительные периоды времени. Пословица вместе с тем «передвигается» из края в край, пока не попадает в поле зрения собирателя, который ее фиксирует в определенном районе, селе или городе. Несомненно, восприятие действительности собирателем, его чувство языка, понимание диа-

лективных особенностей и другие факторы накладывают отпечаток на собранный материал.

Не следует забывать, что если Носович, Федоровский записывали в условиях, когда литературная норма белорусского языка не установилась, то Янковский придерживался нормы языка, усовершенствованного в произведениях Купала, Коласа и других белорусских писателей.

Перед Рысинским стояла совсем другая и более сложная задача: он слышал пословицы на «местном», «простом» языке и пытался передать их на литературном польском. Именно это он имел в виду, когда отмечал, что не был переводчиком, передававшим слово в слово, и утверждал, что пытался передать «веронезскую модель по плацентинской колодке».

Приведенные выше примеры несоответствия способов передачи один и тех же пословиц — явление частое. Представляет немалый интерес соопоставление ряда других характерных случаев. Сокровищница народной мудрости таким образом обогащается. Если сравнивать каждую пословицу с жемчужиной или драгоценным камнем, то в сюебах выражения, в отдельных словах переливаются краски, звучат и играют отдельные грани изречений.

У Федоровского насчитывается около 300 пословиц, полностью соответствующих Рысинскому, у Носовича таких также немало *.

То обстоятельство, что Рысинский начал собирать пословицы еще в 80-е годы XVI столетия, придает его работе особую ценность. Любченский сборник раскрыл сокровищу белорусского фольклора седой старины.

Латинские толкования в Любченском сборнике

Толкуя простонародные пословицы, Рысинский, подобно предшествующим народнодогам, сопровождал их изречениями, взятыми из древней, средневековой и современной ему литературы. В ряде случаев латинские изречения были приведены без сноски на источник.

В пословицах на латинском языке, соопоставляемых Рысинским с собранными им, упоминаются древнеримские и греческие писатели: Катон, Нерон, Тацит, Цицерон, Гораций, Варрон, Лукан, Теренций, Плиний, Невий, Тибул,

* Далеко не исчерпывающий список новых и исполных смысловых соотношений пословиц, пересказанных Рысинским в XVI веке и заинкрустированных Федоровским в XX веке на землях Белоруссии, дан в приложении.

Еврипид, Демосфен, Аристотель, Солон, Эзоп и др. Из средневековых и современных ему ученых и писателей Рысинский привел имена Гуттена, Вивеса, Свидаса, Скалигера, Мимуса, Иеронима и др. Иногда он сопоставлял свой материал с библейскими изречениями или с народными французского, немецкого, итальянского, греческого, литовского происхождения.

Рысинский предназначал свой труд не только соотечественникам, но также иностранцам. Поэтому он решил в ряде случаев снабдить услышанные выражения собственным переводом или толкованием. Усилия собирателя сделать доступным смысл и назначение короткой пословицы часто наталкивались на трудности, особенно тогда, когда латинские фразы частично или полностью не совпадали в сопоставлениях. Так, например, в следующих сопоставлениях (изречения и пословицы приводятся по-русски в дословном переводе.— Я. П.):

Изречение, включенное
в сборник

Много зла, когда двое на одного.
Где приятно, там глаза, где болит,
там руки.
С большой тучи малый дождь.
Пьяница и дитя скажет правду.
Головка, как маковка, а ума, как
наплевано.
Мудрее теперь яйца, чем курицы.

Дырявый мешок трудно
наполнить.
У каждого своя моль, которая
его ест.
Нашла коса на камень.
Переплыл, утонул.

Убив, не дают наплакаться.

Давайте начинать с бога.

Бог любит троицу.

Собачий голос в небо не идет.

Перед неводом ловит рыбу.
Торопливая работа из рук ва-
лизится.

Трудно волком пахать.

Латинское соответствие

Даже Геракл не осплит двоих.
Где у него болят, там у него
рука.
Туча без дождя.
В вине истина.
О, какая голова, а мозга нет.
(Эзоп)
Пожки взбираются на ложе.
(Варрон)

В пробитую бочку ничего не
наливай. (Л. Вивес)
Все мы переживаем свои адские
муки. (Перон)

Пож на оселок.
Сожрав всего вола, хвостом пода-
вился. (Гуттен)

Нет более несправедливого хозяи-
на, чем тот, который, причинив
горе, горевать не даст. (Гуттен)
В Юпитере начало музы. (Марон)
С бессмертия богов следует пред-
принимать действия.

Бог доволен нечетным числом.
(Марон)

Собака лает на луну, но не меша-
ет ее движению.
Торжествует до победы.
Торопящаяся собака рождает сле-
пых щенят.
Осел у лиры.

Где богатые множатся, люди беднеют.	Когда появляются бесчестные, исчезают люди.
У хлеба рога, у неволи ноги	Сытость рождает жестокость. <i>(Еврипид)</i>
Говори волку отче наш, волк предпочитает козлиную мать.	Страх придаст ногам крылья. <i>(Овидий)</i>
Трудно с одного вола содрать две шкуры.	Слова распинают мертвых. <i>(Теренций)</i>
Рыба рыбой, птица птицей, а человек человеком кормится.	Никто не должен подвергаться двойному наказанию. Так часто большая рыба пожирает маленьких.

Другие примеры соответствий, подобранных Рыснским, даны в приложении 2.

С. Рыснекий и Я. А. Коменский

Любченский сборник пословиц стал популярным сразу же после его выхода — в 1618 году. Известно, как восприняли труд Рыснекого поэт и врач Д. Наборовский и ученый фольклорист, языковед Г. Кнанский. Книги, издаваемые в Любче, вывозились прежде всего на ярмарку в соседний Коныль, где одновременно продавались учебные пособия Слуцкой школы. Несомненно осуществлялась надежда Рыснекого, что его работа поможет в деле воспитания молодежи. Нет прямых сведений об использовании в Слуцкой школе сборника Рыснекого, но, судя по ее программе и расписанию занятий, для параллельного изучения пословиц в школе сложились благоприятные условия. Тем более, что Рыснекий был ярым приверженцем Реформации и вместе с Наборовским и другими деятелями культуры участвовал в организации Слуцкой школы, помогал ее наставникам, противникам иезуитского воспитания.

Сбылось также и другое предвидение Рыснекого: его сборник привлек внимание деятелей культуры за границей. Одним из первых с ним ознакомился чешский педагог, патрист своей родины Ян Амос Коменский, который был вынужден покинуть родину и скитаться на чужбине. Гостеприимно принял его в Ленчио (Западная Польша) Рафаэль Лещинский. Характерно, что при основании Коменским школы в Ленчио он использовал имевшийся опыт наставников Слуцкой школы. Там же Коменский, по-видимому, ознакомился и с любченскими изданиями.

Еще работая в Герборне над книгой «Сокровищница чешского языка», Коменский задумал издать сборник чешских пословиц. Он хотел собрать «полнейший лексикон, чет-

кую грамматику, остроумие идиоматических выражений, эмфазы и пословицы...». Но мнению же чешского исследователя Яна Новака, в то время, когда произведение Коменского «Ворота в языки» («Janua Linguarum») еще не появилось, работа над сборником пословиц была уже закончена. У Коменского, правда, были сомнения относительно названия книги: то ли определить ее как «Сместь чешских пословиц» («Farrago proverbiorum Bohemiarum»), то ли как «Мудрость предков чешского народа, или старых чехов». Позже Коменский остановился на названии «Мудрость старых чехов, собранная как зеркало для потомков»¹. В своей работе Коменский доказывал несостоятельность мнения, преобладавшего до него в теоретических сочинениях нарэмоологов и пособиях по языку тех своих предшественников и современников, которые видели в пословицах прежде всего примеры «крепкого словца», средство для украшения языка или помощь при изучении латинских текстов. Коменский, подобно Рысинскому, выдвинул на первый план положение о том, что пословицы помогают воспитывать рассудительность и предусмотрительность в жизненных делах и общении.

В сборнике Коменского представлено около 2 000 пословиц. Первые чешские исследователи XIX и XX веков (Челяковский, Новак, Флайшганс², Соучек, Свейковский, Новакова) не согласны относительно источников, пополнивших сборник Коменского «Мудрость старых чехов...».

Ян Новак в книге, изданной в 1901 году, считал, что, наряду с ноговорками, включенными Коменским из сборника Якуба Срица 1572 года (из 721, имеющихся у Срица, — 606), а также из грамматик Блигоелова (350), моравских источников, в «Мудрости старых чехов...» представления богатые материалы из собраний польских составителей Рысинского и Кнапского. С последним согласен Свейковский, который, перечисляя пословицы, «занятые» Коменским у Рысинского, насчитывал их 84³.

Нет достоверных данных о том, что Рысинский хотя бы держал в руках сборник Якуба Срица, в котором сопоставлены чешские и латинские изречения. Однако в сборнике Рысинского есть немало пословиц, совпадающих с имеющимися у Срица (см. приложение 3; примеры заимствованы

¹ J. A. Komenskoho *Moudrost starých čechů za zrcadlo vyslavena ročníkem vyd. Jan Novák v Praze, 1901.*

² Наир.: *Flajšhans V. Komenskoho Moudrost a jej knížne proměny. Sborník filologický. Svazek VI v Praze, 1917.*

³ *Svěikošský Jr. Moudrost starých čechů..* Praha, 1954.

ний в сборнике Коменского из сборника Рысинского приведены в приложении 4).

О том, что с содержанием сборника Рысинского Коменский был знаком, свидетельствуют не столько общие пословицы, сколько полное совпадение подобраных составителями соответственных изречений на латинском языке.

С. Рысинский, Я. А. Коменский

Слова, людям помогая, сама истоптает.

Ионал с дождя под водосточную трубу.

Илохое согласие с огнем - вода.

На падающей дерево и козы лянут.
Порушили волку овец (барана).
Показал мне собачий зуб.

У каждого есть своя моль, которая его гложет.

Пу мурзиня свой гнев.
Не знает голова, что язык болтает.

Редко себе люди что-нибудь из печица высосут.

Сила без ума сама себя подрывает.

У страха глаза болынне.
Синг себе сладко.

Где не можешь проскочить, там надо подлезть.

Неренные, утонул.

В чем ты смел совеговать, будь сует сам делать.

Не кричи ток, когда не перенрывают.

Мешок фортунатов (богатый).
Котек порциает горшок, а оба копят.

Когда паны дерутся, у подданных волосы трещат.

Латинское соответствие

О других заботясь, расходуются.

Ионал на жар, желая избежать сковороды.

Прогнивающие никогда не сходятся.

Если дуб надает, любой дорога сощрат.

Водку на поруки сюни.
Испоний (сатирический) зубом грызет.

Всякий из нас терпит свои муки.

И у мурзиня своя злость.
Произносят слово без смысла.

Не все ложь, что в мольте народа распространяется.

Сила, лишившая ума, разрушается сама по себе.

Страх все делает болезнью.
Синг на одном из двух ушей.

(Terentius)

Голову наклони под верхом.

Пожрав всего вола, хвостом подавился.

Терпит закон, который сам принес (уставленный).

Не воинской триумф до победы.

Золотое руно.
«Горе тебе, горе, черный», — говорил котельщик кастрюле.

Цари сумасбродствуют, излатят ахейцы.

Характер подбора пословиц и толкование их зависят от самого собирателя, от его эрудиции, мировоззрения. В этом отношении Рысинский был очень близок Коменскому, который и взял у него вот эти, например, пословицы, напечатанные в белорусской Любче: «Десять вооруженных одного безоружного обирают; не страшен голому грабеж; у хлеба рога, у неволи ноги; где пан гордый, там хлеб

тврдый; где больше богатых, там люди беднее; когда на-
ны дерутся, у селян головы трещат; знал бы конь свою си-
лу, никто бы на нем не сзидил; жареные голуби никогда в
рот не влетают; бог высоко, король далеко, правды и спра-
ведливости на свете мало». Благодаря усилиям паремиоло-
гов, эти выстраданные истины становились оружием в руках
народа в борьбе за лучшее будущее.

ПАНЕГИРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

1614 году известный белорусский типограф Петр Бласт Кмита издал в любченском печатном дворе книжку панегирических стихов С. Рысинского, содержащую сочинения двух жанров — эпиграмме и эпитафии. Эпиграммы (краткое изложение) прославляли подвиги и заслуги князей Радзивиллов в войне со шведским королем и московским царем, десять эпитафий (надгробных надписей) составляли вторую часть книги¹. Историки и любители старинны с интересом прочитают рассказ современника об осаде городов, походах и жертвах кровопролитных боев, о впечатлениях очевидца исторических событий, происходивших в конце XVI века на русских, белорусских, литовских, латышских и эстонских землях.

Рысинский как автор стихотворений «Ревель», «Кирмененспум», «Кокенгаузен» не мог и, по всей вероятности, неставил перед собой задачи кропотливого достоверного описания и осмысления происходившего. Он оставался поэтом и поэтому выражал чувства, охватывавшие его в связи с походами своего хозяина и онекуна. Поэт восторженно восславлял доблесть, богатство, монць, личную удачу князя, оснащенность его войска, с одной стороны, с другой — обвинял противников в жестокости, жажде наживы, алчности. Как шведский король, так и Иван Грозный, по искреннему убеждению поэта, терпели неудачи в столкновениях с войском литовского князя потому, что они опустошили земли соседей, разоряли и подвергали насилию жителей. Как и Андрей Рымша, Рысинский описывал жестокость не только противника, но и местных феодалов. Он изображал картины ожесточенных схваток, свирепость и беспощадность

¹ Rerum ab illustrissimo principe Christophoro Radivillo... gestarum epitome conscripta ... a Solomone Rysinio accessil variorum monumentorum decas... Lubecae ad Chronum: In officina Petri Blasti, A. D. 1614.

расправ над мирным населением, а его слова, исполненные скорби, живописали страдания простых людей.

Во многих стихотворениях, входящих в «Энтоме», говорится о пагубности вражды между народами, несправедливости кровавых злодейств — извечных спутников войны. Не верноподданнические устремления лежат, таким образом, в основе творческого порыва Рысинского, а чувства возмущения насилиями, сострадания к его жертвам.

И все же поэзия Рысинского противоречива. Как придворный слуга Радзивиллов, поэт был, конечно, выразителем и официозного патриотизма магнатов Великого княжества Литовского, которому был предан. Однако, поскольку родиной своей он считал белорусскую деревню «на границе Москвы многоснежной», ему были близки судьбы народов, разъединенных расприями властелинов. Рысинский ожидал от своего князя, что тот окажется лучше, справедливее своих противников. Поэт надеялся, что Радзивиллы поддержат Реформацию, которая для него — сторонника арианства — олицетворяла прогресс и просвещение.

Рысинский, восхваляя подвиги войска Радзивилла, не считал, как это делал польский поэт Ян Кохановский в поэме «Поход на Москву»¹, что Радзивилл — слуга польского короля. Рысинский поэтизировал литовского князя как независимого доблестного полководца. Мечта о мире, расцвете наук и искусства, поборником которых Рысинский хотел бы видеть своего новеллителя, не позволила поэту выявить основную причину ливонских войн — соперничества за право мореходства на Балтийском море. К. Марке подчеркивал, что Иван Грозный «был настойчив в своих попытках против Ливонии; их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой. Вот причина, почему Петр I так им восхищался»². Рысинский же не понимал, чем руководствовался московский царь в своих стремлениях выйти к Балтийскому побережью. Он не знал или закрывал глаза на то, что Радзивилл помогал польскому королевству препятствовать стремлению Московского царства добиться через балтийские порты связи с Европой, откуда оно получало товары и мастеров³.

Рысинский обвинял шведских королей за жадность и неспасительность их захватнических аристократов, а по отноше-

¹ Kochanowski Jan. Jezda na Moskwę.— Kraków, 1583.

² Архив К. Марка и Ф. Энгельса.— ОГИЗ Политиздат, 1946, т. 8, с. 165.

³ Соловьев С. М. История России.— М., 1960, кн. 3, с. 594—595.

нию к московскому царю выражал недоумение, почему, потерпев столько поражений, московские войска не прекращают попыток продвигаться на запад.

Эпитоме Рысинского искрини. В этом их достоинство. Стихи написаны по-латыни, языком, близким к классической норме. Русские и латинизированные названия местностей искусно уложены в размер элегического гекзаметра. Ряд картин сражений, как, например, осада крепости Салач, написан динамично.

Эпитоме Рысинского, как и его эпитафии, — еще одна содержательная страница латинско-белорусской литературы начала XVII века.

Рысинский, являясь надворным поэтом Радзивиллов, писал эпитафии по необходимости. В средние века жизнь велимож обычно усаждали, приукрашивали, их развлекали ученые, поэты, художники, музыканты, добивающиеся милостей магнатов — единственных полновластных королями и понешибелей искусства.

Семь эпитафий Рысинского были посвящены умершим членам семьи Радзивиллов, три — другим лицам, в том числе и эпитафия, посвященная известному протестантскому деятелю в Белоруссии, писателю философу Андрею Волину.

Если обратиться к более раннему периоду творчества Рысинского, то оказывается, что он сочинял надгробные надписи и своим друзьям, и даже самому себе. Поэтому в подобных стихах не всегда следует искать лишь выражения подобострастия, раболепного отношения к княжескому двору. Особенно же нам интересны в них философские раздумья писателя-гуманиста о сущности жизни и смерти, красоте жизненных идеалов. Конечно, смерть близкого человека всегда отзывается болью в сердцах живых, оставляет неизгладимый след в их душе. Средневековая поэзия была призвана утешить, обласкать, вызвать слезы облегчения, подсказать, в чем искать замену горести горячей утраты. Рысинский утешает рассуждениями о неизбежности смерти, о памяти, способной воссоздать утрату близких. Умершие избавлены от тревог и горестей, мыслит поэт, им можно позавидовать, они счастливее живых. В неудовлетворимости жизни скрыт зародыш мечты о до конца неосознанных возможных изменениях. Что же тревожит поэта, что заставляет говорить его о зависти живых мертвым? Не загробная жизнь, не смирение с волей божества, вершавшего судьбы людские, воспеваются поэтом; он в смятении не перед лицом безвестности смерти, а потрясен не-

устроенностью, несправедливостью людского бытия. Войны, разорение родной земли, вероломство между братскими народами, недобрососедские отношения между государствами, козни римско-католической церкви, «авсонских мошенников» — мастеров сеять разлад, наконец, личные недостатки, пороки отдельных людей — вот от чего избавлены мертвые. Но ведь от этих невзгод можно избавиться при жизни. Поэт не дает четкого ответа, как бороться с бедствиями, которые «разъедают горючими слезами глаза». Он уверенно провозглашает науку могучим средством против невежества и преступных действий церковников и превозносит талантливые «диво-перья» мыслителей, способных изобличить проделки ханжей и лицемеров. Поэт надеется на справедливость тех, кто спешит помочь обездоленным и покарать законопротивщиков. Всем этим особенно и интересны эпитафии Соломона Рысинского.

ИЗ «ЭПИТОМЕ»

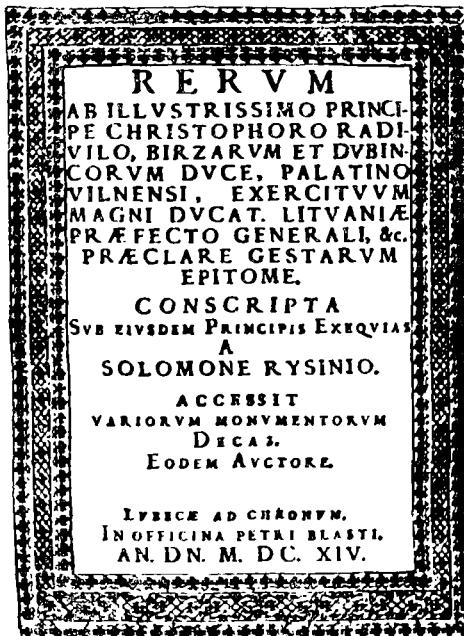
Ревель

Вот Сигизмунд с многократною славою яшмового царства,
Вот Иоанн, он в соседней стране многославный король,
Вместе согласны в единстве связать и скрепить свои руки,
Где украшает Лифляндии земли Ревельский шпиль.
Ты бы услышал, какие раздались по городу кличи!
Радость искрилась в глазах, когда обнимались друзья.
Этот по выбору троном владеет — надеждой отчизны,
Носит сarmатский король диадемы прелестной венец.
Тот — благодарность судьбы и событий. Иправления Швеции
Жезл драгоценный сжимает в руках государевой власти залог.
Друг короля из Сarmатии князь Радивилл появился,
Слава великая, знамя и сила литовской земли.
Седла и упряжь отличные, лошади рвутся с новодья,
Вид превосходный вояк, молодежи, достойных мужей.
С ними попытка сравняться у шведских вельмож безнадежна:
То ли они полулюди, то ль полубоги на вид.
Шведский король удивлен, поразились придворные принцы,
Прелесть двора Радивиллов глаза изумленных сияют.
Доблесть лиговцев в сердцах чужеземцев восторг вызывает,
Облик величествен, Марс их мечи и щиты закалил.
Шведский король породниться хотел с знаменитым соседом.
Финские воды рассек и уплыл на большом корабле.
Сам Сигизмунд, возвращаясь, литовских папов дружелюбием
Принят торжественно гостем в княжьем богатом дворце.

Кокенгаузен

Жажда порочная власти, богатство тебя сблизняют,
Карл, ты ль не доволен еще, не пресыщен иерийским добром?

Твой же король и потомок хотели, бразды чтоб правленья
 Твердо держал ты в границах лишь иконы иведских земель.
 Так что тебе надлежало судьбой не играть безрассудно
 И подобало унять в сердце почестей страсть.
 Но нездоровыя соблазн приказал погинуться к чужому,
 Меры не знalo влеченье к богатствам соседних краев.
 Кнут для господства плести вероломно тебе еще мало,
 Прежде крепить ты задумал оружьем превратность судьбы,

Титульный лист Эпиграфа.

Силой клинков испытать ты ливовцев спешишь, гневою,
 Страны соседские на разоренье стремишься обречь.
 Мощь беспощадную хочешь на землю ливовцев обрушить,
 На смех поднять опьяненный велиг скороспелый успех.
 Крепости та осадил и разрушил рукой певестиной.
 Долго ль добыча порадует, близок триумфа конец:
 Грабил соседей нещадно, теперь те богатства отнимут!
 Метицель есть бог справедливый, отымет за скорбь Радивил!
 Когда захвачника скоро и кильи и господь обломают!
 Видишь, ликует на поле, готова к боям молодежь.
 Где разноцветные воды с Даиниою протоки сливают,
 Там разразится с неслыханной яростью мстительный бой.
 Чванство твоей солдатии опрокинуто в битве жестокой.
 Свернута гордость, но бегства исполненного смыл ли позор?

Верна кудесника песня о том, как в блестящих доспехах
Сам Радзивилл посыает подарки в безжизненный Стике.
Род твой и титулы, всадников множество — не помогают:
Многие тысячи пеших и конных погибнет солдат.
Сколько, гляди, перебито литовским оружием шведов,
Пролито крови сколь много, скосила захватчиков смерть.
Кто возразит, не ужасна ль картина: кровавые воды
Струями лются с разгневанной Перси в просторы Двины!
Доблестно войско Литвы: Кокенгаузена стены свидетель.
Руку вождя Радзивилла и воинов смелых отряд
Видят они и позор побежденного Карлсона рати,
Радость и торжество осенили победы крылом.
Шведу, который готовил литовцу неволю и цепи,
Бог в небесах повелел на века знак бессчастья нести.

Кирмисенум

Царь разоряет ливоцев, теснит их мечом и железом,
Опустошенные травит жилища жестоким огнем.
Кровью окрашены гребни сребристых потоков Рубона.
Будто бы правильным именем названа Рубо^{*}.. Двина.
Мучает также судьба горемычных Беку и Парву,
Цвета кровавого стала небастрия Гавья река.
Горе, убийство, печаль лишь увидишь, куда ни посмотришь.
Плачет над сыном сраженным родитель, над мужем жена.
Гнев несatisfiedый тирана понады, однако, не знает.
Козин различные строит, хитрец, в нечестивых делах.
Все, что осталось, бэжалостным пламенем жгут по приказу,
Ухарством, силой своей упиваются смерть и огонь.
К Биржам пытаются царь подойти, желанием полон
Воды твою одолеть, быстротечная паша Двина.
Дерзость такую его нестерпеть. Не допустят на берег
Князь Радзивилл знаменитый, литовской отчины глаха.
Шпоры коням приказали он давать, подгонять без понады,
Чтобы скорее отряд пробивался к могучей реке.
Много людей на убийство бэжалостный князь обрекает,
Сам впереди, увлекает отряд, ободряет бойцов,
Непобедим и оружьем и духом, врагу угрожает,
Тех убивает, других же велит понадить, брат живьем.
Вскоре бегут осталые, ищут укрытия в чащобах.
Часть убегает к дремучим лесам, чтобы в дебрях пропасть.
В замок Салачи вступает один из бегущих отрядов,
Скрыться внутри поровит и в испуге смертельном дрожит.
Крепость построена моющим из бревен, дубовых, огромных,
Свежими покрытая дерном, вокруг высятся круго стена.
Серыми молниями царское войско литовцев пугает,
Ядра так густо бросает машина одно за другим.
Войско литовцев призывная песня на бой вдохновляет,
Вал — ипючем, неприступные стены из дуба.
Заступы, лестницы, ломы неся, чтоб на стены подняться,
Воннам мигом пришлоось под горящей смолой проскочить.
Вскоре от сильных ударов секир уже рушатся бревна,
Не помогает обивка железная мощных ворот.

* Ruber (лат.) — красный.

Крепость взята, опрокинута царская грозная спля.
Старцы и юноши -- воины вместе с вождями в плена.
В золоте и драгоценностях двух воевод уж выводят,
Князю добыча богатая будет, попознится ларь.
Вот и наградой бойцов недешевой в рядах наделяет
И, торжествуя, к родным возвращается войско лугам.

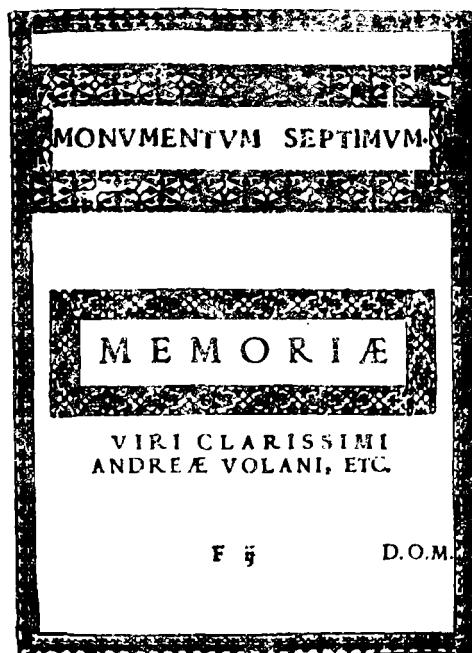
ИЗ ЭПИТАФИЙ

Софии Олельчиц, княгине Слуцкой, похороненной в Слуцком монастыре в 1612 году

Жалобная песня

О! Ненадежной судьбы мановение неоспоримо!
О! Никому не избежнуть плачевного жизни конца!
Смерть превращает и прадедов честь, и родителей дело,
Илемени блеск уважать не умеет и разума монц,
Кучей сокровищ преисбогает и золотом ярким,
Тирской наряд одевши ценное ей иинонеч
Юности цвет иль прекрасные годы ее не задержат,
Как не взвоязнуется и богу подобная дев красота.
Славные брачные узы - клочок для нее линь дешевый,
Сердце печальюющее мужа-видовца линь наследники предмет,
Смехом жестокая хленет, злословить, унижать умеет
Ноубожественный замок, обитель полумладей.
Вот она тощает, бесчестная, землю с радостным плясом,
Выдрав добычу из княжьей груды, и победой горда.
О! Припосыпая счастье души, изобильт достоинств
Тех, что лежат Юнона и в женщины теле растут,
Звездочка! Ты сохранилась в созвездии Слуцком едини
Между литовскими славой ярчайшая первая дочь!
Разве ты менее рыцарь, чем гордый супруг твой великий?
Сила какая, нагрянув нежданно, тебя унесла?
Многие солнца с супругом тебе проводить предстояло,
Пестора долгие дни полагалось по жребию жить,
Шло тебе клады считать, драгоценность сокровищ отцовских,
Ими делиться с тобой и порадовать жаждал супруг,
И полагалось отцом его сделать детинек прелестных.
В доме ж оспротившем покинула ты одного.
Если б страдальцу осталась надежда наследника рода,
Менши бы мучило бедствие, грустно терзала печаль.
Горестно сердце занято двойной неутешною болью,
Слезы соленой росой увлажнили морщины ланит.
Небу угодно иначе: коль с неба падают звезды,
Разве не скажешь: «чудесно», безумному линь невдомек,
Луч, суетливо прываясь и всеныхнув мерционим свегом,
Матеря гасит светло, и гаснет в утробе дигя.
Смерть, свиреся, с размаху косой ударяет жестоко,
Мать и потомство убить для нее еще болыни триумф.
Ах! Замодчи, быстрометная, смехом грядущим пытаешь,
Пусть и отхода потаиши останки замученных жертв,
Вечно ли смехом позволено будет тебе наслаждаться?
Слезы, лицо оросившие, бог милостивый сотрет!

Сломлено не было мужество князя ни вражеским строем,
Ядрами, сталью, огнем и угрозами он не сражен,
Меч не поверг или копий ужасных нещадные жача,
Тлением не испугала, в глазах промелькнувшая смерть.

Эпитафия А. Волану из «Десяти эпиграфий» С. Рыбинского.

Хворь испытанием на доже его не сломила.
Разве печали враждебная сила до успехи пронзит?
Вот же, когда собирается силы героя ослабить,
Темная монь Лихитина ведь зря раздувает свой гнев.

**Януш Радзивиллу, прожившему три месяца 24 дня.
Умер в 1609 году.**

Разве стараешься только свирепствовать среди душ невинных,
Парки[†] щадить не желаси, конечно, никого.
Трижды добычей богата, отвергни бесправие тройное,
Чтобы в дальнейшем жестоко не рвалась печальная птица.

[†] Парки - богини судьбы.

Землям и небу достаточно даров: тройные подарки
Небу и трижды в холодную землю отправлен залог.
Кто похитила в первые годы потомство младое,
Было оно как свидетель супружеской жаркой любви.
Зависть Лахезис скигает и бесиг сестрицы добыча
Тут же жестоким ударом другое сразила дитя.
Атропос, будто змея, не заботясь о кровных законах,
Вдруг похищает трофеи, убиваёт уж третий приплод.
О! Дорогая родителям, богом любимая крошка,
Что так торопишься? Разве спешишь ты под огненный кров?
Души ль любимые: брат и сестра играть пригласили?
С ними ль отрадно в божественном замке проводинъ досуг?

Николаю Радзивиллу, прожившему пять месяцев и 12 дней.
Умер в 1611 году.

Матери радость, отца, всего рода светоч надежды!
Вдруг ты, дитя, вызываешь линии слезы и стон.
Первый залог ликования супругов, свое ожидание
В гроб уложили и нежное тело предали земле.
Слезы, родители, скройте, стечаний вопль утишайте.
Брошено семя в немягкую почву, но вырастет сон.
Нежной рукой обнимет за шею и вас временами
Ласкою новой порадует, к вашей прилежится груди.

Станиславу Радзивиллу, прожившему два месяца и 4 дня.
Умер в 1612 году.

Нежная поросль и в пятый раз княжеский отпрыск рожденный
Здесь преждевременно смертью похищен лежит.
Надо пеласковым паркам щадить малолетнее чадо,
Следует им торопливую руку от жертв отвести.
Все же такое угодно богам и родителей сердце охотно
Прах отдаст небесам, примирившись со скорбией судьбой.

Екатерине Радзивилл, прожившей шесть месяцев и 20 дней.
Умерла в 1613 году.

Что наша жизнь? Ожидание тревожное смерти холодной.
Смерть? Безмятежная, новая жизнь на века.
Вот ведь, когда умирает у нежных родителей Катя,
Тут же бессмертья ее зарождается дух.

Прославленному мужу Андрею Воляну

О странник, почему не продолжашь путь, как бы устремляя гла-
за к могиле неизвестной?
Андрей Волян здесь лежит.
Я уже сказал: уходи! — Помощник? —
— Тебе неизвестный, всей Европе хорошо известный Волян, говорю,
звезда северного мира, которого родила Великая Польша, Великая

Литва предоставила убежище, Великий род Радзивиллов предложил кровь.

Мужа, обладавшего большими способностями, король допустил к тайному совету. Речь Постолита пожелала увидеть его в королевском суде. Родина слушала на общем сейме. Церковь поставила во главе святого собрания. И в ее защиту врагов он поражал десницей Аполлона, всегда первом и словом.

Наконец, в преклонном возрасте, обремененный лишь честными делами, тихо скончался в своих Биутишках в 1610 году. Похоронен там же.

Разумом в мире известен Волян и достоинством славен.

Весть о Воляне в восточных краях, о нем Западу знать.

Коль поглощает он Тирса ученье внимательным ухом,

Благочестивый мыслитель пугает ученьем Рим.

Дух, разгоревшийся пламнем ярким Олимпа, уходит

В высь лучезарную, жизни земной обитель презрев.

Илоты ироков и скелет наконец он оставил в гробнице,

С жизнью простился, но восемь законных десятки годов.

С речью судейской больше не выступишь в крае родимом,

Больше, святая душа, не узнаешь посольских забот,

Тайи королевских блести, облаченный доверьем, не будешь,

Диспунт священный продолжить не сможет уж звонкий твой глас.

Больше авсонских мосхеников, распрай, разлада умельцев

Уж не произнешь вдохновенным, острым из диво первом.

Вот ведь теперь осташься, взирая на высь алтарей поднебесных,

Благославления последнего ждешь из создателя уг.

Варваре Оссолинской, умершей в 1591 году.

Похоронена в Нешове Люблинской земли.

С л о в а у м п р а ю щ е й

Круг уж шестой пробегает погромок Гипериона,

Как овдовевшее ложе покинули члены мои.

Горе испить-то какое, подумай, пришлось в это время,

Как изнывало волшебем разбитое сердце мое.

Дом опустевший, лишенный опоры, одна я пыталась,

Правя судом справедливым, от гибели предохранить.

Клаля я силы, чтоб дать на путь совершенный вступили,

В замок Надлады, а также Ареты вселиться смогли.

Эта забота съедала мне сердце сколь долгие годы!

Тяжкою мукой истерзана вся материнская грудь.

Брачным союзом обрадовать дочек, когда я хотела,

Труд то какой испытала при нахождении зятьев!

Сколько забот претерпела и столько незвезд пережила.

Грусть не покинула сердце, осталась в нем резкая боль.

Бот ведь начали наконец подавила, ужасное горе,

Крыша безумств Персефоны готова меня приютить.

Старший моих сыновей, стрелой ядовитой пронзенный,

Бросил, увы, освященный отцовским заветом закон.

Бросил, увы, и отрекся от веры, его воспитавшей.

Брошу и я эту землю и все, что земное кругом.

Елизавете Турской, умершей в 1590 году, прожившей 43 года, похоронена в Некрасове.

Теперь покойницы

Силы сейчас, о болезни, вы против меня обратите!
Рок беспощадный, направь свои стрелы теперь уж в меня.
Хвори папасти сломить удавалось в течение жизни,
И побеждала тогда я удары богини судьбы.
Чем бездыханной, чем повредят мне судьбы испытания?
Помочь мгновешную смерть принесла, избавленья залог.
Сын мой, большая моя испугливая часть и любимый
Муж, воздержаться вам надо от плача, степаний и слез,
Пусть бы никто не подумал, что мне, позавидовав счастья —
Дара услужливой участи, смерть посчитали за зло.

Регине Бучинской, похороненной в Бобове в 1589 году

Муж жене

Свет мой, зачем, покидая ребенка, покинув и мужа,
С глаз убегаешь, строитивая, разуму наперекор?
Может, задержат рыданья тебя или горькие слезы
Смогут вернуть опечаленным взорам нашей семьи?
Век не утихнет тоска и оплакивать будем потерю,
Сердце, пропающее болью, горючей слезой наполнять!

Жена мужу

Слезы к чему и стечения ваши? Чтоб новым, наверно,
Пламенем боли терзалась я, путь направляя к богам?
Торе семьи и страдания дитяти, рыданья супруга
Вместе от хора в божественных высинах меня отвлекли.
Думайши: сможет ли плакать ты меня и слезами?
Это ж напрасно! усладу никоя я предвочла.

Амвросию Стапару

Стих, говорящий о смерти вице-канцлер Рыбецкого, слышавший.
Пусть никогда не исчезнет из сердца, о друг, твоего!
Дружбы лелеял союз неразрывный с тобой плодотворной,
Ию всех сил, жинерадостный был я когда.
Да, а теперь наконец мне придется открыть тебе правду:
Сляжени и ты неожиданию в спешно сколоченный гроб.

Эпитафия Соломона Рыбецкого

Западных стран берега я напрасно шагами измерил,
Земли германские я исходил и сарматов края.
Час неизбежный кончина для всех все равно остается,
Смерть кровожадна, в любое убжище в щели вползет.
Вот я, кого родила на границе Москвы многоснежной,

Славная зверем, охотничьими добрями, борами Русь.
Разные я посетил города, чужеземные видел
Замков громады в различных неблизких местах.
Здесь в Сенцимине внезапно болезнью сражен я жестокой.
То, что увижу теперь, прославить не стонят, увы! (I, III)

РАЗНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Стихи, посвященные Конраду Риттергизиусу

В 1598 году юрисконсульт Конрад Риттергизиус, близкий друг Рысинского, соавтор оставшихся в рукописи «Изысканий по Авсонию», издал в Тюбингене (юго-западная Германия) «Историю Фридриха Барбароссы» Гунтера Лигурия с комментариями. На шестой и седьмой страницах этой книги помещены латинские стихотворения Рысинского, написанные в Альтдорфе и помеченные июнем 1598 года¹. В другой книге Риттергизиуса, изданной в Лейдене также в 1598 году и посвященной творчеству Оппиана², вслед за стихотворениями иных авторов на шестой странице напечатано стихотворение Рысинского на латинском языке, озаглавленное: «К уважаемому и ученейшему мужу Конраду Риттергизиусу, юрисконсульту...» Под стихотворением — велеречивая подпись: «Соломон Рысинский, прозвище Пантрус, сочинил для сына славного князя Христофора Радзивилла в память учебы в Вильне и Литве». Посвящение Рысинского потомку правителей Великого княжества Литовского как бы призывает покровительствовать отечественной науке.

Риттергизиусу

Асклепиада * сыны, хоть латинская вас воспитала
Почва, в Пелазгах ** пусть ваша явилась на свет колыбель,
Дайте поэтам германским дорогу --- сынам Амфитриады ***,
Вам справедливые судьбы велели ведь прочь отступить.
Тело, потомство заботой когда-то считались и слава,
Вас же тревожило сильно тогда лишь желанье добыч.
Счастья вы были полны и отрады, но век наш счастливей:
Лекарей он, изгоняющих хворь, породил, мастеров;
Ранами тело покрытое быстро одни исцеляют,
Света лишенных обрадовать светом другие смогли.

¹ A. Guntheri Ligurii seu de rebus gestis imperatoris Caesaris Friderici primi.— Tübinger, 1598.

² Oppiani poetae Cilicis...— Lugduni Batavorum, 1598.

* Игра слов: Асклепиад из Самоса (III век до н. э.), Асклепиад — врач римский (II век до н. э.). ** Пелазги — здесь Греция. ** Сыновья Амфитриады — жены Амфитрия: Геркулес и Ифниклес.

Конрад, поднялся до самой вершины ты между великих,
Скупо судьбою обласканным жизнь помогаешь прожить.
Дух их восприняет, желанное снова увидев спасенье.
Передают по рукам и из уст прославляют уста
Имя твое, о певец, приобретший хвалу от Авзона *,
Речью весом, величайший умом, одаренный Симмах **,
Златом Кириским *** отдавший стих, знаменитый кудесник,
Краснобородой историин **** престола искусный творец,
Много событий других окрылил ты известностью, славой,
Четко в запутанных книгах законов ***** ты сущность раскрыл.
Это прекрасно, тебя удостоили лавров когда-то
Те, кто усердно занимался изучением тяжким трудом.
Вы же, богини, в обители которых с горящей душою
Конрад вступает, цените его и любите певца!

**Соломон Рысеникий в честь «Оппиана»,
изданного в свет Конрадом Риттерегузиусом**

Милая Клио *****, увидев: в стихах Ромулайд ***** побеждает,
Молящая Фебу словами печальными, полными слез:
Феб пани, отец, ты водитель двойного священного стада *****,
Так почему прекращаешь дарить авзонийским ладам
Тех, кто заслуженно мог бы с аргильскими *****
соревноваться?

Разве один лишь Гомер победителем будет на век,
Слава же спутником в небе матинском светить перестанет?
Бедствие это сними, пани родитель, позор отврати!
День ли настанет, когда голова до светил воснесется?
Феб ей в ответ: опечалена нимфа напрасно, не плачь:
Зря удручаешь тебя и грызет постоянная забота.
Скоро славнейшее имя получит далекая глуши —
Свет в неизвестной авзонской деревне увидит Вергилий.
Берег Сицилии одних порождает ******, других

в Колофонт *****.

В Аскру ***** судьба заиссет. Побежденные скоро отступят.
После того, как Марон ***** появился, великий Гомер
Замок священный покинул и сразу синие потухло.
Горькой слезой заливаясь, которая аргивов в беде
Волосы треплет, радость успеха соперников видя,
Лация мечет проклятия богам, упрекает: о Феб,
Восстанови милосердно величие нашей поэзии!
Феб оскорблений страданье стремился тотчас облегчить,
Звуками слов наполнил уста, обращаясь к аргивам:

* Авзоний — римский поэт (IV век н. э.). ** Оратор и писатель поздней римской империи (IV век н. э.). *** Кирке из Одиссеи. **** Историю о Фридрихе Барбароссе (Барбаросса — означает «краснобородый») написал Гунтер Лигурнус. К. Риттерегузиус издал и прокомментировал это сочинение. **** Клио — муз истории. ***** Ромулайд — римлянин. ***** Миф о том, что Аполлон служил наставом у Адмета. ***** Аргильскими — греческими. ***** Из Сицилии происходило много греческих поэтов, писателей-историков. ***** Колофонт — город в Малой Азии — родина Гомера и других греческих поэтов. ***** Аскра — родина Гесопода (в Беотии). ***** Марон — Вергилий.

Чтобы навечно завистливый спор среди вас прекратить,
Чаши весов нагружу одинаковой поровну славой,
Так чтоб ахивы не смели авзопских певцов обижать.
Честь же, воспетая в римских стихах, не гаснета в Элладу.
Даром моим вам окажется равный Марону певец,
Город родит киликийский его — Аназарб * знаменитый.
Вынудит съе песнопенье червоное злато забыть
Тех, кто латинской державы кормило в руках сохраняет.
Кастор и Поллукс — сыны Тиандея ** — сняли хвалой,
Ярче блеснет он Вергилия и Оппиана ***.
Равная слава поэтов — не стал уж никто возражать.
Руководителю хора — почет, послушание — Фебу.
Вечно ли согласье бывает? Удачно ли решенье судьбы?
Слава Оппиана во мраке лежит, похоронен на веки,
Вергилия боги, цари превозносят среди певцов,
Что на земле Ромульдов и в Аттиса **** дивных пределах.
Чу! Поражает неведомый глас, наслажденье ушей:
Заговорили уста Оппиана, явился из мрака.
Кто тот волшебник, Оппиана решивший отважно вернуть,
К жизни под небом сияющим, к высям эфирных просторов?
Не ошибаюсь? Горя, Ригтерегузанс, огнем Лонид ¹⁴¹⁸⁵,
Это чудесно! — дернул ты ирлестный панев передать нам,
Славу такую, наследье красы, Аполлона хвалу,
Бремя тяжелое взял на себя — ведь не зря одареный!
Пусть же заслуженной славы венцом Лониды и Феб
Кудри твои опояшут, рожденный под добрым светилом!

Мартину Кодицию, уезжающему в Лейпциг

Так и любовь к Альтдорфу забыта и вся благодарность.
Больше, как видно, манят Лейпциг пантиком любви.
Лейпцигу чтоб не хватало! Блещет богатством Юпоны,
Сказочкой итицей порхает, искусной сияет красотой.
Миссии ты лучезарность, златые ты очи народа,
Ключ плодоносный Форкиды, кладезь ежесотких ручьев!
Разве тебя я сравнил с холмами роскошной Нериды,
Разве ты ниже Альтдорфа, ученичий Иллесия-град?
В час отправляйся же добрый, небеснос, Мартин, знаменито!
Пусть же тебя поведет. С судьбою бороться нельзя!

Из Палеокомии (Альтдорф.— Я. П.), 8 июля 1587 г. (2. XIV)

Соломон Иантерус Иоанну Буссертию Ректору по случаю освобождения того от поста

Члены твои, Буссертий — портской школы светило,
Мантва искусно связала, цепью стеснила твой дух,
Освободила тебя академия — в прочном заботы.
Радуйся, убрано бремя, гнетущее плечи твои!
Властью другого блек ты и пути законов отбросил,
Радуйся, убрано бремя, гнетущее илечи твои!
Власть, эту тяжкую ишу, напрасно почетом считают.
Радуйся, убрано бремя, гнетущее плечи твои!

* Аназарб — город в Киликии (Малая Азия). ** Тиандея — спартанский царь. *** Оппиан — греческий писатель из Киликии во времена Марка Аврелия. Писал о ловле рыб, зверей и итиц. **** Аттис — фригийское божество. ***** Лониды — одно из прозвищ Муз.

Зависть всегда раздувают и почесть и става болышая.
Радуйся, убраю бремя, гнетущее плечи твои!
Тот огражден от завистников, годы кто кончит бесчумно.
Радуйся, убраю бремя, гнетущее плечи твои!

Палеокомия (Альтдорф.— Я. П.), 1 июля 1587 г. (2, XVI)

Стихотворное письмо Якову Куно

Яков Куно — один из товарищней Рысинского по учебе в Альтдорфе. Ему адресовано отдельное письмо в виде стихотворения в честь крупного поэта-современника — Пауля Шеде, иринявшего имя Мелисса, переложив на греческий язык немецкое имя своей матери Віене (пчела); по-гречески — *мелисса*. Талант этого новолатинского поэта получил в свое время такое признание, что его называли «Пиндаром Германии». В стихотворении Рысинский сравнивает творчество Мелисса с величием венузианского певца, т. е. Горация, а также с мастерством шотландского переводчика псалмов и «Истории Шотландии» Георгия Буханана (1506—1582).

Верь мне, ученейший Куно, Мелисса^{*} пчела африканской
Медом гиблейским ** полна — это, конечно, Мелисса.
Хоть не похоже на мед, так по-гречески пчелы зовутся,
Это с Гиметта *** вершин собран цветений нектар.
Песня же слаже, чем меды, — Мелисса такая природа,
Лиры беотской **** певец славится стихом везде.
Не вспоминаю, чтоб видел я где-то похоже уездаду
Кроме, стицило, твоих венузианских стихов,
Иль Буханана Георгия ритмов прекрасных напевы.
Бронепен Шотландии край Флакком **** земли той родныи.
Боги же пусть предоставят кудеснику годы Мелиссе
Жизни, что слаже, чем мед,— Куно, со мною молись!

(2, XXXIII)

В Центральном государственном архиве г. Минска (ф. 694, оп. 1, сб. 145) хранится письменное непечатными буквами, по-видимому рукой самого Рысинского, 16 страниц, озаглавленных «Decas altera...», т. е. «Второй десяток...», разных памятников, составленных Рысинским. На шестом — восьмом листах дан стихотворный «Третий памятник», посвященный Христофору Радзивиллу, виленскому воеводе:

* Игра слов: Мелисса — пчела; по представлению древних — нимфа, а также — жрица богини плодородия Артемиды. ** Гибля — гора в Сицилии, славившаяся медом. *** Гиметт — гора в Аттике, славившаяся пчелами, медом и мрамором. **** В оригинале Лошти, т. е. Беотия. ***** Флакк — Гораций.

Диалог несведущего гостя и музы

Муза, скажи мне, какими украшен герой сей чертами,
Даром каким и достоинством муж этот был наделен?

Глянь на венец, обвивающий четырежды вольное сердце,
Меткой сверкает какой, не находишь чего на нем знак?

Рог здесь сначала тройной и символом рода известен:
Славу семьи первый рог, боя второй передаст.

Крайний же слышала церковь в сурое бедствием время.
Рогом тройным устрашает не знающих чести людей.

Что за корабль плывет на огромных взметнувшихся волнах?
Был тот муж подготовлен отечеством править в грозу.

Башни, скажи, для чего вознеслися рукою умелой?
Высшее это достоинство рода, вершина его.

Зверь почему почивает жестоко гневный под днинцем?
Агнец всегда терпеливо, певущий на беды взирал.

Ввысь поднебесную зачем же орел всю картину уносит?
Как появился с небес, так в небеса улетит.

НЕКОТОРЫЕ «ПИСЬМА К ЛУЦИЛИЮ» Л. А. СЕНЕКИ В «КОНЪЕКТУРАХ» С. РЫСИНСКОГО

ажнейшим произведением выдающегося римского писателя I века н. э., приверженца «новой Стои» Луция Аннея Сенеки считаются «Письма к Луцилию». Именно его Ф. Энгельс прописки назвал «дядей христианства», так как «послания часто почти дословно описаны у Сенеки»¹. Нечатные издания «Писем» Сенеки стали появляться начиная с XV века, а прокомментированные — в XVI веке. Их авторами были крупные филологи и гуманисты — Эразм Роттердамский, Липсий, Скалигер. В начале XVII века комментатором писем стал и Рысинский, издав свои комментарии в Нюрнберге в 1620 году. Изнакал же он их приблизительно в 1610 году в Белоруссии. Оригинал «Конъектур»² хранится в Краковской библиотеке.

«Конъектуры» Рысинского — не только уточнение доподлинности высказываний самого Сенеки, но и оригинальное философское рассуждение. Рысинский не был новичком в области исследования классической филологии, ибо совместно с К. Риттерштайнусом писал уже о творчестве римского поэта IV века н. э. Авсения. Если обратиться к предисловию книге об Авсении обращению Рысинского к советнику Рему, то увидим, что последний собирался оказать содействие в подготовке к печати труда об Авсении. Именно об этом Рысинский узнал от Павла Дмитровича, одного из деятелей просвещения в Белоруссии, который переписывался с Ремом. Рысинский писал: «Как хотелось бы в знак искренней признательности преподнести тебе дар. Ничего, однако, достойного твоего суда, способного обратить твое внимание, у меня не оказалось. Вот все же несколько страниц, на которых я десять лет тому назад изложил кое-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 307 и 309.

² Solomonis Rysini Seneatae Ad Epistolae L. Annei Senecae philosophi stoici, notarum sive conjecturarum Liber.— Norinbergae, MDCXX.

какие мысли в связи с письмами Сенеки. В то время у меня в деревенской глуши был в руках экземпляр «Писем» Сенеки парижского издания, который предоставил мне друг. Книга своей новизной, изяществом печати весьма соблазняла к чтению. Она была издана столь хорошо, что никоим образом нельзя ее сравнить с другими. У нас здесь ощущается нехватка хороших книг из-за бедности и немногочисленности книготорговцев. В этой обстановке я, побужденный пастоящим «зудом критики», думал, что смогу сказать что-либо новое о прочитанном. Тебе виднее, насколько я преуспел это сделать с пользой для читателя и для раскрытия истины». Эта выдержка из письма Рысинского приоткрывает творческую историю возникновения комментария.

Какую же ценность для Рысинского представляли «Письма» Сенеки? Парижское издание «Писем», возможно, случайно попало ему в руки, но нельзя считать, что оно его случайно же и увлекло. Сочинения Сенеки написаны живо, ярко. Видимо, поэтому Рысинский «зачитывался» «Письмами». Из «Конъектур», однако, следует, что суждения Сенеки он воспринимал критически; его внимание привлекали главным образом те места «Писем», где автор проявлял себя последователем Эпикура и глашатаем нравственного совершенствования. В «Конъектурах» нет ни одного намека на противоречивость взглядов Сенеки, примечания же Рысинского выдержаны в духе оценки тех положений, которые со временем рабовладельческого Рима и выльют до позднефеодальных порядков в Белоруссии не потеряли своей остроты и злободневности. Это был ирреест гуманиста против разложения правов, упадка науки и преследования свободомыслия.

В сочинениях Сенеки нет оригинальных философских положений. Этот философ был электиком; в его письмах переплелись теории Эпикура, Платона, Пифагора, Зенона. Если, с одной стороны, согласно Сенеке, человек должен укреплять свою волю, закалять себя, совершенствовать свой разум, превозносить добродетель, клеймить пороки, то с другой — в мире господствует рок, добродетель заключается в том, чтобы примириться с судьбой, отказаться от борьбы за изменение хода событий. «Письма к Луцилию» наиболее ярко и зрело представляли все эти воззрения Сенеки.

Рысинский весьма придирчиво отнесся к тексту парижского издания Сенеки. Он отметил в отдельных местах пропуск слов, грамматические несоответствия, неуместное употребление приставок, замену слов, перестановку в построении предложений, вплоть до размещения знаков препинания

ния. При этом он выявлял извращения выкладок Сенеки — церяжливость (*incuria*), ошибки (*vitia*), невежество (*stupidi-tas*) переписчиков и печатников. Иногда им отмечались испорченные места (*loca corrupta*). Вместе с тем Рысинский требовал изящества в латинской речи. Он часто подчерки-.

LARINISSIMO VIRE,
G EORGIO REMO,
PERIUSISTRUPP. NORICAM.
▲ Consilio &c. Sec. M.
R. 1585. S.

Vtrum profecto videlicet
bet, ita esse eum parandum, et in
naturali similitudine beneficium au-
tem humanum tamquam latente
feste non ostendat, sed ne memoriam quendam
sisteret et cratam recordaret, onus lovere he-
beatur tuncneat. Et sane pravissimum oratione
censetur Philosophus, diligenter in **caedes**
tati, ratione, genitio, letis, iras, spitis, in-
vestigantem ab aliis quidam recipere
potuerint, praeceps ratiuncula, quod in qua-
tura etiam extinxerint atque in cunctis con-
ditionibus ita cum omnibus sit respectus, ut esse
sufficiens ut raptus ex parte praecipue ad in-
convenientem & condemnabilem, nemini, utrum
neque admodum alicuius administratis tribu-
quam inactum rapiatur, et raptus se premitur.

Обращение С. Рыжинского к Георгию Рему в «Конъекту- рах».

Ad Epistolas Senecæ
Notæ, sive Conjecturæ.

EPISODE VIII

Philosophie servire, liber.
tas est Non minus eleganter hoc di-
cendum procul dubio prius oculis habens
Iustitiam suam in sua Constantia protulit, Deo fit virare,
libertas est sed longe melius ex magnificientia in
eandem sententiam I. Vives in Fecit, animi ad
Deum. Deo servire, regnare est. Partim magnificen-
tia ante hunc T. Petrarca lib. 2. cap. 1 de bemed.
fortuna. Dei servire, Rex et omnium. Socus An-
gelorum, regum Emanuelli. Quanquam duo iusti po-
fleriores sine die a D. Augustino bausere, que
Medit et 12 non minus auguste Deus, quinmo se
erueret cui servire, regnare est quam laudare
salmi et gaudium amicorum. Verum omnium au-
gusti, sime Philo. 1. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29.
autem regum praeceps, agor. Merito me punit
quippe. et opid apud Ulpianum Madrasurensem h. c.
resed jammer succurrit regi cultus est adtraum.

Первая страница книги С. Рыжинского о творчестве Сенеки.

вал: «губит красота» (*decus perit*), «изящество» требует (*venustas*), надо было бы «более складно» (*magis quadrat*), «более убедительно» (*magis perspicue*), «более естественно» (*geminus*). Он возмущался по поводу неправильного прочтения отдельных слов или форм: «грубовато» (*durisculum*), «что этим хотят сказать» (*quid sibi vult*), «искаженная речь» (*manca oratio*). Иногда он сам не был уверен в своих предположениях (*incertus sum*) и высказывал догадки. Но все же главным образом Рынникского привлекало изучение смысловой сущности: он пытался разъяснить читателю, как следует понимать освещение Сенекой вопроса

о жизни, смерти, здоровье, старости, творчестве, совершенствовании духа и тела, достоинствах, пороках, общественных обязанностях, житейских и философских началах. В своих комментариях Рысинский давал своеобразное толкование выводов Сенеки, часто сопоставляя их с изречениями греческих, римских, средневековых и современных писателей: Эпикура, Пиндара, Еврипида, Горация, Вергилия, Плиния, Августина, Петrarки, Вивеса, Липсиуса и др.

«Конъектуры» Рысина приводятся по экземпляру, хранящемуся в Народной библиотеке ПНР, текст «Писем» Сенеки — по изданию О. Генце 1898 года¹. Для сравнения использован английский перевод Ф. Баркера с этого издания². Нами отобраны лишь отдельные фрагменты толкования мыслей Сенеки Рысина, изложенные им в разных чиcльмах, а также примеры наиболее удачного, на наш взгляд, разбора белорусского комментатора различий и выявления им возможных ошибок у переведчиков и печатников.

Путь к свободе — служить философии*

Разбор «Писем» Сенеки Рысинский начал с высказывания Эпикура «служить философии есть свобода». Уже это свидетельствует об уважении комментатора к идеям Сенеки, изобличавшего реакционеров и мистиков и защищавшего материалистические взгляды Демокрита. Комментируя «Письма», Рысинский счел нужным и противопоставить Сенеку ряду средневековых философов, показывая, что христианские мыслители заимствовали у римского стоика идеи, придав им лишь теологическую окраску. Восьмом письме** Сенеки к Луцилию говорится: «Сегодня я прошел у Эпикура: „Для того, чтобы добиться настоящей свободы, ты должен стать рабом философии. Человек, сделавший себя ее слугой и невольником, не ожидает изо дня в день униже-

¹ Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. L. A. Senecae Opera quae supersint VIII, L. A. Senecae ad Lucilium epistolae moralium quae supersint. Edidit Otto Henze.— Lipsiae, 1898 (1914).

² Seneca's Letters to Lucilius translated by Phillipps Barker. D. Litt.— Oxford, 1932, v. 1, 2.

* Подзаголовки мои.— Я. П.

** В связи с тем, чтоnumerationia «Писем» Сенеки совпадает в «Конъектурах» Рысина в издании О. Генце и в переводе Ф. Баркера, в дальнейшем сноски на эти источники опускаются. В необходимых случаях указывается номер письма. Переводы с латинского и английского Я. И. Порецкого.

ний, он эмансипируется, так как настояще служение философии — это свобода¹». Именно последние слова о философии и свободе Рысинский выделил и сопоставил с высказываниями Липсия: «Служить богу — это свобода», Вивеса: «Богу служить — значит царствовать», Петрарки: «Слуга божий, царь всех, друг ангелов, ужас демонов», Августина: «Узнать бога — это жить, служить ему — это царствовать», Филона: «Служить богу — не только лучшая свобода, но и лучшее царствование». Все эти высказывания Рысинский оценивал как изящные, возвышенные, но все же, сопоставив их с Эпикуром, показал, что Сенека вслед за Эпикуром не говорил о боге, а обожествляя философию. Знаменательно, что в «Подготовительной тетради» к своей докторской диссертации К. Маркс тоже обращался именно к восьмому письму Сенеки и приводил оттуда мысль Эпикура в изложении римского стонка: «До сих пор мы повторяем за Эпикуром: «...ты должен служить философию, чтобы достигнуть истинной свободы. Тому, кто подчинился и весь отдался ей, не приходится долго ждать, он тотчас же становится свободным. Ибо само служение философи есть свобода»¹.

Опора в жизни — вера в себя

В научной литературе конъектурами принято называть замечания о разиочтениях текста, по значению этого термина более широкое. Это и догадка, и предположение, и толкование мысли, и гипотеза. А «реалии», которые объяснял Рысинский, это также изречения римских и греческих мыслителей, сопоставленные с положениями Сенеки. И прием выделения из контекста «Писем» отдельных предложений подтверждает, что внимание Рысинского привлекали в первую очередь языковые формы и стиль «Писем» Сенеки, но вместе с тем, и это главное, автор «Конъектур» развертывал положения Сенеки, усиливая наиболее существенные стороны рассуждений. Если привести отрывок из любого письма, то несложно заранее определить, какое имяно место вызвало у Рысинского «зуд критики». Так, в тридцать первом письме Сенека, обращаясь, по своему обыкновению, к другу Луцилию, говорит: «В итоге ты окажешься мудрецом, если закроешь уши... Оставайся глухим к своим любимейшим (т. е. родственникам.— Я.Н.); с добрым намерением они зла желают и, если хочешь быть счастлив, моли богов, чтобы не сбылось ничего из того, что они тебе желают. Все

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений.— М., 1956, с. 185.

их пожелания — не благо; единственное добро, причина и опора счастливой жизни — это вера в себя. Этого нельзя достичнуть, если будешь пренебрегать тяжелым трудом, не считая его ни злом, ни благом. Не может ведь быть, чтобы какая-либо вещь была только плохой или только хорошей, только легкой и терпимой или только вызывающей опасение... Следовательно, не выбирай для выгоды ничего из обремененного веками моления близких... Безошибным и приятным является путь, которому учит тебя природа: она тебя убеждает в том, что, если ты с этого пути не сбьюшься, станешь равным богам...»

Внимание Рысинского привлекла в этом письме, во-первых, фраза, которая до сих пор не прочитана с полной достоверностью, а во-вторых, он сделал попытку уточнить и объяснить содержание примерами из других писем Сенеки, а также литературными отрывками. Речь идет о словах Сенеки: «Не выбирай для выгоды ничего из обремененного веками моления близких». В комментариях к этому месту, появлявшимся на протяжении XVII—XX веков, сделаны попытки уяснить содержание путем добавления или изменения отдельных слов. Рысинский остановился именно на этом высказывании Сенеки, оставив его в звучании издания 1607 года, и определил его смысл, как критику глупых и бесмысленных обетов близких людей. Он тут же привел выдержки из нескольких писем, показав таким образом, что неясное выражение об обетах близких родственников в тридцать первом письме обозначает брезгливое отношение Сенеки к суеверным людям, видящим в обетах и молитвах залог счастья и будущего успеха. Так, из тридцать второго письма Рысинский выделил: «Твои близкие тебе желали (блага.— Я. П.), а я желаю тебе презирать все то, что они тебе желали иметь в изобилии». Эти слова смыкаются с последующей мыслью Сенеки о том, что изобилие у одних людей предполагает ограбление других.

Подобные выводы подтверждает приведенный там же Рысинским отрывок из шестидесятого письма: «Разве ты все еще сам себе желашь того, что тебе желали мать, нянька или слуга, сопровождавший тебя в школу? Ты не понимаешь, сколько зла они тебе желали». Из двадцатого письма: «Следовательно, пусть твои мысли сосредоточатся на одном; одно сделай предметом своих забот, угодай только одному пожеланию, все остальные оставь в руках божьих: чтобы ты мог быть доволен самим собою и счастьем, родившимся благодаря тебе». Из десятого письма: «Хотя ты благодаришь небо за то, что оно выслушало твои ста-

рые обеты, возьми на себя новые: молись о разуме и здоровье духа, затем о здравии тела и об остальном».

Суждения Сенеки произвели на Рысинского большое впечатление. Вынисав в свои «Конъектуры» слова римского стонка, завершающие десятое письмо: «Живи с людьми так, будто это бог видит; так говори с богом, будто это люди слушают», он воскликнул: «Это вполне христианское и почти божественное суждение». Столь восторжению воспринятое Рысинским положение Сенеки — лишь видоизмененная цитата из Эпикура, которую Рысинский привел в конъектуре к сорок третьему письму Сенеки, ссылаясь на его двадцать пятое письмо. Там вместо слова «бог» значится слово «Эпикур»*.

Еще в восьмом письме Сенека, обращаясь к Луцилию, писал: «Пожалуй, ты меня спросишь, почему я нахожу столько хороших изречений у Эпикура, а не у наших авторов? По какому называть эти высказывания Эпикуровыми, они ведь общефилософские. Сколько поэтов говорит о том, что сказано или могло быть сказано философами?» Как бы повинуясь этим указаниям Сенеки, Рысинский тут же пропитировал ряд высказываний поэтов, которые едко высмеивали стремление к на живе и суеверие. Это были отрывки из сатир Горация, Персия, а также из сочинений Ювенала.

Против лести и ханжества

В сорок третьем письме Сенека наставлял Луцилия: «На реке корабль большой, в море он же ничтожен. У одного корабля кормило большое, для другого — оно коротко. Ты теперь у себя в провинции велик, хотя, возможно, сам себя презираешь. Всем известно, всех интересует, что ты делаешь, как обедаешь, как спишь, и поэтому тебе следует жить более осмотрительно. Считай все же себя тогда счастливым, когда можешь жить открыто, когда стены тебя защищают, а не скрывают... я тебе приведу формулу, по которой ты сможешь оценить наши нравы: едва найдешь кого-либо такого, кто мог бы жить при открытых дверях».

Что заставило Рысинского задуматься над последними словами Сенеки и сопоставить их с подобными изречениями других писателей? Считал ли он, что эти мысли недоступны читателю или недостаточно четко выражены? По-видимому, Рысинский поставил перед собой цель убедить читателя в правильности и злободневности волнующих Сенеку

* См. следующую конъектуру к сорок третьему письму.

проявлений лжи, лицемерия и ханжества. Он писал: «С подобным основанием Персий говорил (Сатира 2): «Жить с открытым желанiem! Не каждый готов бормотанье, покорные шепоты выносить из храмов и жить, молясь открыто». «Это значит,— продолжал Рысинский,— что именно так надо беседовать с богом, будто люди слушают». То же высказывает и Сенека, как мы отметили выше. Равным образом Ювенал в «Сатире 6», хотя и в другом смысле, говорит: «Жить с открытым огородом... когда вора никто не боялся». К этому можно добавить изречение Эпикура, которое подробно приводит Сенека в двадцать пятом письме: «Делай всё так, как если бы кто-либо глядел на тебя»¹. «Кажется,— заключает Рысинский,— Ливий Друз виял его совetu: он пожелал построить себе такой дом, в котором смог бы иметь римский народ судьей и зрителем всех своих поступков. Очевидно, этому Друзу не стоило больших усилий следовать принципу «живь с открытой дверью».

Мудрец безмятежно уходит из жизни

О направлении критической мысли Рысинского свидетельствует его толкование слов Сенеки из двадцать второго письма: «...считаю, что тебе следует уйти из этой жизни или из жизни». Рысинский недоумевал: «Мне недостаточно понять, что обозначает это двукратное употребление слова «жизнь», можно было бы подумать, что первый раз «жизнь» поставлена вместо «образ жизни», а второй раз — для самого понятия «живь». Однако это выражение кажется грубовато. Я бы поставил в первом случае вместо «жизнь» — «пути». Итак, Рысинский предположил, что переписчики исказили латинское слово *via* (пути), добавив букву «t» и написали *vita* (жизнь). По Рысинскому, это место следовало прочитать: «Считаю, что тебе надо бы сойти с этого пути или уйти из жизни».

В большей части своих писем Сенека поучал Луцилия в превосходстве философии над всеми другими делами, а в рассматриваемом письме он убеждал, что обычные занятия, нацеленные на получение выгоды, позиционны: «Так вот, мой Луцилий, ты сможешь оторваться от дел, поглощающих твои мысли, если только станешь презирать выгоду, кото-

¹ В этом письме Сенеки говорится: «Я включаю в письмо один из афоризмов Эпикура: действуй во всем, говорит он, как если бы Эпикур смотрел на тебя. Все всякого сомнения, замечательно назначить страж для самого себя и иметь кого-либо, кто присматривался бы к тебе и считался участником всех твоих мыслей».

ую они приносят. Мысль о выгоде нас опутывает и держит в напряжении... Да, Луцилий, рабство сковывает немногих людей, куда большее число накрепко приковано к своему рабству».

В том же письме Рысинский обнаружил еще одно спорное место, вызывающее поняне разные толкования. В парижском издании было напечатано: «...ибо до сих пор украшаю (adorpo) чужие мешки». Сенека здесь сравнил заимствование мыслей у Эпикура с посягательством на «чужой мешок», и поэтому Рысинский предложил заменить слово «украшаю» словом «нападаю, вытряхиваю» (в латинском языке вместо *adorno adorior*) или же, оставив «украшать», изменить падеж слова «мешки», т. е. читать: «украшать содержимым чужих мешков». В позднейших изданиях «Писем» это место принято переводить, как «вкусить, урвать». Прочтение Рысинского дает возможность воспринять своеобразие заимствования Сенекой мысли Эпикура. Сенека писал: «Каждый, как говорил Эпикур, покидает жизнь в таком состоянии, как душа новорожденного. Это неверно, мы умираем худшими, чем мы родились, и это наша собственная вина, а не вина природы». Как видно, Сенека отклонился от хода мыслей Эпикура, он отождествил мудрость и нравственные устои.

Примечательно, что то же место из письма Сенеки к Луцилию отмечено К. Марксом в подготовительной тетради к его докторской диссертации: «Никто, — говорит он (т. е. Эпикур), — не уходит из жизни иначе, чем как он родился... познал мудрость тот (добавил Сенека), кто так же безмятежно умирает, как он рождается»¹.

Мудрость следует прививать

Чтение древних рукописей понятие представляет большие трудности. Почти все первоисточники «Писем» Сенеки были изучены до XVII века, но отдельные места оставались и остаются до сих пор предметом споров. У Рысинского имелись основания утверждать, что вследствие небрежности переписчиков или печатников в ряде случаев что-то было прощущено, искажено, добавлено или изменено.

Ни в одном издании Сенеки нет предложенной Рысинским в конъектуре к его двенадцатому письму замены слова *rationem* (разум) на слово *sationem* (носев). О том, что побудило его именно так воспринять текст, можно судить,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, с. 185.

ознакомившись с более пространными отрывками из этого письма. Речь идет об ответе Сенеки на просьбу Луцилия повлиять на одного его друга: «Хочу, клянусь Гераклом, чтобы твой друг, как ты желаешь, опомнился и стал собраннее, но он для этого слишком груб и, что печальне, слишком нежен, испорчен дурной и длительной привычкой. Хочу привести тебе пример из нашей области: не всякая лоза переносит прививку: если она стара и изъедена или же тоика и неокрепшая, то она не примет черенка и не даст ему питтания... У того, о котором ты пишешь и за кого застунаешься, нет сил; он предался порокам, он завял, стал жестким, не способным воспринять разумнос, не может его читать...» Рысинский недоумевал: «Что значит «всепринимать разумное». Я дерзнул бы убедить тебя, что Сенека написал «принять прививку». Такое выражение передко встречается у него и у Вергилия, и так он продолжал пользоваться этой однажды выдуманной метафорой. Именно так обычно ветхая виноградная лоза не принимает прививки, а тупой, завялый дух не приемает посева. Ведь здесь речь шла не о развитии разума друга Луцилия, несомненно одаренного, но об благораживании, лучше сказать, об изменении и тем самым укреплении его нравов».

Сравнение человека с взращенным благородным растением последовательно выдержано у Сенеки: «прививка» (*insitio*) не может приняться на старой или неокрепшей лозе. То же слово «прививка» без приставки (*satio*) обозначает «посев»; его также не может принять человек с застарелыми пороками, с ослабевшим духом. Рысинский, благодаря своему тонкому филологическому чутью, несомненно, усиливает образность сравнения Сенеки.

И в отдыхе есть метод

Т. И. Кузнецова в характеристике «Писем» Сенеки отмечает, что в пятьдесят восьмом письме римский автор, «рецензируя... Платонову систему... говорит: «Никогда я не ощущал так сильно, как сегодня, сколь беден и скучен наш словарь»¹. Действительно, Сенека начинает письмо с раздумий над трудностью передачи на латинском языке греческих философских терминов. Он предлагает, например, перевести: «то он» (греч. бытие) как *quid est* (то, что есть). Рысинский, однако, обратил внимание на то, что Сенека

¹ Кузнецова Т. И. Письма к Луцилию Сенеки-философа // В кн.: Античная эпиграфика. М., 1967, с. 102.

придавал основное значение не столько языку и терминам Платона, сколько его философским заключениям. «Все, что мы видим, — писал Сенека Луцилию, — или к чему прикасаемся, Платон не включал в число неизменных вещей; они текучи и постоянно увеличиваются или уменьшаются. Никто из нас не такой же утром, каким был пакануне; наше тело быстро меняется, подобно потоку. Никто из нас не такой же в старости, каким был в юности. Все, что ты видишь, течет во времени. Ничего из того, что мы наблюдаем, не остается неизменным. Я сам уже изменился за то время, пока говорил, что все меняется. Об этом именно говорил Гераклит. В одну и ту же реку мы входим и не входим. Ведь название реки остается, вода же течет. Вот как много я говорил о человеке — текучий и бренной матери, неустойчивой и подверженной порче по любой причине. Но и величина, вечная и непостижимая, подвергается изменениям. Что общего, скажешь ты, имеет этот несущественный спор со мной? Отвечу: ничего. Но подобно тому, как гравер, чьи глаза устали от долгих часов напряженного труда, отдыхает и отвлекает свое зрение видом зелени, травы, так и мы иногда вынуждены дать передышку своему разуму, освежить его. Пусть же в этом отдохне будет свой метод... Бери то, что доставляет тебе удовольствие... Это именно мой собственный путь: из любого знания, даже если его отделяют от философии целые миры, я пытаюсь что-либо выполнить и заставить служить моим целям».

В связи с этими мыслями Сенеки возникло любопытное недоразумение: М. Цитовска считает заслугой Рысиńskiego отказ от выражения *ех онії vacatioне* (от любого освобождения — париж. изд.) и замену его словами *ех онії патіоне* (из любого парода). М. Цитовска пишет: «Рысиński нравильно возмущается, считая это выражение варваризмом, и требует, чтобы в соответствии с рукописями изменить его. Такое исправление имеется у Линеуса»¹. Предоставим, однако, слово самому Рысиńskому: «Франциск Модий в письме 122-м (утвержал.— Я. П.), что *vacatio* (освобождение) употреблено в этом контексте вместо «рода жизни». Это место подозрительно и отдает варваризмом. Согласно нашим пергаментам, следовало бы читать: *ех онії патіоне*, и это равносильно выражению «всякого рода людей или из всякой секты». Следовательно, *vacatio* это не чтение Модия. Оценка же Рысиńskiego такова: «Париашо Модий почитает над своими пергаментами; Сенека не имеет в виду

¹ Cyłkowska M. Konjekcury S. Rysińskiego, s. 186.

«род жизни», когда употребляет слово *vacatio*, а лишь отдыkh, отвлечение от основного занятия наукой, которая имению далека от нравственной философии... Итак, прочь Модний со своим «родом жизни» и также со своим «родом людей». Я думаю также, что нельзя исправить *vacatio* на *traetatio*, как это делает Мюрэ». Очевидно, у Рысинского речь идет не о слове *natio*, как пишет М. Цитовска, а о толковании слова *vacatio*. В «Конъектурах» Рысинского противопоставлены прочтения *vacatio* и *natio*; Баркер перевел это место у Сенеки как *notion* (понятие, знание), тогда как в издании Генце имеется *oratio*.

Жизнь состоит из определенных отрезков времени

По словам М. Цитовской, Рысинский правильно поступил, добавив, со ссылкой на Пинциана¹, прилагательное «хорошая» (к слову «часть»). «У Липсия и в повейших изданиях,— пишет М. Цитовска,— находим именно такое звучание текста»². Но если прочитать внимательно рассуждение Рысинского, то окажется, что он совсем по-иному толковал предложение Пинциана. Согласно парижскому изданию, Сенека в сорок девятом письме писал Луцилию: «Недавно я тебя провожал, и все же это «недавно» — часть нашей жизни». В связи с этим Рысинский отметил: «Последнее слово «недавно» следует писать с прописной буквы, ведь это обозначение Времени и сказано эмфатически: само имение «недавно», т. е. отрезок времени, обозначает частичку нашего века. Пинциан, ссылаясь на древнюю рукопись, предлагает читать «хорошая часть нашего века»,— продолжает Рысинский.— С какой стати «хорошая», ведь Сенека не хотел сказать, что это «недавно» представляет хорошую или большую часть, а собственно лишь некоторую часть нашей жизни и что эта часть промелькнет, так как мы заняты чем-то другим и, паверно, мало задумываемся о ней. Отсюда делай вывод,— заключал Рысинский,— не правильнее и правдивее ли будет вместо «хорошая» прочитать «одна»?»

Как видно, Рысинский совсем не поддерживал Пинциана, но высказывал свою точку зрения. В какой мере у него было на это основание, можно судить по ходу мыслей Сенеки: «Когда мы поглощены настоящим, мы никогда не замечаем, как время пролетает. Несомненно, ввиду неудер-

¹ *Pincianus F. In omnia Senecae scripta castigationes.*— Paris, 1536.

² *Cytowska M. Konjektury S. Rysińskiego*, s. 156.

жимого полета времени, теперешний его отрезок едва воспринимается. Наша жизнь — это мгновение, и меньше, чем мгновение, скромная доля, которую природа обманчиво ублажила видимостью протяженности. Она избрала периоды: младенчество, детство, отрочество, переход к старости и самое старость...» В освещении самого Сенеки из-за бурного полета времени отрезки жизни мелькают один за другим и не получают особого выделения. Определение Рысинским таких отрезков как «один» или «какой-то» представляется в данном случае более уместным, чем «хороший».

Древние учения следуют познавать

Продолженную Сенекой характеристику диалектиков, по парижскому изданию, Рысинский видоизменил, наставив на чтении глагола *prospicere* (предвидеть, наблюдать) как *perspicere* (проникать взором, узнавать). «Я не отрицаю,— предположительно писал Сенека, — что их надо предвидеть, но только предвидеть». «Речь идет, — пояснял Рысинский, — об остроумных мыслях и приемах диалектиков, которые (Сенека.— Я. П.) не раз осеневал. Но при чем здесь слово «предвидеть», уму непостижимо. Но моему мнению, лучше и больше будет соответствовать замыслу Сенеки, если употребим в обоих случаях вместо слова «предвидеть» слово «познавать». Ведь никто, наверно, никогда не «предвидел» переданное или написанное кем-то в прошлом. Такие вещи можно только «познать». Я думаю, что ошибка зародилась из стремления облегчить написание — прием, к которому часто прибегали перастроенные инсцы».

Для подтверждения своего мнения Рысинский сослался на совет Марка Катона, который, по свидетельству Цицерона, считал, что учение греков надо только исследовать, а не заучивать напасть.

Важен не шаг, а путь философа

Рысинский остановился на словах Сенеки из двадцатого письма: «*Invidcas licet, etiamnam pro te libenter dependet Epicurus*» («Возможно, позавидуешь, все же Эпинкур за меня охотно будет расплачиваться»). В издании Генце читаем: «*Invideas licet etiam punc libenter pro te dependit Epicurus*» («Возможно, позавидуешь, даже теперь Эпинкур охотно за меня расплачивается»). Независимо от того, какое из этих предложений ближе к подлиннику, каждое из

них может получить особое освещение, если букву «v» заменить буквой «г» в слове *invideas*. Известно, что в средневековых рукописях встречаются частые подмены букв «v» и «г», и вот Рысинский, предположив такую ошибку, счел нужным читать не *invideas*, а *irrideas*.

В начале письма, посвященного проблеме независимости истины от личности философа и от путей ее поиска, Сенека написал: «Я не говорю, что ученый всегда будет идти одним шагом, но что — одним путем... Заботясь о том, предпочтай то, ...чтобы ты был доволен собой и рождающимся от тебя благом. Что может быть более близким счастьем? Удовлетворись малым, откажись от того, без чего ты мог бы обойтись. Ты, возможно, мне позавидуешь, даже теперь за меня расплачиваешься охотно Эпинкур (поучавший.— Я. П.): «великолепна, верь мне, твоя речь (произнесенная.— Я. П.) на жесткой юности и в лохмотьях, так как об этих (философских.— Я. П.) вопросах будут вестись не (пустые.— Я. П.) разговоры, а они будут (научно.— Я. П.) доказываться...»

«Я не полностью уверен,— отметил Рысинский,— правильно ли будет слово *invideas* (завидовал бы). Ведь в чем мог бы Луцилль завидовать Сенеке, занимавшему чужие мысли. Так что, возможно, следует слово *invideas* заменить словом *irrideas* (ты насмехался бы)».

М. Цитовска¹ оставила слово *irrideas* без толкования, ограничившись лишь замечанием, что такое чтение не признается современными издателями текста. Конечно, значение «завидовать» далеко от «насмехаться», но есть ряд промежуточных оттенков значения: «косо смотреть, презирать, издеваться». Вот, например, как звучит перевод Ф. Баркера: «Несмотря на все твои презрительные фырканья, Эпинкур даже и теперь уплачивает мои долги».

Действительно, приведенные Сенекой слова Эпинкура о мудреце на жестком ложе и в лохмотьях могли вызвать смех и презрение у иенскушеннего собеседника, ставящего выше материальное благополучие, чем духовное богатство. В восприятии Рысинского предложение звучало бы: «Ты, возможно, насмеешься над тем, что за меня охотно все еще будет расплачиваться Эпинкур». Посредством этих слов толкователь противопоставлял горение ревности приверженца философии равнодушию непосвященного в ее тайны обыкновенного читателя или сиортика.

Подобно предыдущему написанием «v» вместо «г», по

¹ Cytońska M. Konjektury S. Rysińskiego, s. 184.

мнению Рысинского, искажен смысл слов Сенеки и в сорок шестом письме, где он, рассказывая, с каким увлечением читал книгу Луцилия, шутил, что не мог оторваться от чтения, «хотя солнце раздражало его». В парижском издании Рысинский нашел «солнце приглашало» (в других изданиях такое прочтение принято без изменения). В латинском слове *invitabat* (приглашало) достаточно заменить буквы «*pu*» буквами «*tt*» и получится *irritabat* (раздражало). «Три помехи,— разъяснял Рысинский на основании текста,— были у Сенеки — это солнце, голод и тучи. С какой стати «солнце приглашало»? Может быть, он хотел сослаться на то, что древние любили загорать на солнце и отсюда появилось слово «приглашало», если это нравится богам». Последнее слово Рысинского свидетельствует о том, что он воспринял «помехи в чтении», как шутку Сенеки, намекающую на трудности ознакомления с серьезной книгой Луцилия, от которой он впоследствии «не мог оторваться».

Мудрец неуклонно следует по своему пути

В тридцать втором письме Сенека писал Луцилию: «...полезно не иметь дело с теми, кто тебе не равен и добивается совсем другой цели. Я, конечно, уверен, что тебя никто не сможет свернуть с пути, и ты будешь привержен своей цели, даже если суетливые корыстолюбцы осадят тебя стаями». Рысинский остановился на слове *torgueſe* (вращать, свернуть, крутить), отметив: «Хотя простой глагол может восприниматься как «двигать туда и сюда, отодвигать», но я считаю более правильным *reloguer* (повернуть назад, перевернуть)». Следовательно, Рысинский воспринимал мысль Сенеки о влиянии корыстолюбца как препятствие на пути философа, которое может заставить его временно отступить, повернуть назад, но не отказаться от своей цели. Вместе с тем Рысинский пытался объяснить, откуда в тексте появилось слово *torgueſe* (вращать), а именно: «...переписчики, причем многие были грубы и невежественны, приняли местоимение *te* (тебя) и приставку *re-* за удвоение и избавились от него». «Некоторые словари,— добавил Рысинский,— допускают форму *detorguer* (отвернуть), но это, как мне кажется, не в духе Сенеки». По-видимому, «в духе Сенеки», означает, что деловые люди, суетливые корыстолюбцы, искушающиеся на философа, не могут его сбить с пути, а лишь задерживают, могут вынудить отступить. Это мнение Рысинского спорно (в последующих изданиях принято читать *detorguer*).

Мудрость — это счастье

«Основное достоинство философии состоит в том, что она не заглядывает в прошлое и будущее преданных ей умов — так говорил Сенека в сорок четвертом письме к Луцилию.— Хороший ум всегда доступен... никого философия не отирает, никому не дает предпочтения, всем светит. Сократ патрицием не был, Клант носил воду и трудился, поливая огород, Платона философия не застала благородным, а сделала таковым». Сенека убеждал Луцилия, что философия доступна каждому, кто личными удачами не измеряет ее глубины, и потому нет основания отчаиваться в своих возможностях стать вровень с настоящими философами. В парижском издании был приведен риторический вопрос Сенеки: «В чем заключается заблуждение?», а после вопросительного знака были добавлены слова: «когда все желают счастливой жизни».

Рысинский возразил против такого построения фраз: «...если перенести вопросительный знак,— отметил он,— то смысл будет более ясен, а именно: «Какова суть заблуждения, когда желают счастливой жизни?» «Тут же в письме следует и ответ,— продолжал Рысинский: «Так как средствами для жизни подменяют самое жизнь» и далее: «Ответ также имеется и в следующем письме: «Многие проходят мимо жизни, разыскивая средства для нее». Перенос вопросительного знака обусловил новое построение слов, рассматриваемых предложений: Рысинский заменил форму изъявительного наклонения глагола «желать» парижского текста сослагательной в соответствии с классическими правилами последовательности времен латинских сложноподчиненных предложений. В итоге оказалась исправленной очевидная ошибка в парижском тексте и ему был придан вид, принятый в новейших изданиях. Вместе с тем своей конъектурой, а также выдержками из других писем Рысинский привлек внимание к высказыванию римского стонка, противопоставившего стремление к излишествам, роскоши и элитарности духу настоящих ученых, которым изучение жизни приносит большие удовлетворения, чем бесцельное пользование ею.

Философское — выше житейского

Конъектура Рысина к сорок пятому письму представляет собой образец оригинального приема, применяемого более или менее удачно во всех рассматриваемых ком-

ментатором случаях. Приведенные места и дух толкований свидетельствуют о том, что автор держит в поле зрения большие отрывки текста и часто руководствуется содержанием не только одного, но ряда писем. «Я не придерживаюсь такого мнения, что дело хорошо потому, что оно необходимо. Хорошее дело,— писал Сенека,— неизбежно необходимо, а необходимое не всегда хорошо; ведь некоторые необходимые вещи не представляют собой почти никакой ценности».

Рысинский привел в своих конъектурах к этому письму несколько слов из парижского издания, дословный перевод которых звучит: «...хотя некоторые (дела.— Я. П.) необходимы, они же ничего не стоящие», и, отметив, что это место «испорчено», предложил его восстановить в двух вариантах: либо «хотя некоторые дела необходимы, но они все же ничего не стоят», либо «хотя по существу необходимые некоторые дела не представляют никакой ценности». Высказывание о «ценности дел» вызывало сомнение также у более поздних толкователей «Писем», и принятное в повечинных изданиях чтение почти совпадает с правками Рысина.

Что заставило Рысина остановиться на «необходимых» и «хороших» делах? Согласно Рысинскому, только тот почувствует истинный смысл слов Сенеки, «кто обладает тонким обознанием». Ссылка на «обознание», т. е. умение различать своеобразные оттенки смысла произведений Сенеки, относится не столько к перестановке или добавлению отдельных слов в приведенном высказывании, сколько к искусно изложенным ниже в письме соотношениям вещей и явлений в мире. «...Вещи — это обман,— писал Сенека.— Различая их, мы принимаем зло за добро; каждое желание в итоге превращается в противоречие: одна молитва отрицает другую, одно намерение борется с другим. Какое сходство между дружбой и лестью? Под маской друга приближается враг, вишащий доверие. Пороки обкрадывают нас под личиной достоинств. Безрассудство прячется под прикрытием слабости. Лень называют умеренностью, трусливость — осторожностью».

Предложенные Рысина вариантами фразы из письма свидетельствуют о том, что он стремился более ярко и доходчиво выразить мысль о взаимоисключении философского и житейского начал. Рассуждение Сенеки о счастье, завершающее письмо, перекликается с отмеченным Рысиным противоречием между необходимым и ценным в действительности: «...счастлив не тот, кого толна таким называет, к кому стекаются большие деньги, а тот, у кого все

блага духа, у возвышенного и вдохновенного, презирающего превратности судьбы. У такого, кто не находит, с кем бы мог поменяться, кто уважает человека за то, что он человек».

Важно заложить хорошее начало

Рысинский остановился на поговорке: «Хорошее начало — половина дела», обнаружив в тридцать четвертом письме Сенеки своеобразное использование этого изречения. Сенека писал Луцилию: «...я притязаю на тебя; ты — дело моих рук. Когда я увидел твою одаренность, я тебя остановил, побудил, поощрил; я не мог мириться с тем, что ты медленно продвигался вперед, я тотчас менял приемы воздействия. Теперь я продолжаю это делать, но поощряю твое стремительное движение, ненавидя на себе твое воздействие. Ты скажешь: что же в этом нового? У меня прежние желания; именно они главное, а не то, о чем говорит положение «начало означает половину всего дела». Большая часть блага состоит в том, чтобы желать осуществления добра». Как видно, у Сенеки изречение о «начале» оттеняет особый смысл: заложить хорошее начало — это не только половина дела воспитания, большая часть — это желание добра. Рысинский стремился подчеркнуть именно эту мысль и для этой цели противопоставил ее изречениям Платона, Цезаря, Горация. «Платону принадлежит, — писал Рысинский, — высказывание о том, что начало считается половиной дела: оно — важнейшая часть, отсюда известны слова Цезаря: всякого дела наиболее мощная часть — начало, а также распросраненное изречение Горация: половина дела сделана уже у того, кто хорошо начал».

Философия для людей

В пятьдесят третьем письме парижского издания «Писем» Сенеки было напечатано: «...точно так философия всем вещам». Рысинский недоумевал: «Не лучше ли сказать «нам всем», ведь следует понимать, что у Сенеки философия обращается не к вещам, а лицам». Действительно, Сенека писал от имени философии: «...я (философ.— Я. П.) не приемлю того времени, которое у вас (людей.— Я. П.) останется; вам будет предоставлено то время, которое мне окажется лишним».

Эти слова представляют собой парадразу приведенного выше в том же письме известного рассказа Александра Ма-

кедонского о богатствах, добытых им во время похода в Азию.

Стремясь показать, что занятие философией требует большей части нашей жизни, Рысинский выявил искажение слова *nobis* (нам), переданного в тексте как *verbis* (всем). Знаменательно, что в других изданиях имеется в этом месте то *verbis* (словам), то *regibus* (царям), а также *nobis* (нам).

Совершенствовать дух, закалять тело

Основное внимание в пятнадцатом письме Сенека уделил значению философии в воспитании духа и тела. Он писал: «...у наших отцов было принято приветствие, сохранявшееся и в мое время. Они предноситали письмам слова: я надеюсь, что письмо застанет тебя в здравии, как оно покидает меня. Мы же говорим (выделено мной.— Я. Н.) с полным основанием надеюсь, что письмо застанет тебя в поисках мудрости. Это действительно настоящее здоровье». Рысинский отметил, что следует читать «мы должны сказать *dicimus*, а не «говорим» (*dicimus*), как было напечатано в парижском издании. Эту незначительную правку он объяснил следующим образом: «...форма приветствия во времена Сенеки не изменилась; он добивался того, чтобы придать большее значение духовному развитию».

Если соопоставить эту конъектуру с выводами пятнадцатого письма, то можно убедиться, насколько тонко Рысинский подошел к высказыванию Сенеки не придавать основного значения физическому здоровью. «Глупо, мой Луцилий, и неприлично», — писал Сенека, — заниматься ученым человеку укреплением мышц и упражнением ичен и спины».

Одновременно Рысинский обратил внимание на то, что Сенека не советовал пренебрегать физической закалкой. Римский стоик предложил даже перечень упражнений, сберегающих время и достаточно утомляющих, таких как бег, игры, прыжки в высоту и длину. Но даже физическое закаливание организма надо проводить с таким расчетом, чтобы оно возымело действие на развитие духа. Совет Сенеки в этой области оказался также спорным местом в чтении текста. В парижском издании было напечатано: «Выбери что-либо из них (упражнений.— Я. Н.), станет легко в употреблении». Рысинский отметил, что в более ранних изданиях находят несколько иное звучание». «Выбери какое-либо из них, не отработанное на практике». Сам же он установил, что правильно следует читать: «Выбери какое-либо из них

и сделаешь легким в ходе зарядки». У О. Генце читаем: «Какое угодно из них выбери, грубый (простой.— Я. П.), легкий прием»; в переводе Ф. Баркера: «Выбери что-нибудь из них и применяй как-либо».

Понимание Рысинским приветствия Сенеки как призыва совершенствовать дух также путем привычных физических упражнений подтверждается мыслью, высказанной Сенекой в этом же письме с утверждением того, что и телесные упражнения, правильно подобранные, становятся подспорьем для умственного развития. «Что бы ты ни делал,— писал Сенека,— быстро отразится на теле и на духе... Надо дать духу некоторую передышку, так, однако, чтобы он не расслабился, а восстанавливал свои силы».

Мудрец — и не раб вещей

В конъектуре к шестьдесят второму письму Рысинский, по обыкновению, сопоставил мысль Сенеки с высказываниями других авторов. Римский стопник писал Луцилию: «...когда люди пытаются доказать, что торопливость в делах становится препятствием на пути углубленных занятий наукой, ты им не верь. Они притворяются захлопотавшими, преднамеренно преувеличивают, придумывают себе отговорки. У меня же времени хватает... Везде, где можно, я сам себе хозяин. И вот почему я делаю лишь уступки жизненным заботам вместо того, чтобы безоговорочно жертвовать собою ради них...» «Подобно этому,— отметила Рысинский, — Гораций писал: «Я стараюсь, чтобы вещи подчинялись мне, а не я вещам». В латинском подлиннике «Писем» понятие «жизненные заботы» выражено словом *res* (вещи), и Рысинский, сопоставив высказывание Сенеки с изречением Горация (который также употребил слово *res*), добивался большей убедительности вывода о том, что философ не должен оказаться рабом стремления к материальному благополучию.

Философ, как боец,— он должен знать обстановку

Рысинскому было известно, что переписчики и печатники древних списков неоднократно сокращали и изменяли слова для того, чтобы придать предложениям более понятный, по их мнению, смысл. Это обстоятельство он и вспомнил при разборе мысли Сенеки из шестьдесят девятого письма: «Часто без причины боятся врагов; наиболее безопасным может оказаться путь с виду подозрительный». Слово «путь» (*iter*), по мнению Рысинского, попало в текст вме-

сто слова «между тем» (*interdum*). «Сенека, по-видимому, считал, что некоторые действия кажутся чреватыми опасностями,— комментировал Рысинский,— между тем они вне всякого подозрения». Очевидно, белорусский гуманист воспринял положение Сенеки как обобщенный вывод о часто проявляющемся у людей беспокойстве, вызванном ложной тревогой. Рысинский заключил, что он пытался «усилить» высказывание Сенеки, иначе говоря, он стремился сделать общефилософское заключение. Этот своеобразный прием толкования оправдывается тем, что сам Сенека в этом же письме приводит характерное сравнение между войском и философией. В случае, когда воинов подстерегает опасность, «отряд выступает с передней, боковой и задней охраной, готовый к бою, так как можно ожидать неизвестности с любой стороны. Точно такое же поведение философа», но, по мнению Рысинского, «как на войне, так и в философской борьбе, тревоги часто бывают ложными».

Мудрость — мера жизни

В конъектурах к девяносто третьему письму Рысинский разбирал слова, затмияющие последовательность мысли и убедительность высказываний Сенеки: «...что касается моего последнего дня, — писал Сенека,— то я никогда не считал цеплять до того, как они вылунились, наоборот, я глядел всегда на каждый день, как на мой последний. Зачем ты меня спрашиваешь, когда я родился (каков мой возраст), числюсь ли я еще среди военнообязанных. Мне принадлежит то, что мое».

По сравнению с остальными прочтениями писем Сенеки замена Рысинским слова «моё» (*meum*) словом «модус» (*modus*) является показательной. Рысинский считал, что в этом месте обнаруживается изъян: следует читать «у меня модус (мера)» или «у меня свой модус». «В последующих словах Сенеки имеется пояснение,— добавил Рысинский,— «жизнь может стать совершенной и в пределах очень небольших сроков». Он ограничился приведением этих нескольких слов, понимая, по-видимому, что в них заключена суть мыслей Сенеки, изложенных в письме несколько ниже: «Для того, чтобы долго жить, тебе должно быть суждено,— убеждал Сенека Луцилия,— для того, чтобы жить достаточно, нужна лишь твой собственная душа... Ты меня спрашиваешь, какова наибольшая продолжительность жизни? — Жить, пока не достигнешь настоящей мудрости. Пусть человек добьется этого, и он достигнет не только са-

мой великой из возможных, но и самой благородной цели. Такой человек может смело держать высоко голову, пусть он благодарит богов и себя самого в их числе, а также и природу за свое существование». Следовательно, слово «мое», напечатанное во всех изданиях писем, вполне обоснованно заменено Рысинским на «модус» (предел, срок, мера). Этим «модусом» жизни, по Сенеке, была мудрость. Он подходил к жизни «со своей мерой».

Рысинского не удовлетворил смысл еще одного предложения в этом письме, именно о благодарности, испытываемой человеком за достоинство и мудро прожитую жизнь. «Что хорошего,— воскликнул он,— в благодарности богам и себе в их числе», смело читай: «благодарность богам и благодарность себе». В парижском тексте было напечатано *inter eos* (среди них), т. е. «богов», но Рысинскому, следовало бы читать *inter eas (gralias)*, т. е. благодарности». Ошибочка закралась, по его мнению, в связи с заменой одной буквы в слове «оии». Итак, смысл предложения не «причислять себя к богам», а «испытывать благодарность к себе». Мудрость, достигнутая благодаря собственным усилиям, есть «модус», мера жизни — таков вывод Сенеки в толковании Рысинского.

Поиски истины требуют ясности ума

В конъектуре к шестьдесят пятому письму Рысинский пытался защитить и обосновать употребление в парижском издании слов, разразив против предложенных другими толкователями изменений.

«Как люди, занятые точной и деликатной работой, утомляющими глаза напряжением при тусклом, пяярком освещении,— писал Сенека,— выходят и услаждают свой взор золотым солнцем местом отдыха, так дух, загнанный размытиями в беспросветный, темный угол, ищет свободы, где только может, и находит отдохновение в созерцании природы».

Рысинский привел ряд синонимов определения «тусклый» (малый, ничтожный, слабый), а также «яркий» (ясный, сверкающий) и отверг мнение тех, кто хотел бы читать вместо *praeclarus* (яркий) *precarius* (выироненный, временный). Убеждение в правоте своего понимания Сенеки выражено Рысинским с оттенком иронии. Остроумно выделив в предложении толкователями слове *precarius* корневое слово *preh* (просьба, мольба), он заявил: «Сомневаюсь, правильно ли кое-кто подсовывает нам *precarium*

(выпрощенное мольбами) вместо *praeclarum* (яркое), по-моему, это последнее нельзя вырвать никакими «мольбами». Для того, чтобы подтвердить свое мнение о выборе Сенекой прилагательных, определяющих скучность освещения, Рысинский соединился на Горация и Авсения и отметил, что, когда речь идет об обилии, Сенека, как и другие авторы, пользуется рядом близкозначимых слов.

Философия возвеличивает человека

В конъектуре к пятьдесятому девятому письму благодаря изменению формы глагола Рысинский добивался того, чтобы высказывание Сенеки о философии «приняло более совершенный вид». Как видно, он придавал большей вес словам римского автора, призывающего Луцилла глубоко уважать философию. В парижском издании говорилось: «Значительный разрыв сказался бы между теми, кто предан философии, и другими, относящимися к ней равнодушно». Рысинский ехал нужным предложить изменение: вместо слова «оказался бы» (*fiat*) употребить (*fiet*). Он привел следующее рассуждение: «...кажется, что Сенека хочет вспомнить мысль о достоинстве и плодах философии. Какое же может быть более веское и значимое достоинство, чем то, что философ опережает всех остальных людей. Этую мысль подтверждают и последующие слова Сенеки, добавленные как бы для пояснения: «всех, говорит, смертных памного ты (Луцилл) опередишь». Употребление будущего времени глагола вместо сослагательного наклонения снимает оттенок сомнения или условности с утверждения о том, что философия действительно выдвигает своих приверженцев в первые ряды.

Бездение равносильно смерти

«...Ты мог бы высечь их имя на мраморе у самого порога,—писал Сенека в шестидесятом письме,— они прежде времени умирают». Рысинский заметил, что после слова «высечь» следует поставить «так как» (*epit*). Эти слова были очищены перепечиком по невежеству,— продолжает он. Сенека едко паинеется над теми, кто, скрываясь у себя дома, остается безучастным ко всему. Имена таких следует высекать уже на мраморе жилого дома, как это обычно принято делать на усыпальницах покойников. Праздная и безмятежная жизнь, пояснял Рысинский, мало отличается от смерти. В подтверждение своего вывода он привел слова

Сенеки: «Хочешь знать, какая разница между бодрым, презирающим судьбу, тем, кто отдает жизни все, что можно, возносящемуся к высшему благу, и теми, у которых долгие годы прошли напрасно. Первые продолжают жить и после смерти, вторые же погибают при жизни». «Поэтому,— заключил Рысинский,— когда Сенека проходил мимо жилища Сервилия Вации, известного своей ленностью, он говорил: «Здесь покончился Вация», хотя тот еще здравствовал.

Контроль сдерживает пороки

В сорок втором письме Сенека резко осуждает людей, у которых «жестокость, честолюбие, потворство своим приятелям лишили ожидают благоприятного стечения обстоятельств, чтобы проявиться в панахуднем виде — дай им силу, соразмерную с их желаниями, и ты убедишься, что они к этому лишились стремились... Некоторые пороки у людей скрыты, так как они незначительны, но они проявятся не менее ярко, чем раскрытие... У таких людей просто нет возможности совершать бесчестство; так, безопасно можно взять в руки ядовитую змею в морозную погоду: яд не пропал, а лишь застыл».

В парижском издании Рысинский отметил предложение с неясным смыслом: «Ты знаешь, что они того хотят; дай возможность (действовать), сколько хотят». «Кажется, пишет Рысинский,— что по ошибке перевесчика слова в этих предложениях подверглись перестановке. Мысль будет более ясной, а полнотой (употребление слов в разных надежах).— Я. П.) — благозвучнее, если мы будем читать: «дай им возможность (действовать.— Я. П.) по желанию, и ты знаешь, что они только к этому стремятся». Изменив порядок слов (подобные попытки предпринимались и в более поздних изданиях), Рысинский оттенил мысль Сенеки о том, что дурной человек удовлетворяет свои низменные желания и осуществляет свои бесчестные цели, когда он бесконтролен.

Чтобы успешно бороться с пороками, надо их изучать

«Сможет ли кто-нибудь выступить достаточно решительно против пороков, если ему известно, насколько он их лишен?» — напечатано в парижском издании пятьдесят девятого письма Сенеки к Луциллю. В переводе Ф. Баркера на английский язык это предложение звучит: «Как может че-

ловек научиться в достаточной мере отгородить себя от своих пороков, если он их узнает лишь в свободное от них время, когда они его оставляют?» Рысинский воспринял это место иначе: «По моему мнению, Сенека, вероятно, хотел сказать, что никто не может достаточно обоснованно выступать против пороков, если он не знает и даже не задумывался над тем, в какой мере и вообще лишен ли он их. Вряд ли это чувствует тот,— продолжал Рысинский,— кто занимается исправлением своих пороков лишь тогда, когда их нет у него, то есть никогда или же очень редко». Свое рассуждение Рысинский завершил греческим словом «эпехо» (затрудняюсь). Как видно, он не соглашался с таким пониманием мысли Сенеки, будто человек может совсем избавиться от пороков и лишь в таком состоянии будет способен бороться с ними.

Насильственный путь к разумному оправдан

Усиление убедительности высказывания достигается Рысинским, как уже отмечалось выше, подбором глагола с соответствующей приставкой. В пятьдесят втором письме Сенека обращал внимание Луцилия на такого человека, который не столько убеждал себя, сколько с трудом тянулся к разумному, «который нуждался не только в проводнике, но и в помощнике и, разрешу себе высказать, в кнуте». Рысинский предложил заменить глагол *traxit* (тянул) глаголом *pertraxit* (заставил силой) и отверг предлагаемое другими комментаторами *extraxit* (подтягивал). Он считал «правильной и естественной» мысль Сенеки о принуждении силой уважать мудрость и рассудительность; он вполне серьезно воспринял слова Сенеки о кнуте.

Вред одиночества

В десятом письме Сенека говорил о пагубности одиночества. Он привел рассказ о Кратесе, который, увидев прогуливающегося молодого человека, спросил, чем он занят, и, когда в ответ услышал, что юноша беседовал сам с собой, сказал: будь осторожен, ты беседуешь с негодяем. Сенека тут же отметил, что Луцилий — это исключение из правил: «...так оно и есть, я остаюсь при своем мнении, избегай толпы, избегай небольших собраний и даже отдельных людей. Я не знаю никого такого, с кем именно ты мог бы, по моему мнению, поделиться мыслями...» Дальше в па-

рижском издании Рысинский прочел: *vide quo iudicis in
teneat abeat, audeo te tibi credere* (смотри в каком направлении уходит моя мысль, я осмеливаюсь (советовать), чтобы ты доверял лишь себе). Рысинский отметил, что перед словом «осмеливаюсь» опущено отрижение «не»: «...его наличия требует и содержание предложения и мысль Сенеки, который этими словами настаивает на вреде одиночества; так, когда люди наиболее одиноки, то в действительности они наименее одиноки; когда кажется, что они совсем лишены пороков, то, на поверку, они напменее далеки от недостатков. Близки к этому выводы Сенеки в двадцать пятом письме: одиночество порождает у нас всякое зло».

Следовательно, Рысинский считал, что Сенека мог поступиться своим мнением о вреде одиночества лишь в отношении Луцилия и в десятом письме он высказывал это убеждение. Характерно, что в издании Тейбнера (1898 год) данное место звучит так: *vide quod iudicis in habeas* (смотри, чтобы ты следовал моему суждению), в переводе Ф. Баркера на английский язык находим: «И смотри, какого высокого мнения ты добился у меня». Как видно, в понимании текста имеются разногласия. Если принять в рукоиси *abeat*, а не *habeas*, то Рысинский оказался бы прав: Сенека отошел от своего глубокого убеждения лишь в отношении к Луцилию. В связи с этим Рысинский прочитал рассмотренное место: «смотри, куда отклонилась бы моя мысль, я не осмеливаюсь тебе советовать, чтобы ты доверял самому себе».

От старости не уйти

В тринадцатом письме Сенека призывал Луцилия мириться с судьбой: «...иной скажет, авось (горе.—Я. Н.) не придет, а ты скажи: а что, если оно придет»,— убеждает он друга и показывает на примерах, как трудно предвидеть свою участь. «Случайностей возникает много, которые предотвращают павшую угрозу или направляют ее на головы других: удавалось бежать от пожара, рухнувшее здание оставляло кое-кого невредимым, иногда меч останавливался у самого горла, ший (осужденный.—Я. Н.) переживал своего налacha».

В «Конъектуре» Рысинский отметил мысль Сенеки о неизбежности старости и сочетал этот вывод с грамматико-стилистическими наблюдениями. Перед выражением «бежать от пожара» он предложил включить слова «кое-кому» или «иногда»: «...иначе исчезает красота анафоры в переч-

не наиболее грозных бедствий... Подобным же образом,— продолжал Рысинский,— в тридцатом письме Сенека представил бедствия, такие как болезнь, пожар, разрушения, крушения, вражеский клинок. Однако он считает, что «все несчастья можно перенести или их избежать, лишь одна старость неотвратима». Как видно, толкования Рысинского в данном случае увязывают выводы с красотой и ясностью текста. Не подлежит сомнению, что такой подход к подлиннику сочинения свойствен переводчику-стилисту и литератору, стремящемуся передать содержание текста в лучшем виде, а не научному издателью, чья забота заключается лишь в точной передаче рукописи. Так, переводчик на английский язык Ф. Баркер, отметивший, что ему пришло «фабриковать» текст к переводу, хотя и опирался на издание О. Генце, где нет слова «некоторым», передал: «...огонь отступал и позволял спастись своей добыче». Таким образом, добавив слово «добыча», он хотел образно довести до читателя мысль Сенеки о том, что одни избегают огня, другие — крушения, трети — болезни, но никому не уйти от смерти.

Жизнь и здоровье — временные, смерть — непрекращающаяся

В конъектуре к пятьдесят третьему письму Рысинский предложил заменить сослагательную форму глагола изъявительной, в конъектуре к пятьдесят четвертому он поступил наоборот. Во время болезни Сенека не терял духа; об этом он так писал Луцилию: «Ты думаешь, что я бодро пишу, так как я уже здоров. Я веду себя так беззаботно, радуюсь (выделено мной. — Я. П.) концу болезни, как тот, кто думает, что победил, хотя получил лишь отерочку. Действительно, во время приступа удушья я не переставал успокаивать себя радостными и дерзкими размышлениями. Почему смерть так часто меня испытывает? Пусть действует! Я ее давно узнал! Ты спросишь, когда? — До того, как я родился. Смерть — это небытие; какая она есть — я уже знаю. После меня будет то, что было и до меня. Если я не ошибаюсь, мой Луцилий, мы заблуждаемся, полагая, что смерть наступает; в действительности же она и предшествует и последует...»

Рысинского беспокоила форма изъявительного наклонения глагола «радуюсь». Он предложил сослагательное, «так как сама тонкость предмета этого, безусловно, требует», то есть он предложил читать «будто я бы радовался хорошему здоровью». По мысли М. Цитовской, это исправление

Рысинского трудно отстоять, но, кстати, в переводе Ф. Баркера отдается предпочтение со слагательному оттенку смысла: «...восторг от отсрочки смерти и от минимого здоровья был бы смешон». Переводчик пытается выразить уверенность Сенеки в бренности жизни и передать шутливый тон о неуместности восторга по поводу временного возвращения здоровья.

Рысинский внес исправления имению в этом духе; но его мнению, «само изящество речи» требует вместо слова *de-lector* (радуюсь) *delecter* (радовался бы).

Смерть — это небытие

Толкование Рысинским пятьдесят четвертого письма не заслужено отнесено М. Цитовской к числу ошибочных или неудачных¹. Положение Сенеки «Что бы ни было до нас,— это смерть» Рысинский предложил прочесть: «Все, что не есть,— это смерть». Он убежден, что слово «не» ошибочно подменено словом «нас», как это нередко бывает у перевесчиков. «Кажется, — писал он, — что в этом изречении не хватает убедительности и, скорее всего, оно представляет собой какой-то обман. Но что, если слово *nos* (мы) мы превратим в *non* (нет); возможно, тогда мы лучше выразим замысел Сенеки и истину. Ведь Сенека не думал, что смерть однажды была и прекратилась, но просто, что ее не было или она не начиналась. Поэтому немного выше он сказал, что испытал смерть именно прежде, чем родился, и тут же отметил, что смерть это «не быть», а также последующие слова у него будут соответствовать этому смыслу: «какое имеет значение, не начинаний или кончаний». Близка к этой мысли в конце шестьдесят пятого письма: «Не кончается, — говорил он, — обозначает то же, что не началось в прошлом. И, конечно, это «нас» вместо слова «не» в парижском издании подменено по простой случайности. Ведь не раз бывало, что одно из этих слов вытесняло другое».

Убеждение Рысинского, вопреки тексту издания 1607 года, в том, что Сенека представлял себе смерть как небытие, а не как то, «что было до нас», павевшю учением Эпиктура, согласно которому «смерть не страшна, так как для живых она не существует, а для мертвых тем более». Этую мысль Эпиктура отметил К. Маркс, выписав ее из Диогена Лаэртского².

¹ Cytońska M. Konjekcury S. Rysiańskiego, s. 201.

² Marx K., Engels F. Werke. Ergänzungsband 2 Berlin, 1968, S. 201.

Когда смерть предпочтительнее жизни

Трудно по «Концептурам» судить, согласен ли Рысинский с Сенекой в оправдании самоубийства. В семидесятом письме Сенека защищает «наложение на себя рук» и выбор более легкой смерти, рассказывает, приводя факты, о гладиаторах и преступниках, покончивших с собой, целью которых было - не стать посмешищем толпы или жертвой жестоких ныток. В нарижском издании читалось: «если нельзя, делай так, как можно». Рысинский предложил изменить лицо глагола «мочь» с третьего на второе и восстановил соответствие с контекстом, так как Сенека обращался прямо к Луциллю: «Также разум и тот советует тебе умереть, как тебе больше понравится, если же не сможешь, делай как сможешь и пользуйся любым доступным для уничтожения себя средством... Несправедливо **похищение** (выделено мной.— Я. П.) жизни, прекрасно похищение смерти... Тот человек велик, кто не только приказал себе умереть, но и нашел (способ умереть). Я тебе обещал побольше примеров такого дарования. Во время зрелища морского боя один из варваров воинил себе в горло копье, которое получила для борьбы с противником. «Почему бы, — воскликнул он, — мне сразу не избежать мук и насмешек, зачем мне вооруженному ожидать смерти?» «Это зрелище,— продолжал Сенека,— постольку поучительно, поскольку люди увидели, в какой мере честнее умереть, чем убивать. Какой отсюда вывод? ...Разум — наставник всех наук и именно разум нас учит тому, что удары судьбы бывают различны, а исход один».

Как видно, предложение Рысина об изменении лица глагола вполне уместно. В более поздних чтениях текста семидесятого письма, в частности, у Генце не только лицо глагола «мочь», как вытекает из приведенного отрывка, изменено, но добавлены новые слова, призванные сделать мысль Сенеки более доходчивой.

О том, как воспринял Рысинский выводы Сенеки, свидетельствует его попытка прочитать слово *garlo* (похищать) словом *capto* (получать). «Следует,— писал Рысинский,— предпочесть смерть жизни, загнанной в неволю, позорной, поэтому неоправданно добиваться жизни, прекрасно добиваться смерти». Далее Рысинский, не скрывая своей ошибки, признал, что не понял сначала мысль Сенеки: «Ведь Сенека имел в виду, что мерзко добиваться смерти не в том случае, если угрожает какой-либо тяжкий исход, а, напротив, низко исправливать себе негодную жизнь».

Создается впечатление, что Рысинский умышленно включил в конъектуру ошибочное толкование слова «юхинаю». Почему же после обнаружения своей ошибки или, как он выразился, после того, как вник глубже в смысл письма, он оставил свое первоначальное чтение? Несомненно, этот прием комментатора свидетельствует о его намерении поделиться с читателем своими собственными впечатлениями. Рысинский хотел противопоставить восприятие мысли Сенеки о красоте стремления к смерти и негодности жизни, своему пониманию: предпочтеть отказ от жизни, если она окажется никчемной, лишенной свободы, рабской. Рысинского натолкнула на это противопоставление близость в латинском языке написания глаголов *garere* и *sarege*.

Хорошо характеризовала Т. И. Кузнецова созданные Сенекой в преклонном возрасте письма: «Изучение философии Эпикура положительно сказалось на творчестве Сенеки в том смысле, что оно смягчило крайность его стоических принципов. Так, возвышенность и суровость идеалов сочетается у Сенеки с теплотой и гуманностью в отношении человеческих чувств, а призыв к самообладанию и презрению к жизни перекликается с живым чувством дружбы, любви, исканий»¹.

Особенностью толкования Рысинским «Писем» было то, что в разработанных им конъектурах он пытался усилить отзвуки эпикуреизма у Сенеки, иногда прямо ссылаясь на греческого материалиста, иногда, как в семидесятом письме, пытаясь выявить у Сенеки гуманные устремления.

Иследуя учение Эпикура, К. Маркс обратился к двенадцатому письму Сенеки и вынес из него изречение, смысл которого напоминает выводы семидесятого письма. «Несчастье,— цитировал К. Маркс Сенеку,— жить в нужде, но в нужде жить — нет нужды. Открыто и повсюду многие короткие и легкие пути ведут к свободе. За это следует благодарить»².

Истины речь проста

В замечаниях о стиле писем Сенеки Рысинский преследовал цель, с одной стороны, отбояться эстетику классической латыни и с другой — выделить изречения, отличающиеся глубиной смысла и красотой формы. Так, ознакомившись в парижском издании с сорок девятым письмом, Рысинский остановился на предложении: «Ибо, как говорит

¹ Кузнецова Т. И. Письма к Луцилию Сенеки-философу, с. 91.

² Marx K., Engels F. Werke. Ergänzungsband 2, S. 293.

тот знаменитый трагик, истины речь проста» и счел нужным отметить, что эти слова принадлежат Еврипиду. У Рысинского возникло сомнение, стоит ли «обходить» имя великого греческого писателя, приводя его известные изречения. «Излииществом» назвал он говорить «тот славный трагик». Это последнее слово «проскользнуло», по его мнению, с полей в текст. Он счел нужным повторить по-гречески слова Еврипида и добавить близко перекликающиеся с ними другое изречение — «благородное — несложно, многоликое — зло». Рысинский привел еще слова Пиндаря: «Для справедливого дела достаточно трех слов». Несколько примечания Рысинского отличаются от приемов и толкований переводчиков, видно хотя бы из перевода Ф. Баркера, который, конечно, не подкренил мысль Сенеки другими изречениями, а счел нужным писать: «великий трагик-драматург», а в спонске пояснить, что речь идет о Еврипиде.

Рысинский, написавший «Конъектуры» к письмам Сенеки за полтора века до французских энциклопедистов, назвал свой труд «пустяками» (*Affaniac*). Это была излишняя скромность. Толкование сочинений римского мыслителя, определенных Дидро как «гребни честного человека», издававшихся уже до 1500 года 71 раз, конечно, не было пустой затеей. Изучение «Конъектур» Рысинского позволяет вернуться к перешенным вопросам о толковании отдельных мест из «Писем» и уточнить смысл ряда высказываний Сенеки. Заслугой Рысинского следует считать сопоставление точек зрения разных комментаторов (Лип-

*In Notis ad Secundum Epytolas,
Actus
PROBILIS ET DOLANS. V.
Dñ. 30. IUNI. KISINIO.*

I L I U S T R I S S.
P R I N C I P I Dñ. CHRISI O-
PHORO RADZIVILLO &c A
C O N S U L E S, A M I G O
integerrimo.

*Nobilis ingens nimirum fertur actus:
Kylinus Stoilegma datus est:
Dirus loco premi queat sustulit ira Neronis,
Romam tunc infande pessis & Aufonis:
Malle animis, Genio prestat queat ab uno no-
stro;
Sic autem tacitus conditur umbra loci.*

DANIEL NAVOKOVITAS
Библиотека

Стихотворение Д. Навоковского, посвященное С. Рысинскому, в книге «Конъектуры» к «Письмам Л. А. Сенеки».

сия, Модия) на эти спорные места и выдвижение своих собственных в ряде случаев удачных и остроумных соображений. Но этим его значение не ограничивается. Рысинский поднял, руководствуясь положением Сенеки и Эпикура, голос в защиту науки, против ханжества и лицемерия. В условиях Белоруссии XVII века начинание Рысинского было злободневным, он выступал против упадка правов, за рост культуры.

Рысинский воспринимал поучение Сенеки в духе требований, поставленных эпохой Возрождения, он пытался из писем извлечь указания для совершенствования людей, для развития их самосознания. О целеполагаемости такого понимания древней философии можно судить по словам К. Маркса, намеченным для предисловия к защите докторской диссертации: «Настало время, когда понятия станут системы энциклопедистов, стоиков и скептиков. Это философы самосознания»¹.

Если знаменитый паремиографический труд Рысинского «Поговорки» сыграл немалую роль в повышении культуры Белоруссии, то, к сожалению, «Конъектуры» были забыты, они нигде не упоминаются. Не значится имя Рысинского (Рысины, Пантерус) ни в библиографии изданий Сенеки, ни в амстердамском издании Фромонда 1672 года, книгами и рукописями которой пользовался К. Маркс, ни у Генце.

Однако прозвучал голос современника Рысинского, его близкого друга поэта Д. Наборовского, написавшего в честь «Конъектур» и их автора стих, напечатанный на обороте титульного листа:

Ум благородный Рысения отдалкой блестящей плифует
Стонка старца учения божественные стихи.
Вместо награды мудрец уничтожен Иерона мюнхенским
Гневом; проклятый правитель, Италии, Рима пылач!
Гению нашему слава, он вышею юдоли ужасной
Труд сочинил и исчезнул, как призрак, в укромных местах.

¹ Marx Karl, Engels Friedrich. Vorrede (Neuer Entwurf). Ergänzungsband Schriften. Manuskripte Briefe bis 1844. Erster Teil.

КОММЕНТАРИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ АНТИЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

ТОЛКОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТИХОВ ОВИДИЯ

январском 1586 года письме, адресованном Б. Церазию (2.1) после обширного введения о несовершенстве научных изысканий в области древней литературы, Рысинский привел толкование отрывка из первой книги «Фаустов» Овидия, сделанное не названным в письме исследователем, о котором узнаем лишь, что он был человеком «первой величины и столь острого ума и утонченного суждения, что прославился во всем мире». Предположительно речь идет о И. Скалигере, так как на его изданиях Рысинский подробно остановился в письмах к К. Риттерегузинусу. Рысинский решил имя критикуемого им автора «оставить в тишине и спокойствии, не позорить критикой, так как тот не занимается испавистным ростовицеством, которым пана общая судьба заставляет гиупаться». В первой книге «Фаустов» (месяцеслов) Овидий пишет:

Кто мне, однако, докажет, о Янус великий, что бои ты?
Ведь не имеется в Греции равных, подобных божеств.
Тайну сейчас же раскрой одни обители ты неба
Видишь, что сперва, видишь, что скади стоят за тобой,
Лиши я успел поразмыслять о том, что чертил на табличках,
Дом мне почудился святым, таким никогда не бывал.
Янус священный тотчас удивительным видом двуликим
Глаз мой влезанию двойным лицезреньем своим поразил.
Я содрогнулся, почувствовал — волосы зашевелились,
Холод морозным дыханием вдруг охватил мою грудь.
Правой рукою он пальку, а левою ключ зажимая,
Звуки такие устами передними передает:
Трудолюбивый куцесник, отбросив смущенье, подумай:
Где же призванье твое и душой мое слово пойми *.

Слова: Edidit hos nobis oge priore sonos (Звуки такие устами передними передает) критикуемый Рысинским ком-

Здесь и дальше перевод мой.— Я. Н.

ментатор предложил выразить красивее: *Edidit hos nobis
voce priore sonos* (Издал для нас эти звуки прежним го-
лосом).

Против такого прочтения Рысинский возразил: «Глубо-
комыслящий муж не обратил внимания на отсутствие у Назо-
на подтверждения того,

что спачала к нему обратился Янус. Наоборот, вни-
мая двуликому божеству, поэт первый взмолился об
ответе на беспокоящий его вопрос. Судя по этому, «пе-
редние уста» (*os prius*) ничего другого не означает как
«переднее лицо» (*facies anterior*).

Назвав ненужным «иллю-
зионизмом» выражение «голосом издавать звуки», Ры-
синский продолжал: «можно
допустить, что звук отличается от голоса как род от
вида, но поэты до сих пор
отождествляли эти понятия
и употребляли их одно вмес-
то другого». Следовательно,
если сохранить оба сло-
ва, то, руководствуясь за-
конами стихосложения, было бы памятного лучшее сказа-
ть: «Прежним тоном про-
изнес слова» (*Sono priore
voces*). (1)

EPISIOLA XIII.

*Incedium ad fugam patuit. I
Quibus facile animadvertis, desiderans capitulo
vocabulum Quibuidam, et Intendam, aut
tale quipplam. Alioquin deus Anaphora pars in
enamoratae presentissimorum periculorum In-
candu vel deluet, Ruina, Gladius, et Carnifex. Eaque
Fatis a peninsula, et fra I pessula; et obsecutae produ-
centur, nempe Morbus, Incendium, Ruina, Mare
et Gladius hostium. Quia tamen omni: collata ad
genitaclem vitalita et tolerabilita consentient se-
piscia.*

(1) *EPIS.*

Одна из страниц «Комментарий»
С. Рысинского.

Назон намекал не на голос, а на изображение Януса. Сле-
довательно, в приведенной строке ничего не подлежит ни
оспариванию, ни изменению».

Ниже Рысинский, критикуя комментатора, остановился
еще на одном месте из того же стихотворения: *Quod pelis
et voces conceire mente meas* (Где же призвание твое и ду-
шой мое слово пойми).

Рысинский отмечал: «Не памятного удачнее этот пово-
явленный Аристарх исправил это место: *et mente conceire
mentem meam* (и душу мою пойми душой), как будто по-
нижение души душой, мысль мыслью, а сердце воспринима-
ется сердцем. На самом деле чувства и мысли обнаружи-

ваются посредством особого орудия — языка, воспринимаются ушами и только тогда передаются духу или уму благодаря слуху». «Однако о тени осла достаточно,— закончил с иронией Рысинский,— стоит ли говорить, что мудрец не обязан тратить время и многословно распутывать вопросы, доступные любому, обладающему рассудком».

Независимо от того, какой научной подготовкой обладал автор разнотений, толкование Рысинским приведенного отрывка из «Месяцеслова» бросает свет на замысел Овидия⁴. Действительно, то обстоятельство, что не Янус обращался первым к поэту, а ответила линь на его призыв, свидетельствует против предположения о «прежнем голосе». Овидий спрашивал двулиное божество о том, какая связь между прошлым и будущим Рима, и «передние уста» Януса олицетворяют будущее. В изречении «и ндумай», где же призвание твое, и души мо слово пойми» заключено наставление Януса Овидию, невцу истории, внимать голосу прошлого, неразрывно связанного с будущим, как два лица изображения божества. Известно, что Овидий в «Месяцеслове» задумал дать своеобразный календарь мифологических сказаний и действительных событий.

Интересно рассуждение Рысинского об объеме понятий «звук и голос». Предложенный им вариант чтения «прежним тоном произнес слова» показывает, как он пытался проникнуть в лабораторию творчества поэта. Основным же замыслом Овидия было не характеризовать звуки речи Януса, а место их появления — «передний лик», устремленный в будущее.

Наконец, убедительно звучит рассуждение Рысинского о языке как орудии, посредством которого передаются чувства и мысли.

Слух является каналом, позволяющим внешнему миру проникнуть в ум человека.

Интересны наблюдения Рысинского, высказанные при разборе «Понтийских посланий» Овидия в мартовском письме 1586 года Церазию (2, VIII). «Я недавно паткнулся, — писал Рысинский, — в комментариях мужа, учености которого никто в наш век не превзошел... на одно место из славного Пазона, где толкователем донуцена постыдиная оннебка. Но ведь один ученый сам не все видит. Так, например, известно, что Евринида обоснованию обвиняли в нечестивости». В третьем «Послании из Понта» Овидий писал:

⁴ В изданиях «Фактов» спорные строки приводятся в таком виде, как их читал Рысинский.

Часто, желаньем охвачен, слова заменить не решаясь,
Силы сужденье мое покидают и мони в нем нет.
Часто досадно, чего сомневаюсь, сказать себе правду,
Править и переносить непоследовательное бремя труда.
Помочь поэту в признании, опо же и труд облегчает,
Легче тогда разгорается творческий в сердце огонь.
Править же дело настолько труднее, поскольку
Бодыне прославлен, чем Аристарх, был великий Гомер.

Рысинский выступил с категорическим опровержением комментатора, поставившего под сомнение выводы Овидия: «Здесь этот весьма ученый муж спрашивает, по какому праву Овидий в данных стихах называет более великим автора сочинения, чем критика, хоть сам считает труд исправления намного тяжелее мук творчества. Я же, напротив, тебя, дружище, спрашиваю: по какому праву ты хочешь поставить Гомера, по общему мнению, наиболее искусного поэта, ниже ученого грамматика Аристарха. Ты скажешь, что, согласно Квинтилиану, дарование и грамматика являются чем-то своеобразным, но неужели ты не согласен, что творчество и критика не соразмерны?»

Рысинский убежден, что Овидий неохотно исправлял написанное им самим, а способности критика не должны уступать одаренности поэта.

Характерны иллюстрации, приведенные Рысинским для подтверждения своих выводов, и дальнейший ход его рассуждений: «Попытав в гуще жизни пример, яснее истолкуем свои мысли: разве смог бы ты взять за руку и исправить портного, который неудачно наложил шов на плохо подогнанные части платья? Ты видишь недостатки, но твоя нерадивость, неумение перенести и тем более создать новое не позволяют устраниТЬ ошибки в покрое и составлении частей. Искусства шить никак не обойдешь. Как бы то ни было, непосвященные оценивают лишь по внешнему виду, а мастеру присуще умение и творить и оценивать. Хоть молят об этом Аристотель, никто не отрицает, что наиболее правильно судят о своем искусстве сами мастера. Я думаю, что отсюда вытекает, почему поэт Гомер выше грамматика Аристарха. Если же, по свидетельству Овидия, талант покинул того, кто способен наилучшим образом выносить мнение о своем искусстве, то когда же иссякнут силы критика — серна, пожинающего урожай (это бывает гораздо чаще)? Конечно, одно — когда загроможденная или плохо оборудованная кузница неспособного стихотворца или какого-либо самозванца пытаются ковать песни, другое — когда искусный критик прилагает большие усилия к исправлению замечательно отделанных и чистых стихов одаренного

поэта. Ведь для того, чтобы их отточить и отшлифовать, нужны и острый ум, и вкус. Итак, Аристарху предстояло с огромным трудом и не меньшим риском обработать Гомера, искуснейшего из поэтов, а ведь критик был менее одарен, хотя и обладал, если воспользоваться словами Туллия (Цицерона.— Я. П.), «изящными ушами». Если верна мысль, которую комментатор навязывает Овидию, что Аристарх был более великим, чем Гомер, то он, конечно, не испытал бы столь большого напряжения при шлифовке стихов».

Исправление ошибок автора, менее одаренного в области искусства, требует меньших усилий и остроты ума. Рысинский помогает, что сам автор является лучшим толкователем своих высказываний: «Я не сомневаюсь, что лучший путь толкования творчества поэта можно найти и изучить в недрах его сочинений». Овидий писал в «Понтийских посланиях»:

Перечитав, я стыдился того, что писал, ведь увидел,
Будучи также творения судьей, что придется стереть.
Все же решиться не смог: этот труд тяжелее писанья,
Страждущий ум ничего безыкусного не в силах стерпеть.

Следовательно, заключил Рысинский, Овидий не хотел трудиться над исправлением, он не брался за окончательную отделку стиха. Потому что для этого нужен более прилежный мастер. Напоследок Аристарх испытывал большие трудности при пересмотре наследия Гомера, так как был менее одаренным, ведь исправление законченного стиха требует больших усилий, чем первоначальное его сочинение:

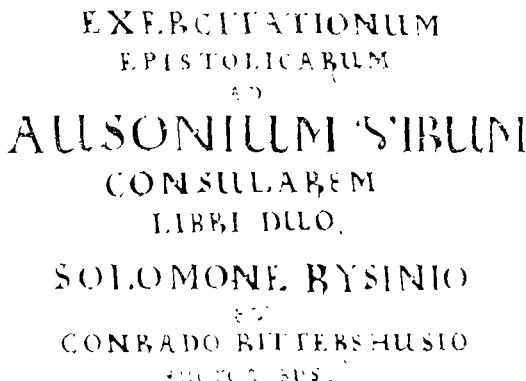
Помощь поэту признание, оно же и труд облегчает.
Легче тогда разгорается творческий в сердце огонь.

Рысинский убежден, что поэтическое творчество требует особых усилий, вдохновения, горения, в то время как работа критика, корректора — усердия и вкуса. Видеть целесообразное и прекрасное в едином свойственно мастерам-умельцам, в этом отношении они превосходят лишенных полета мысли и вкуса потребителей. Чем выше уровень творческой культуры, одаренности, таланта мастера поэзии, тем большая ответственность ложится на плечи его ценителя. Но критик — «лишь серы, ножничающий урожай». Сам поэт — лучший критик и исправитель своего сочинения. Творчество неразрывно связано со шлифовкой, отделкой стихов. Только мастеру с большим дарованием доступно увидеть первохвосты или непоследовательность в написании талантливой рукой произведения. Рысинский предупреждает чита-

теля перед поверхностным суждением об искусстве стихо-
сложения, которое не только требует вдохновения, но и
упорного труда над совершенствованием.

КОММЕНТАРИИ К СОЧИНЕНИЯМ Д. М. АВСОНИЯ
(из рукописного наследия)*

Сочинения Д. М. Авсония, латинского писателя IV ве-
ка н. э. (около 310—395), сохранились в списках IX—
XIV веков и издавались в разном объеме несколько раз
в XV—XVI столетиях (первое печатное издание —

Титульный лист рукописной книги С. Рысинского
и К. Риттерсгузинуса, посвященный исследованию
наследия Авсония.

1472 год). В новое время комментированные издания Авсо-
ния появлялись в Германии, Англии, Франции в XIX—
XX веках. Подробные жизнеописания автора приведены в
изданиях Шенкля, в энциклопедии Паули — Виссова и др.¹

На русском языке полного собрания сочинений Авсония
нет. В периодических изданиях «Русская мысль» и «Гер-
месс» были опубликованы В. Брюсовым и Ю. Цыковым не-

* Рукопись хранится в Краковской Библиотеке Народовой, любезно представившей нам микрофильмы. Работа озаглавлена «Exercitationum epistolicarum ad Ausoniū virū consularem duo Solomonē Rysinio et Conrado Rittersinio auctōribus» («Упражнения в письмах по консуалу Авсонию, книги две (выполненные), Соломоном Рысинским и Конрадом Риттерсгузинусом»).

¹ D. M. Ausonii opuscula. Recensuit Carolus Schenkl. Monumenta Germaniae historica.— Berlin, 1883; D. M. Ausonii Opuscula. Recensuit R. Peiper.— Leipzig, 1886.

реводы нескольких стихотворений и эниграмм этого поэта (1911, 1912 годы). Брюсов написал также подробный очерк о жизни и творчестве Авсония под заглавием «Великий ритор» («Русская мысль», 1911, март).

Авсоний был родом из Бурдигалы (г. Бордо), и поэтому некоторые исследователи называют его «первым французским поэтом»¹. Отец Авсония был медиком и дал своему сыну всестороннее образование. Сам Авсоний стал впоследствии воспитателем будущего римского императора Грациана, который назначил его консулом (379 год). После смерти императора Авсоний вернулся в родной город и там находился до конца своей жизни.

Творчество Авсония мало известно советскому читателю. Во втором издании БСЭ этому писателю посвящена отдельная статья, а в третьем — его не упоминают. Авсоний сам себя называл «ритором и грамматиком». Стихи его представляют не столько поэтическую, сколько историческую ценность. Однако мнения по этому вопросу расходятся. Авсоний, несомненно, был одарен и высоко образован. Брюсов отметил, что называть его первым французским поэтом «справедливо в том смысле, что в его сочинениях есть чисто французские черты: легкость и изящество, соединенные с латинской ясностью и строгостью»². Вместе с тем в другом месте своего очерка Брюсов утверждал, что Авсонию «недостает строгости, он мягок и сентиментален»³.

В произведениях Авсония отражена жизнь и правы римской провинции; лирические нотки звучат в стихах, посвященных памяти наставников и родственников. Большой интерес представляет для историков его описание путешествия по реке Мозель. Характерно, что Авсоний относился к своему творчеству не совсем серьезно и называл его «поэтическим судом». По мнению американской исследовательницы М. Дж. Берн, «история текста Авсония столь сложна, что невозможно решить все проблемы, возникающие в процессе работы над ним»⁴. Тем более интересны попытки гуманистов XVI века, в первую очередь И. Скалигера, извлечь из забвения и восстановить в подлинном звучании творчество Авсония. И все же новые исследования, относящиеся к XIX

¹ Pichon René. *Les derniers écrivains profanes*. Paris, 1906; *Rand E. K. Auson the first French poet*. Proceedings of the classical Society, 1927.

² Брюсов В. Великий ритор. — «Русская мысль», 1911, март, 8, с. 4.

³ Там же, с. 45.

⁴ *Prolegomena to an edition of D. M. Ausonius by M. J. Vygrle*. N. Y., Columbia U. P. 1916, p. 72.

и ХХ векам не смогли внести полной ясности в изучение его наследия. По мнению К. Шепкля и Р. Пейнера, сочинения его дошли до нас в некаком виде. В этой связи определенную ценность для науки представляет не упоминающаяся в обширной литературе об Авсонии рукопись конца XVI века, содержащая критические замечания к нескольким десяткам произведений поэта из Бурдигалы. Не менее знаменателен факт, что автором этих рукописных комментариев был белорусский гуманист Соломон Рысинский. Это были его первые шаги на поприще исследований памятников древности. Комментарии написаны на латинском языке довольно разборчивым почерком с некоторыми аббревиатурами. Рукопись, к сожалению, неполная и состоит из 30 страниц, содержащих 12 писем; из них 1, 3, 5, 6, 8, 9, 11 адресованы Рысинскому Риттергезиусу; остальные направлены Риттергезиусом Рысинскому.

Как видно из слов Рысинского, он обратился к ученому-правоведу Риттергезиусу с предложением принять участие в совместном исследовании сочинений Авсония. Из введения, предположенного инсигмам, можно узнать некоторые подробности возникновения этого труда. Оно содержит обращение Рысинского к «Иоанну Постнию, архнатру (главному врачу.— Я. П.) рейнского налатаата, выдающемуся поэту». Обращение датировано из Альтдорфа 6 марта 1589 года: «Последней осенью,— писал Рысинский,— случайно ми попали в руки сочинения Авсония из Бурдигалы. (Вероятно имеется в виду издание И. Скалигера 1588 года. Затем у Рысинского оказалось также издание Грифиуса 1548 года.— Я. П.). Сначала поверхности ознакомившись с книгой, я принял от нее в восторг, а затем стал ближе присматриваться к ней и вдумываться. Меня манили как достоинства самого консула, так и новые украшения, приданые ему новелителем всех ученых И. Скалигером. Однако когда я пришел в себя после первого впечатления и стал осваиваться с текстом, я заметил, что этот великий ученый (Скалигер.— Я. П.), снабдивший нашего консула столь отменным облачением, оставил случайно или же умышленно нетронутым и незамеченным многое из «внутреннего характера» (*habitus internus*). Под «внутренним характером» я понимаю прочтение, так как относительно реалий никто не смог бы их объяснить лучше Скалигера».

«Я глубоко уважаю и люблю Риттергезиуса,— писал Рысинский И. Постнию,— что же мешало мне, исходя из его к тебе близости, постучаться в дверь твоего дружелюбия. И это, несомненно, оказалось причиной того, что я тебя,

знаменитый ученый, первый потревожил, хотя сам я неизвестен и в науке у меня нет имени...» В своей просьбе о покровительстве Рысинский отметил, как ему трудно на чужбине добиться признания: «Конечно, под этой германской звездой разве ты не ответишь мне, неизвестному, тебя глубоко уважающему, и не соблаговолишь поддержать усилия жаждущих приобщиться к науке?» «Доброжелательно прими,— скромно закончил Рысинский,— эту работу — плод столь же неискушенного вкуса, сколь усилий неокрепших знатоков».

Название своего исследования «Упражнения по Авсонию» Рысинский объяснил тем, что это были «первые наброски развивающегося дарования...». Ему показалось, и он надеялся, что этот труд поможет в чтении Авсония и что было бы полезным сделать этого поэта достоянием читателей.

Примечательно, что по сравнению со своим современником Скалигером белорусский исследователь внес новые замечания в освещение творчества Авсония. В ходе своих рассуждений он не спаривал выводы Скалигера о «реалиях» в тексте писателя из Бурдигалы, но одной из причин того, что он взялся за исследование Авсония, было его несогласие с прочтением отдельных мест в издании Авсония, выпущенном Скалигером и другими.

В «Упражнениях» Рысинский рассматривает ряд произведений римского автора. Непосредственно Авсонию посвящены письма 1, 3, 5, 10, 11.

Из ряда средневековых списков, а также изданий XV—XVI веков во времена Рысинского было выявлено до 37 названий разного рода сочинений, приписываемых Авсонию. В «Упражнениях» разбираются отрывки или упоминаются: 1. Обращение к Пакату Дрепанио; 2. Технопегии (искусная игра); 3. Заупокойная песня об отце; 4. Наноминание потомку; 5. Эфемерие (дневник); 6. Эклоги; 7. Паренталия (номинальные стихи о родственниках); 8. Воспоминание о наставниках; 9. Эпитафии (надгробные надписи); 10. Эпиграммы.

Мы ограничимся обсуждением только отдельных замечаний Рысинского. Соображения его друга и соавтора Риттерсгузиуса учтены в тех случаях, когда они рассмотрены Рысинским. Цель данного раздела заключается не в том, чтобы исследовать творчество Авсония на основе правок Рысинского и Риттерсгузиуса, а выявить приемы и соображения, которыми руководствовался в начальный период своей научно-литературной деятельности белорусский гуманист.

В первом письме от 18 октября 1588 года Рысинский остановился на энигмамме «Диана»:

Хочет Венера сердца покорить, успоконять не хочет.
Чары прельщенья презрены, не смею соблазн их отвергнуть.
Пытки желать для души иль услады? Излишни волненья?
Дважды подвязана Диана, Кифера нага: все напрасно:
Нет обольщений у первой, сверх меры тревожит вторая...

Рысинский поставил под сомнение слова *bis cineta* и предложил читать *discineta*, т. е. вместо «дважды подвязанная» читать «в развеивающемся платье». «Дважды подвязанная — это лишь типографская ошибка,— утверждал комментатор,— у Авсония смысл требует другого, ведь он говорил о том, что «презирает прельщения чары». Подобное слово *discineta* (в развеивающемся платье) употреблено и Овидием и Перенем». На полях Рысинский дописал, пользуясь рядом греческих выражений: «...говорят, что Диана в длинном хитоне, то есть у нее был хитон, закрывающий ноги, но она собиралась на охоту. Даже на изображениях Дианы можно увидеть богиню во время охоты на оленей. Там она одной рукой поднимает рогатину, другой же держит за рога лань и одета она в стому, спускающуюся донизу».

В следующем письме Рысинский отказался от своего прочтения: «...буду вести себя, как Стесихор, чтобы то, что с ним случилось из-за оскорбления Елены, со мной не произошло из-за Дианы. Я стыжусь утверждать, что она в распущенном одеянии; из всех, пожалуй, стояков я наиболее стойкий и я почти другой Руф Авсония (некий Руф описан Авсонием, как упирающийся в своих ошибках.— Я. П.), который всегда был, как скала». Шутливый тон не покидал Рысина, когда он завершал свои выводы: «Следовательно, я согласен с тобой (К. Риттергезиусом.— Я. И.), с Скалигером-сыном и Гриффусом-отцом: пусть будет «дважды подвязанная»¹.

В том же письме Рысинский привел строку из «Эпитета-фий героям». Речь идет о могильной надписи на Вии Латине в окрестностях Рима:

Ии имени, ии где рожден, ии откуда, какого я века,
Я нем навсегда, кости, несет, ничто.
Меня нет, я не был рожден, из ничего моя сущность,
Брось по отдельности всех попрекать! Таким и ты будешь.

¹ Известно, что Скалигер Жозеф, сын Скалигера Жюля, развил и совершил литературные наименования своего отца, а сам известного издателя Гриффуса занесли дело отца. У самого Гриффуса, подобно как и Скалигера-сына, по мнению Рысина, все издания были безупречны.

Рысинский возразил против слова *exprobres* (будешь попрекать) и предложил читать *explores* (будешь разузнавать). Он недоумевал: «Что здесь делать слову «попрекать»? Мы узнаем неизвестное и неизведенное, а попрекаем тем, что известно! Ведь памятник полузагадочный, зачем его попрекать?» Затем Рысинский перешел к эпиграфии «Троил», в которой, по изданию Скалигера, не хватало одного слова:

Гектор в пыли распростерт.
Пи сны не равны, пи боги.
Тут же, склонившись с жестоким Алкидом, и бою нал Троил¹.
К брага достоинству я приобщен, колесница меня ногацкая.
Мука тяжелая мие не страина, его пример вдохновия.

Рысинский заполнил пробел во второй строчке словом «нал», отвергая исправления других комментаторов, иссавших, что Троил, брат Гектора, «иониб». В мифологии смерть Троила изображена по-разному. Рысинский по-видимому, хотел подчеркнуть, что брат Гектора не был задушен в плену или убит во время бегства, а «нал» в сражении с Ахиллом. Он остановился также на латинском выражении *congressus libi* (сразился) и составил его с синонимическими глаголами *rugno*, *сего* (борюсь, воюю), объяснив управление дательным падежом влиянием греческого языка, и в подтверждение привел примеры из Вергилия.

В эпиграфии «Ахилл» Рысинский также заполнил пробел, который и в новейших изданиях до конца не выяснен:

Не в одном месте покончся Эакид: кости укрыты
На сирийском берегу;
Часть могилы...
По во всем мире...

В последней строчке Рысинский дополнил: «По во всем мире славу (или даже имя) распространял Гомер» (Эакид и есть Ахилл.— Я. Н.).

В эпиграфии «Гуней» Рысинский предложил изменить знаки препинания. Авсоний писал:

Гуней покончся в море, гробница без тела, имя,
Молва средь людей, в небо дух устремлен.

Эту эпиграфию Рысинский определил как удивительно цельную и выразительную, однако ее портит один знак препинания. Он прочел первую строку иначе:

Гуней покончся в море, могила — имя без тела,
Молва средь людей, в небо дух устремлен.

¹ Троил — младший сын троянского царя Приама, павший от рук Ахилла.

То есть он предложил понимать, что имя и есть гробница без тела. В следующем письме Рынцкий снова подтвердил, что ни на пядь не отступит от своего мнения. Обращаясь к Риттерегузину, он писал: «Ты по своему обыкновению очень рассудительно делаешь славу (молву) среди

Alvearia annua. Per dia Nocte ab aliis pluvia tempestivam adhuc latet
tulimur. Flores rufi in c. dui quid et in c. octavo. Apud Pindarum
in primis lutei. In hortis, et in aliis iherc et siccis, vegetat aridae rure,
in aliis pratinis, aperte, raro, in flave raro. Hoc alieno genere non possit
sat. Et Bellonensis in monte raro. Utique perduca qui raro vides
in Hispianum festivum, rufum, dulcem, id est. sed. no. pluvia, et
rufa. Howeverum in eodem non habet. Et raro in aliis. Sed. in quoque sine
alba. Flores proprii proprii nigrorum exiliunt, confundit omnia, non Vero.
naturae, quem eleganter et conspicere dignerit. Cladonia nigra. Et Huius in pro-
ficatione boni est, si non respi. hoc est alia, et animo certe illa non proficit.
Alba alba, si habet alba. Variis omniis ista exponenda in aliis condicione,
quae potius que ex alba latibus operari a nobis exponimus. 2. V. 2. X. et. De-

S. RYSINIUS C. RITTERSHUSIO. XI

Quoniam Specula sit ubi, dona Specula, sed tu nihil est aliud.
Nec enim nomen tangere potest.
Eundem dicas Iesum, unde Iesu tuum fides non regit?

Одна из страниц рукописной книги о поэзии Авсония.

людей.— Я. П.) гробница и имени и это очень изящно выводишь из гипотез физики, согласно которым голос не является ничем иным, как ударом или сотрясением воздуха. Когда, следовательно, голос вырывается и сотрясает воздух, то кажется тем самым будто нечто создается. В этом отношении, говорю, у тебя правильно, но если ты отважишься так утверждать, смотри, чтобы это мнение не слишком нарушило единый образ. Все (говорит Лвсоний) элементы такому вождю — общая гробница. Какие? Небо и земля, и

море, и уста людей. Так что небо получает дух, море — тело самого Гуная, уста людей — имя, что же земля? Могилу, говоришь, без тела. Так в ней же нет Гуная. Ничто не мешает сказать: небо — гробница духа, земля — имени, ведь, несомненно, имя было на кенотафе (надписи могилы того, чье тело не было найдено.— Я. П.). Море — Гуная, уста людей — славы. Ты возражашь? Что делать? Тебе кажется правильным твое мнение, мне — мое».

К вопросу о Гунее Рысинский вернулся в пятом письме. Он предложил Риттерсгузуэу вникнуть в замысел Авсония, который писал, что все элементы — гробница для такого вождя. Рысинский увидел в этом перечисление распространение в древности учение об элементах. «Почва, следовательно, (если начнем спизу), — объяснял он, — соответствует земле, море — воде, уста людей, если устраниТЬ всякую двусмысленность — воздуху. Что же соответствует огню? Я скажу — небо... ведь всем известно, что высшим из начал и считался огонь. Вот в «Метаморфозах», — доказывал Рысинский, — Овидий говорил:

Сила небес невесомых и спутанных огненным смерчем
Вырвалась, в замке высоком жилице себе подобрав.

Какова же опасность, — продолжал Рысинский, — если в виде синекдохи примем у Авсония небо за ту самую огненную субстанцию. Более того, ведь высшее небо получило название эмпирея (т. е. обиталища света и огня, местопребывания богов.— Я. П.). И Лукреций в первой книге назвал «Небесные огни». Кроме того, многие философы полагали, что сам дух состоит из огня. Так, Овидий в триадцатой «Метаморфозе» писал: «Дух из огня, легкость ему представила крылья», а Вергилий в «Энеиде»: «Пламени сила у них накопилась, небеса — их начало». Если так, — закончил Рысинский, — то Авсоний утверждал, что дух есть огонь, что у духа с огнем — родственное начало». Весьма примечательно заключение Рысинского: «Это (вопрос о духе.— Я. П.) относится к особому учению и не следует любые высказывания поэта резать по живому и исследовать аподиктически, т. е. искать в них неопровергимые доказательства». Таким образом, Рысинский подчеркнул своеобразие поэтического труда и вдохновения. Его слова свидетельствуют о том, что он принадлежал к чутким критикам поэзии, которые реалистически оценивали взгляды поэтов и пути создания ими художественных образов, но не ограничивали их поэтической вольности.

В сочинении Авсония «Мысли семи мудрецов» Рыси-

ский подверг языковому и философскому анализу предложение, звучавшее в новых изданиях так: «Всякий, кто щадит дурных, хочет погубить честных». Рысинский отмстил обоснованность мнения Риттергузиуса относительно того, что Авсоний, подобно другим писателям, прибегает к местоимению *quisque* (каждый) вместо *quisquis* (кто бы ни) или *qui quisque* (какой бы ни), но тут же с недоумением спрашивал, что мешает в указании предложении имению так выразиться, как Авсоний. По убеждению Рысинского, в данном случае подходит и неопределеннос местоимение и относительно обобщающее: «Несомненно, смысл сводится к тому, что каждый хотел бы добиться сохранения честных и гибели дурных».

От вопроса о местоимениях Рысинский перешел к критике необоснованного прочтения издателями рассмотренного предложения. «Но вот оказывается,— возмутился он,— в издании Грифуса 1548 года напечатано что-то совсем чудовищное: «Каждый, кто щадит честных, хочет погубить честных». Разве в этом есть какой-нибудь смысл, я ничего не понимаю, я бы лучше сказал: «Каждый, кто щадит дурных, хочет погубить дурных». Пусть здесь вместо «каждый» будет употреблено «кто бы ни». Это не меняет содержания, ведь чем больше попустительство и беспаказанность дурному, тем больше они приближаются к гибели. Доходчиво об этом говорит Анулей в книге о философии, ссылаясь на учение Платона: «Наиболее тяжелая и жестокая пытка, если вредитель остается не накаранным и не подвергается наказанию со стороны презирающих его людей».

Отрывок из стиха Авсония «К потомку» из сочинения «*Liber prolepticus ad nepotem*» («Книга увещевания потомку») звучит:

Здесь о заслугах задумался я. Сколь великому вину
Я, консул-дед, озаряю светило жизни твоей.
Славен хотя уж давно ты отновским именем гордым,
Мог в нем увидеть красоту, а, возможно, и бремя...

Рысинский остановился на предложении «*Ilinet tnae
rgaeēsco vīlāe*» («Озаряю светило жизни твоей») и определил его как шега *amfibolia* (обыкновенная двусмысличество). «Ведь неизвестно,— отметил он,— какому слову придать большее значение. Если сказать «освещают светило», то получается выражение такого рода, как «жизнь прожить», «смеяться смехом», «веселиться весельем» и другие подобные сизигии (сочетания). Если же читать «светило освещают», то это будет высказыванием в смысле: Я, Авсоний, светило, т. е. я славен и знаменит, так как возглавляя

семью, удостоен двух должностей, кресла курульского, тоги обрамленной, облачения консула и других почетней». Рысинский высказался за первое толкование: не «я, Авсоний, светлю, озаряю», а «озаряю светило жизни твоей» и объяснил, что это равноценно выражению «показываю путь и стежку», на которую внуку должен вступить по следам и с поддержкой своего деда, подобно как у Проперция: «луна освещает путь, звезды показывают ухабистую дорогу».

В девятом письме от 19 ноября 1588 года Рысинский писал Риттерегузинусу: «Вот тебе, чтобы отведать кое-какие из моих пантий на тему Авсония. Пока готовится обед и десерт, ты попробуй и погляди, подходит ли для пёба. Я ведь это направляю для того, чтобы твой желудок испытал неизвестное. В стихе, написанном фалесовым размером (трохантически-дактилическим одиннадцатисложником.— Я. И.) к Пакату из Дрепана, я начал *trepidae silē* настасе (дрожащие умолкните обретения). Так прочитам, исправляя древний список, изворотливейший Скалигер (обретения). Но, несомненно, «обретениям» здесь нечего делать или, как иные желают «валяльщикам» (пассае). Следовательно, в этом слове надо искать другое содержание: «дрожащие умолкните листы» (*chartas*). Ведь поэт обращается, пользуясь апострофом, к книжке, подобно как тут же «бесстрашно летите, стихи», где я бы тоже предпочел «бесстрашные». Там же — «то, что простительно, пусть скроет, признанное, пусть передаст». «Передаст» мне не нравится. Ибо кому передает? И не приходит на ум, чем бы это заменить. Наверно, не иначе поэт говорит тому же Пакату в другом месте. Весьма схоже, сопоставлю на твой суд: «Подумай, надо ли читать стихи, предложенные мной, или скрыть их».

Таким же образом и в тридцать четвертой эниграмме «К Прокулу»: «Ему я предизначаю то, что осталось от невзрачных, досужих творений: или пусть читает то, что дам, или пусть скроет». Как же согласовать то «передать» с этим «читать»?

Как видно, по мнению Рысина, Авсоний хотел сказать, что стихи либо достойны чтения, либо подвергаются забвению. Действительно, в своеобразном стихотворении Авсония, озаглавленном «К своей книге», читаем:

Если, неисписаный лист, моль и порчу терпеть тебе надо,
Раньше начни со стихов уничтожаться моих.
«Предпочитаю от моли»,— твердинь: ты ведь прав, горемыка,
Меньшее зло предпочтешь перенести невзначай.
Я ж не хочу погубить досуг вредительской музы,
Хоть и рождает она трату и масла и сна.

Лучше было б поспать, чем липаться и дремы и масла..
Правильно мысль твое, но причина есть у меня.
Прокул меня рассердил, красоречье его ведь такое,
Как и почт, написал многое, все охватил.
Месть под рукой у псевда, вог отомстить мне окота:
Тот, кто его не издал, слышит пусть наши стихи,
Пусть тот решает, как быть, освежит ли тебя можжевельник,
Иль для пещадных червей пищей тебя обречет.
То, что осталось у нас от досужих, невзрачных творений,
Пусть он получит, прочтет, иль скроет даниое мной.

Приведенное стихотворение показывает глубину аргументации Рысинского, оспаривавшего правильность прочтения Скалигером однинадцатистрочника «К Пакату из Дреанана». В понимании Рысинского эти строки следовало читать: «Дрожание умолкните, страинцы, безбоязнино порхайте, стихи... То, что требует прощения, пусть утаит; то, что признаю, пусть прочтет».

В том же девятом письме Рысинский остановился еще на ряде мелких произведений Авсония. Толкуя первую строку эпиграммы о Пифагоре, Рысинский привел интересные наблюдения, связанные с употреблением притяжательных прилагательных в восточнославянских языках. В эпиграмме говорится:

Пифагор Евфорба, ты, который изыскиваешь
семена венцей и возвращаешь души в новые тела,
скажи, чем будет умерший недавним
свершением судеб Марк?

В своем учении о переселении душ знаменитый Пифагор утверждал, что он прежде был Евфорбом, троянским героем, ранившим Натрокла. Поэтому Рысинский объяснил слова «Пифагор Евфорба», как «Пифагор Евфорбов». «Я считаю,— отметил он,— это выражение эллинизмом. Также у скифов, белорусов и большей части литовцев встречается такое». Как видно, Рысинский прибегнул в толковании к восточнославянскому притяжательному прилагательному, а они, по словам В. В. Виноградова, «несут функцию индивидуализирующего, обособляющего указания на принадлежность одному существу, единичному обладателю»¹.

Далее Рысинский изложил свое мнение об именах и прозвищах у восточных славян: «Так ведь пишутся: Иван Васильев, Федор Иванов, Соломон Федоров и пр., иногда добавляют также семейное имя (фамилию.— Я. П.): Емельян Онуфриев Рысинский, Гиацинт Федоров, Гавриил Григо-

¹ Виноградов В. В. Русский язык.— М., 1947, с. 192.

риесев Гутор и пр. Кто придерживается латинских наук, образует прозвище подобно греческим — Иоанид, Василий (Иванович, Васильевич.—Я. П.)».

Здесь Рысинский верно подметил процесс, который в то время был характерным для развития восточнославянских языков: от прозвищ — к отчеству, и одновременно высказал предположение о близости родительного падежа принадлежности принадлежности к притяжательным прилагательным. Об этом явлении В. В. Виноградов писал: «Известно, что в древнерусском быту вилоть до эпохи западноевропейского влияния прозвища имели широкое распространение паряду с христианскими именами¹. (Любопытно, что имение в этом письме Соломон Рысинский передал название белорусской народности, как «леукорусси».)

Комментарии к эннigramme «Пифагор» ограничиваются рассмотрением одного слова «Евфорба», но они — свидетельство знания автором обычая и языка своей родины.

В конце того же письма Рысинский в шуточном тоне поделился с другом своим шаржем на эннigrammu Авсония о Дионе. У римского поэта содержание эннigramмы таково:

Призрак твой, из владык царь Крез богатейший,
Циник Дионе увидел в аду.
Там, о Крез, говорит: «Ничего не твоё, все минуто.
Я был гол, если такой, ничего не имел, что и есть у меня».«
Царь же в ответ: «Не равны мы с тобой, ты ведь инсий,
Благ был лишен. Здесь поскольку я не лишен, не нуждаюсь».

Рысинский же сочинил:

Циник Дионен, смертью лишиен в царство теней,
Крез, о счастливец, облик увидев твой, не смущаясь,
Дарзкий пред глазом твоим не ионик и обычай презрев
Гласом не дрогнувшим вызова слово бросил владыке:
— Что столь великая власть? К чему сокровища, клад?
Дало ли пользу богатство, хоромы и слуги?
Ведь ничего ты с собой не принес и теперь вот мы равны.
Толку-то больше во мне, я столь же богат,
Так как всё, что судьба подарила мне ласково, щедро,
Есть у меня, а ты всё покинул на веки, оставил.

Как видно, своей народной Рысинский стремился противопоставить два взгляда на богатства: из эннigramмы Авсония вытекает, что богач не равен бедняку, так как после смерти он не нуждается в богатствах, а бедняк и при жизни их был лишен. В народии Рысинского подчеркнута

¹ Виноградов В. В. Русский язык, с. 186.

мысль, что смерть отбирает у богача все имущество и власть, а у бедняка-философа она ничего отнять не может.

«Парентелия» (*Parentelias*), т. е. стихи, посвященные памяти родственников, считаются наиболее насыщенными лирикой сочинениями Авсония. Рысинский в одиннадцатом письме обратился сначала к стихотворению, посвященному памяти тестя — Аттузия Лукана Талузия. Он считал, что Скалигер придал в этом письме строке *oplate hoc tantum non est habere datum* (такое желать -- совсем не значит получить в дар) смысл обреченности и это противоречит последующим словам стиха --- «боги обет одобряют», свидетельствующим о том, что боги благоволили к столь хорошему человеку. Рысинский предложил замену: *oplate hanc tantum regnum est habere datum* (желать не столь много — истина значит получать). Действительно, в следующих строках подтверждается, что зять оказался верным и честным. Именно об этом поэт говорит в обращении к покойному тестю:

Ты в усыпальнице вечной, свидетель теперь и навеки,
Что уважаю тебя, остаюсь навсегда без жены
Зятем, и дочери честь берегу, предлагая всем песно,
Холост хотя, навсегда буду зваться — преданный зять .

Сопоставление ритма и содержания стиха из «Парентелий», посвященного родственнице Верии Ликерини, с первым стихом из этого цикла свидетельствует о наблюдательности Рысина, как толкователя замыслов римского поэта. Вместо «голоса прадеда Евсебия» в издании, которое комментировал Рысинский, говорилось о «жене» прадеда: там была допущена ошибка, вызванная написанными рядом словами *ухог* (жена) и *ух* (голос). Комментатор возразил против этого, ссылаясь на начало «Парентелий», и тем самым подвел основание для более глубокого толкования текста. Авсоний писал:

В трауре искреннем тех дорогих имена ум услышал,
Первой оплакал слезой. Поминать я цапевами стану
Без украшений, простыми и грустными, без многих слов.
Царству теней погребальных почт уже излишен
И для могилы, безжизненной почвы, напрасен глагол,
Лишь гласом должна похороненное песня вспомнить о душах...»

Именно последняя строка из приведенного стиха, в которой говорится о «похороненном гласе», объясняет, по мнению Рысина, то, что Авсоний имел в виду «голос» прадеда Евсебия. А прадед «мысли свои перелил в те слова,

* Авсоний жил с дочерью Луканой Сабиной восемь лет и после ее смерти больше не женился.

что я ил». Иначе говоря, Рысинский объяснял «Паренталии» как переданные поэтом голоса предков.

В стихе Авсония, посвященном «Намии Пуденциилле, родственнице», Рысинский обратил свое внимание на строку: «Так как одна управляет всем женщина домом». Исследователь отметил, что здесь неуместно слово *gerēge* (вести, управлять), ибо оно употребляется в сочетании с другими — «власть», «консул», «государство», а его необходимо заменить словом *regēge* (управлять). Именно так эта строка прочитана современными исследователями.

Приступив к разбору стихов, озаглавленных «*Comitato professorum Burdigalensium*» («Воспоминание о бордигальских наставниках»), Рысинский отметил, что у Авсония по изданию Скалигера напечатано: «Я полагал, что уместно дать иничтожное сочиненьице подходящего содержания. В такую книжку, где упоминаются те, кто преподавал за границей, проходя из Бурдигалы, включить эпиграфии, иначе говоря, могильные надписи героев, участвовавших в Троянской войне».

Рысинский усомнился, следует ли читать «иничтожное сочиненьице» (*vapum oriseulim*), и предложил слово *vapum* заменить словом *ipsum* «одно», значение которого приближается к неопределенной форме члена.

Следующий стих из цикла «К наставникам» посвящен «начинающему» ритору Дельфилю:

Красноречивый, ученый, быстрый умом, разговорчив,
В шутках приятел, Дельфидий,
Ну есть ты онемак отом, слезой поутешного горя,
Все ж, горевши в стихах, ты был обласкан судьбой.
Ты с колыбели почти начинавший хвалебные песни,
Бога певец благородный,
Зелень гиацинты венков возносиций к Олимпу.
Мальчиком уж воспевал громовержца.
Сразу затем быстротечным потоком разросся,
Эпос в стихах сочинил.
И никто не соткал так умело
Книгу напевов и речь об искусстве

Рысинский считал, что в последней строке Авсоний не должен был употребить глагол *nexeret* и удивлялся Скалигеру, напечатавшему такую грамматически неправильную форму. По мнению Рысина, следовало прочитать *peste-ret*, если содержание сводилось к «связыванию» книги напевов и речи об искусстве. В дальнейшем прочтение глагола *nexeret* было пересмотрено, его стали понимать как *texeret* — соткал.

Свое сочинение «Technoparaegnion» («Искусная игра») Авсоний характеризовал следующими словами в письме к своему другу Паулину: «Я тебе послал «Искусную игру», бесполезное сочиненьице бесплодного моего досуга. Стихи начинаются односложными словами и кончаются такими же. Но не в этом лишь заключается полная подводных камней трудность, а она горестно увеличена тем, что то же односложное слово, которое являлось концом крайнего стиха, становится началом последующего. Скажи, следовательно, о тяготе и наказание! Как видно, напрасное дело я затеял. Оно невзрачно и вызывает досаду; бессвязно оно и запутано, хотя оно чем-то является, но кажется негодным. Я прилагал все же усилия, чтобы оно получило какой-то исторический и диалектический облик, так как легкость поэтическая или софистская исключена».

Рысинский решительно возразил против занятой, поставленной в издании Скалигера после слов *aliquid nihil* (кое-что негодное), и выделения слов *vel deprehenditur* (даже воспринимается), назвал это прочтение *spurium* (внебрачное дитя), т. е. не имеющее ничего общего с замыслом Авсония. Имению в таком виде, как предлагал Рысинский, т. е. «хотя сочинение чем-то является, но кажется негодным», письмо к Паулину печатается в новых изданиях.

Комментарии Рысинского обрываются на письме Авсония «К другу Теону». Из этого сочинения в «Упражнениях» приведены две строчки:

...учись слагать стихи, не ссылаясь на имя,
И станови подражателем Луцилия-певца.

Рысинский обратил здесь внимание только на неправильное, по его мнению, напечатание имени Луцилия. К сожалению, критика наиболее ценных произведений Авсония — поэм «Мозель», «Кунидон» — не содержится в сохранившейся в Krakowskoy bibliotekе неоконченной рукописи Рысинского.

Современному исследователю классической литературы есть чему научиться у Рысинского. Необыкновенная любознательность, восторженное преклонение перед поэтическими дарованиями, основывающееся на большой эрудции и совершенном знании латинского и греческого языков, умение вникать в замыслы авторов и замечать подробности, не доступные рядовому читателю,— все эти достоинства, характерные для ученых-гуманистов XVI—XVII веков, выражены и у белорусского исследователя сочинений Авсония.

То обстоятельство, что своеобразное творчество бурдигальского поэта в наше время забыто, не снижает ценности комментариев Соломона Рысинского. Они зачастую являются собой оригинальное и незаменимое средство познания мало изученной у нас страницы позднеримского литературного наследия.

КОММЕНТАРИИ К КОМЕДИИ Т. М. ПЛАВТА «СТИХ» («ГОСПОДА И РАБЫ»)

К сожалению, среди 26 комментаторов текста комедий Плавта, упоминаемых в издании Гетца и Шелля¹, имени белорусского гуманиста Соломона Рысинского нет. Его не приводят и литературные справочники. Это неудивительно: небольшая работа, посвященная комедии «Стих», включенная в переписку С. Рысинского с К. Риттергезиусом, остается до сих пор в рукописи².

С. Рысинский задумал работу над комедиями Плавта под влиянием одного из своих друзей — Ивана Борисевича, который еще в 1587 году сообщил ему, что занимается исследованием творчества древнеримского автора. В письме, датированном 8 июля 1587 года, Рысинский писал Борисевичу (*Epistolarium... 1587, 2. XXXIX*) из Альтдорфа:

Иоанну Борисевичу, опытнейшему пловцу,
бороздящему плавтовское море.

«Вижу, что ты водишь знакомство с Эротием Плавта и с удовольствием об этом слыши. Постарайся, чтобы плод этого общения попал к нам как можно раньше. Отказываться? День и ночь с книгой проводишь? Скорее бы появилось дитя, очень похожее на тебя и на нее. Чего же ты вспомнишь? Когда ветер понутный, разверни паруса...»

Спустя приблизительно месяц Борисевич, по всей вероятности, предложил другу исследовать Плавта вместе, но, как видно из письма от 8 августа 1587 года, Рысинский это предложение отклонил. Тем не менее в ноябре 1588 года Рысинский послал своему соавтору по Авсонию К. Риттергезиусу небольшого объема разбор одной из сцен комедии Плавта «Стих» и обратил внимание прежде всего на сцену нируинки, поставив под сомнение очередность реплик в диалоге между Стихом и Сагарином. Рысинский выписал при этом почти всю четвертую сцену из пятого акта комедии.

¹ *Plautus T. M. Edilio minor.— Leipzig, 1892—1896. Götz und Schöll.*

² *Exercitationum epistolicarum ad Ausonium ... Solomone Rysinio Conrado Rittershusio auctoribus, VI, VIII.*

Для того, чтобы рельефнее показать изменения, внесенные комментатором, перечтем отрывки в русском переводе А. В. Артюшкова:

«Сагарин: А к подружке как, с какого боку каждый сядет.

Стих: Ну, садись хоть выше, только знай, как я деслюсь с тобой. Выбирай себе теперь же часть, свою провинцию (задание, обязанность.— Я. П.).

Сагарин: Что за часть?

Стих: Над ключевою частью (ключевой водой.— Я. П.) или винною властвовать тебе угодно?

Сагарин: Нет, над частью винною. А пока подружка наша медлит, паряжается, мы одни повеселимся. Будь главой пирушки ты.

Стих: Прелесть, что на ум пришло мне. Лучше мы, как циники, на скамейке, не на ложах тут сейчас протянемся.

Сагарин: Нет, вот так гораздо лучше. А между тем, эй, наш глава! Что пустует чаша эта? Сколько нам бокалов пить?

Стих: Сколько нальцов на руке. Есть греческая песенка: «Или пять пей, или три пей, только четырех не пей».

Сагарин: За твое здоровье! Влей там часть воды десятую. И за вас пью, и за нас пью, за тебя и за себя, и особенно за нашу милую Стефанию. Пей, коль пить!

Стих: Я не замедлю.

Сагарин: Вот и пир пошел у нас. Подойдет сейчас подружка. Нет ее, а то — все есть.

Стих: Очень хорошо, бери вот чашку!

Сагарин: У тебя вино. Лакомства б еще какого.

Стих: Недоволен тем, что есть, нет другого, вот вода...»¹

Рысинский утверждал, что после того, как Стих привел греческую песенку, Сагарин заявил: «Пью с тобой вот этот бокал, налей себе», а слова «И за вас пью, и за нас пью, за тебя и за себя» и т. д. принадлежат слова Стиху. Замечательно то, что квадратными скобками в издании Гетца и Шелля отмечены те участники пиршества, которые в памятнике не указаны, т. е. очередность высказываний в диалоге может зависеть от восприятия читателя или комментатора.

Рысинский причисляет себя, хотя с иронией, к глубоко эрудированным гуманистам, таким как М. Мюрэ (1526—1575), Ю. Липсий (1547—1606), и противопоставляет менее

¹ Плавт Тит Макций. Избранные комедии в переводе А. В. Артюшкова.--- М.—Л., 1935.

известным П. Валле, Б. Сарацену, И. Дуте. Он назвал одно высказывание Сагарина «крепостью», которую пытались взять или оборонить отряды под водительством этих учених». Речь шла о трудном для прочтения месте, связанном с расчленением слов в строчке, в которой неясное место было представлено в новейших изданиях как *decimtum a fonte* («часть воды десятую» — по переводу Артюшкова). Оно было прочитано Валлой *decimto fonte* («десятый источником»), Мюрэ это место прочитал: *есени a fonte* («вот этот из источника»), Линсий понял как *decim a fonde* («палей десять»). Рысинский подверг критике все эти толкования: «...Валла здесь воюет свинцовым клинком, объясняя «из десятой части воды, из источника». «Дурья голова! Из-за Сарацена, его же современника, необходимо привести и предшествующую строку сцены. Она звучит у Венецианца (Сарацена. — Я. II.) так: «Есть греческая песенка; пей пять, пей и три, пей половину четырех». Сарацен объяснял это так, что «все эти числа вместе составляют десять и поэтому будто Сагарин сказал: пью с тобой десятку из источника, раньше же Сагарин спросил у Стиха, сколько у него на руке пальцев, и это означало, что он хотел с ним выпить десять бокалов». «О незадачливый толкователь,— воскликнул Рысинский,— откуда у него столь тонкий ум?» Дело в том, что в греческой песенке «пей пять, пей три, пей четырех» Сарацен неправильно прочитал слово «э мэ» («но пе»), как «эмн» (т. е. «половина») и поэтому заключил о десяти бокалах. Отвергнув мнение Сарацена, а также Дуты, утверждавшего, что в строчке речь идет о большом вместительном бокале на том основании, что существительное *fons* употреблено в женском роде и может означать «бокал», а *decimus* — «огромный бокал», Рысинский, поддержав выводы Мюрэ и Линселя, добавил, что и они не совсем правы: «...испешите, я поведу подконы под эту крепость другими средствами и постараюсь разрушить ее. Мне кажется, что в некоторых местах имеются ловушки, а именно в диалоге есть смешение персонажей». «Если кто-либо медленно еще и еще раз прочитает (сцену), — продолжал Рысинский, — то придет к выводу, что названные толкователи далеко ушли от замысла Плавта... Сагарин спросил Стиха, которого он сделал главой пирушки: «Сколько бокалов пьем?» (это следует понимать язвительно, ведь у него в руках был один бокал). Глава пирушки ответил: «Столько, сколько пальцев у тебя на руке» (подразумевается на одной) и завершил договор распространенной греческой песенкой. Когда, следовательно, Сагарин разобрался, как собеседник предлагает

нить, он наполнил бокал, стоящий перед ним, и предложил его Стиху. Он велел ему добавить воды, то есть сделать смесь. Так ведь между ними были заранее распределены обязанности: Сагарин наливал вино, а Стих распоряжался водой. Это прекрасно видно из последующего. Когда Стих начал, он поставил перед Сагариным пустую чашу и сказал: «Вино у тебя». Следовательно, слова: «За здоровье вас, нас пью» и т. д. принадлежат Стиху, который брал из рук Сагарина и собирался его опорожнить, а не его товарищу за столом.

Рысинский подкрепил свое толкование подобной выдержкой из другой комедии Плавта «Перс» (акт 5, сцена 4), которая звучит в переводе Артюшкова так:

«Токсила: Медленно мие ты бокалы подаешь. Ну, сюда. Мне на счастье, на счастье всем вам и на счастье моей непаглядной.

Токсила: За здоровье всех нас эту чашу тебе подношу, так оно от любви за любовь подобает.

Лемиссе леана: Ну, давай.

Токсила: Ну, получай.

Лемиссе леана: За здоровье и тех, кто завидует мне и кто этому рад вместе с нами».

Приведя еще примеры из Овидия и Тибулла, Рысинский заключил: «Яснее ясного, что слова «За здоровье» произносятся именно самим пьющим».

Итак, Рысинский доказал, что очередность высказываний в диалоге рабов, задуманном в комедии, нарушена комментаторами и издателями.

В комедии «Господа и рабы» рабы такие же люди, как и господа, они начальствуют и радуются одинаково. В начале сцены Стих заявляет:

Это пир по средствам нашим...
Всякому свое подходит, у кого накоплено
Дома, те пусть пьют ковшами, чашами, бокалами.
Мы хоть и пьем вот этой глиняной чашкою,
А свое по средствам нашим дело все же делаем.

Своим замечанием Рысинский усилил разумение сатирического замысла Плавта: на пирунике рабов есть глава, ему и вменена обязанность произносить здравницу, хоть приходится разбавлять вино и довольствоваться скучною закуской.

Другое место из той же комедии «Стих» вызвало еще большие разногласий. Судя по изданию Гетца и Шелля и русскому переводу Артюшкова, шуточная перебранка Сага-

рина и Стиха в той же сцене сводится почему-то к игре (можно полагать, игре флейтиста):

«Сагарини: Стих! От чина кто отстушик, онтрафую на бокал.

Стих: Это верно, а что верно, то уж надо выполнить.

Сагарини: Но смотри, чуть ошибешься, тотчас наложу штраф.

Стих: Справедливо, это верно.

Сагарини: Для начала вот тебе.

Стих: Остроумно! Меж собою в дружбе два союзника чашей пьют одной, с одной женщиной водятся. Достопримечательно. Я — ты, ты — я, — одна душа. Любим ту же подружку оба, где со мною, тем с тобою, где с тобою, там со мною, зависти не ведаем.

Сагарини: Ох, довольно! Ведь наскучит, я хочу другой игры».

В несмете письме Риттерегузиусу от 8 ноября 1588 года Рысинский остановился на последнем выеказывании Сагарина. Слова толкователя стоит привести целиком, так как в них есть немало тонких филологических наблюдений: «Не хвалюсь елинком, подобно теренцианскому Сиру, но я все же восстановил место у Плавта, как мне кажется, до сих пор никем не затронутое. Для того, чтобы лучше доказать обоснованность моего исправления, представлю сперва мнение других, а лишь после выскажу свое. В распространении издании Плавта напечатано: «Ох, уж достаточно, не хочу, будешь рвать, хочу игры, как у щенят». Венецианский список, расхваливаемый мной в предыдущем письме, приводит это место несколько иначе: «Ох, уж достаточно, не хочу того, чтобы ты ласкал, так, как щенки играют, хочу...» Здесь Бернар Сарацени, живший в прошлом столетии, предполагает, что «возможно, лучше читать «отстушить бы тебе». Сагарину, видно, казалось, что его друг елинком шумлив. Едва ли иное понимание у Пальмерия: «Не хочу, ты виляешь, как щенки, играя куском». По-видимому, раб очень грубо забавлялся и хватал куски, подпрыгивая. Такое исправление, хотя и не верх остроумия, но стремится к нему... Правильное же написание «не хочу уступить бокал, хочу другое бедро». Трясет бедром тот, кто паподобие собаки играет, толкователь хочет, чтобы Стих имению так делал. О ум исправителя! Как Паллада ему послала подобное в голову?

Кто знает, нам ли Меркурий покажет дорогу в этом разнообразии. Пусть потянет, поможет, назвовет Аполлон! Я читаю так:

«Ох, уж достаточно! Не хочу, ты виляешь, как щенок, играя куском». Действительно, так поступают собаки, ласкаясь или виляя хвостом... Клянусь камнем Юпитера! Я не уверен в таком прочтении. Если кто-либо выкопает более правдивое, то я не буду упираться!» Так заключил Рысинский. Трудность прочтения данной строки вызвана повреждением написанных несколько слов, которые, как видно из высказывания, объяснялись по-разному. В новых изданиях, в частности, у Гетца и Шелля строка звучит: *Ohe iam satis nolo obtaedescal alium Iudum*, пишет *volo*. Именно последний слог глагола *obtaedescal*¹ (передает) объединяли со словом *alium* и получалось что-то вроде *cattuli*, т. е. щенки. Также слово *piis* (теперь) считали концом слова *Iudum* и получилось *Iudunt* (играют), у других *Iupitum* (бедро). Даже последнее слово *volo* (хочу) объяснялось как *bolo* (кусок).

Рысинский привел почти все толкования, известные в его время, сам же он, по-видимому, руководствовался духом плавтовского сочинения. Шутки в комедии грубы, они отражают непосредственность и прямоту просторечия. Предложенные Рысинским слова «вилять, вихлять, щенки, кусок» более выразительны и сочны, чем «наскучит, игра», использованные в переводе Артюшкова. Образность высказывания Сагарина соответствует поведению развеселившегося Стиха, она обусловлена всем ходом пирушки.

Таковы замечания Рысинского к комедии «Господа и рабы». Исправления, внесенные им в текст комедии, типичны для века гуманистических изысканий. Свообразием и почти не встречающимся у других толкователей является жизнерадостность, задор и едкость его критических выпадов против других комментаторов. Ирония и сарказм в тоне Рысинского обусловлены в первую очередь тем, что он делился с другом своими наблюдениями и делал это в письмах.

Энцикллярный стиль Рысинского заслуживает особого исследования, но здесь надо отметить, что от него веет юношеской свежестью, смелостью суждений и напористостью в поисках решений. При этом обращает на себя внимание большая образованность автора, глубокое знание сочинений классиков и литературы о них. Обширны познания Рысинского в латинском языке, он различал тонкие оттенки звучаний слов, ссылался на редкие выражения и язы-

¹ Латинское издание Гетца и Шелля цитирует в списке слова Турнебуса: «*Obsecves catuli ut...*»

ковые формы, сопоставлял использование их в разных сочетаниях.

Можно ли сделать вывод на основании двух писем, затрагивающих тему «Господ и рабов», какие целиставил перед собой придирчивый толкователь? Несомненно, Рысинский полностью отдавал себе отчет в трудности, по и необходимости восстановить истинное звучание древней комедии. Он стоял в одном ряду с «воинами, осаждающими крепость» не отдельных строк, но всего наследия древности.

Знакомство с комедиями Плавта наряду с углубленным изучением латинского разговорного языка давало возможность Рысинскому вникнуть в настроение пизов римского общества. Он проявил немалый интерес к языку, поведению рабов, исследуя их речь, разбирая ход рассуждений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

реди писателей Белоруссии конца XVI — начала XVII столетий не было другого такого писателя-философа, как Соломон Рысинский, чье творчество отличалось бы таким многообразием жанров и направлений. Его место в истории белорусской литературы и культуры определяется прежде всего оригинальными стихотворными произведениями. Рысинский был также видным теоретиком литературы и комментатором классических писателей Овидия, Плавта, Клавдия, одним из немногочисленных исследователей поэта Авсения. Рысинский был критиком именем Л. А. Сенеки и автором эпистолярных произведений, переводчиком с древних языков и на древние. В некоторых из своих имен он проявил и незаурядный дар очеркаста, особенно в описании своих путешествий.

Судя по глубине и тонкости прочтения ряда мест из сочинений Плавта, Клавдия, Овидия, Авсения, С. Рысинский может быть поставлен в ряд с Матеем Казимиром Сарбевским — преподавателем поэтики в незуитских коллегиях Полоцка, Несвижа, Вильно, автором ряда замечательных работ по теории поэзии. Однако особенность Рысинского в том, что он проводил филологический анализ оригинальных текстов древнеримских писателей, в то время как Сарбевский прежде всего пользовался античными и средневековыми разработками и учебными пособиями по мифологии, мало ссылаясь непосредственно на авторов. Так, Сарбевский в своем труде «*Dii gentium*» («Боги язычников») не выходил за рамки толкований мифологии, предложенных итальянскими учеными XVI века И. Пиернусом Валерианом, И. Розиусом, издавшим в 1609 году в Лейдене «Десять книг римских древностей». Сарбевский пользовался книгой итальянского писателя Комеса Наталиса «Мифология или объяснение сказаний книг X» (Венеция, 1551).

Уже в «Письмах» Рысинского, изданных в Альтдорфе в 1587 году, а затем в «Конъектурах» к инсемам Сенеки (Нюрнберг, 1620) имеются образцы тщательного разбора формы и содержания литературных памятников, причем оснаряются выводы ведущих литературоведов своего времени и предвосхитятся ряд прочтений, раскрытых учеными последующих столетий.

В области исследования римских авторов мало кто из ученых XVI—XVII столетий превзошел Рысинского. Автор интересной работы о становлении эстетической мысли в Белоруссии В. М. Коноп утверждает, что в отличие от Западной Европы в Белоруссии, Польше и Литве ренессансная «энциклопедия античных древностей», анализирующая мифологию с позиций науки и реальной истории, создана не в XVI, а в XVII веке¹. Если обратиться к творчеству Рысинского, то окажется, что уже в 80-е годы XVI столетия в инсемах, адресованных Постнику и Риттергизиусу, изданных в Альтдорфе, а также оставшихся в рукописи, были затронуты и освещены вопросы мифологии, выходящие за круг выводов М. Сарбевского, о котором В. М. Коноп говорит, как об осуществившем в 1627 году «первшую удачную попытку» в этой области.

За 40 лет до Сарбевского Рысинский в инсемах к Бучинским, опровергая прочтение Скалигером отрывков из «Фаэтов» Овидия, пришел к выводу, что «Назон намекал не на голос, а на изображение Януса» и что «чувствя и мысли обнаруживаются посредством особого орудия — языка, они воспринимаются ушами и передаются духу или уму с помощью слуха». Такое толкование бога Януса основывается на оценке взглядов Овидия с позиций естествознания. Длинный ряд проводимых Рысинским сопоставлений мифологических персонажей с историческими опирается на научную основу и вытекает из критического отношения поэта к истории и об остроте его ума. Так, например, посредством ссылки на мифических Линкея и Арга, отличавшихся острым зрением, Рысинский изобличает обманчивость умозрительных заключений. Поэт приравнил себя к Протею, отмечая изменчивость своей судьбы и устремлений. Таким же целям служат ссылки на сыновей Амфитриады, Феба, настуха Адмета и на другие мифологические сюжеты в стихах, посвященных Риттергизиусу. Шуточный тон в ряде произведений Рысинского подкрепляется анализом мифических

¹ Коноп В. М. От ренессанса к классицизму. — Мин., 1977, с. 132—133.

образов Пегаса, Кастора и Поллюкса, Кибелы и многих других.

Рысинский не придерживается мнения своего современника И. Скалигера, что поэт создает предметы, являясь как бы вторым богом, а настаивает в ряде писем на том, что поэзия вообще присуща человеку, но «весьма редко люди научились оценивать значимость и благородство, умение пользоваться этим божественным даром».

Рысинский видел в поэте прежде всего мастера слова, труженика, которому приходится учиться своему искусству, исправлять созданное, быть готовым к восприятию критики. Судя по сохранившимся произведениям, Рысинский создал своеобразную школу поэтики, добивался совершенства формы и содержания. С особенной едкостью он высмеивал лжепоэтов и лжеученых.

Трагедия Рысинского заключалась в том, что столь глубокомысленному педагогу всю жизнь пришлось терпеть то крайнюю нужду и быть одиоником в деревенских захолустьях, то заниматься с баловнями судьбы, вроде братьев Бучинских — юнцов, которых исключали из школ как забияк и нянинц. Своих воззрений Рысинский не скрывал, он излагал убеждения в письмах к друзьям и в предисловиях к сочинениям, сознавая, что многие его не поймут. В обращении к «неизвестному другу, строгому критику», предисловии к альтдорфским письмам, мыслитель с горькой ironией писал: «...в лес дрова таскать я намерен? Ну и пусть! Этого я и хотел. Недерживаю тебя, если думаешь, чтодерживаю, можешь идти!» В посвящении своих «Конъектур» к письмам Л. А. Сенеки Рысинский жаловался Георгию Рему на то, что хозяева недооценили его труды: «...не найдешь ни одного рода людей, у которых быстрее старела бы благодарность, чем у знати».

М. Сарбевский и С. Рысинский подходили к предмету поэтического творчества с разных сторон: первый, названный современниками «Новым Горацием», по словам Гуго Гроциуса, «не только поровнявшийся, но и превзошедший Флакка», проводил политику католической церкви, укрепляя позиции иезуитов, сочинял лирические стихи на латинском языке, писал научные трактаты о поэтике, но всецело доверял имущимся под рукой текстам, другой же — сторонник Реформации — подвергал критическому пересмотру памятники, разбирая их язык. Поборник окатоличивания молодежи, Сарбевский понимал, что лирические стихи привлекут куда больше почитателей, чем богословские трактаты, что оценка в учебном процессе иезуитских коллегий языческой

религии и идеологии древних вырвет из рук борцов за свободомыслие наиболее действенное оружие и всесторонне подготовит тех, кто стремится укрепить господство папского престола. Тогда как сторонники левого крыла Реформации, ратовавшие за светское образование, защищавшие угнетенные сословия от засилия церкви и произвола феодалов, были разгромлены и рассеяны, а последователи Лютера сокрушили ряды и сплотились с крайней реакцией, иезуиты сочли возможным перенять некоторые приемы потерпевших поражение вольнодумцев. Руководствуясь целью привлечения к церкви заблудших, обманутых прописками гуманистов, мечтающих о равенстве людей, Сарбевский, например, сумел написать реалистические картины теневых сторон жизни общества и пороков господствующего класса в стихотворении «*Descriptio gentium*» («Описание народов»).

Радетели перемен в общественных порядках такие как друг Рынинского Даниил Наборовский, не преминул это использовать. Так, появился его перевод на польский язык стиха Сарбевского, где между прочим говорилось: «...иоляки... славный народ, но бездельничающий... своей свободой и достоинством не хотят поделиться с плебсиями... отсюда гнет униженных со стороны власти имущих. Вопочие у крестьян избы, с телятами в них живут и пороссятами, там же и дети. У простых крестьян нет того, что нужно, и нет хлеба. Господа, убив кого, не дорого платят. Те, что господа, те с достоинством. Возносят высокие крыши и дорогие поменичные дворцы...»

Убежденный в непогрешимости своего покровителя — наместника божьего на земле, — Сарбевский позволил себе прямой плагиат лирических стихов итальянского иезуита Беттини «Людовик», озаглавив их «*Silvilia*» («Лесные игры») и посвятив охоте польского короля в белорусских местностях Бершты, Меречь, Котра и др. Эти стихи вызывали с XVII по XX век восторженные отзывы литературоведов (Гашинца, Клейнера, Око и др.), и только в 1958 году было установлено, что «Новый Гораций» просто пошутил. Он, по-видимому, показал, как можно играть красивыми стихами для услаждения вельмож, по принципу — искусство для искусства. Вместе с тем в поэтическом наследии Сарбевского есть немало великолепных стихотворений. Печать религиозных чувств, являющихся сутью вдохновения поэта, лежит на его трудах.

Слуг князя Радзивилла, придворных поэтов Даниила Наборовского, Ольбрихта Кармановского, Соломона Ры-

чинского побуждали к творчеству далеко не религиозные чувства. Не бог и не церковь, а возмущение бедственным положением крепостных и личные повседневные жизненные невзгоды и нужда заставляли их браться за перо. Наборовский, который разменял свой незаурядный талант на мелкие анекдотического характера сочинения и панегирики, неоднократно подчеркивал свое отношение к окружающей действительности. Ему принадлежат горькие слова: «Слава ничего не стоит, когда у тебя нет денег, никто не даст ни гроша, даже если сто лет будешь пищим». «Терять» — это плохо словечко, надо «сберегать», чтобы не просить к старости кусок хлеба...» Наборовский понимал, где корень зла, он умел ядовито посмеяться над своими господами: «Один литвин другому в ссоре: «подлец» — говорил, тот ему ответил: «брат, и ты не Радзивилл»...

Хотя Рысинский тоже вынужден был писать панегирики и другие хвалебные сочинения в честь своих хозяев, он до последних дней своей жизни стремился осуществить и успешию воплощал мечту своей молодости, работу, выстраданную в течение десятков лет, — сборник пословиц и поговорок. Целью своих усилий он считал выявление истоков истинного гуманизма — народной мудрости, уединенной из уст простых людей. Исследование древнеримской литературы, ознакомление со многими научными трудами служили ему философским и эстетическим мерилом для оценки красоты языка и мудрости, зарожденных и развивавшихся в недрах простого народа, и отом и кровью добывавшего свой хлеб насищенный. У народа Рысинский учился исправлять гнет и неравенство, выменявать пороки злоныщателей и по-работителей.

Как видно из обширной тематики, получившей освещение в произведениях Рысина, большого количества ссылок на литературные источники, а также из описи имеющихся у поэта книг и трактатов, круг его интересов отличался необыкновенной широтой. Если сопоставить творческое наследие Рысина и Роттердамского, то окажется, что паряду со стихами, переводами, философскими рассуждениями, толкованием текстов и критикой — комментариями как у первого, так и второго — числятся сотни писем; сборник пословиц Эразма Роттердамского «Адагия» содержит лишь материалы, ичерпнутые из произведений древних писателей, тогда как в любченском издании паряду с античностью обильно представлен народный фольклор.

Значение творчества Рысина трудно переоценить. За полвека до появления труда Рене Декарта «Рассужде-

ние о методе», в котором выражена глубокая вера автора в человеческий разум (1637), Рысинский вознес разум на высоту, недоступную для схоластического мышления. Стоит вспомнить его слова из письма, посланного в мае 1586 года: «Наиболее выдающаяся черта человека — разум. Он построен из одинаковой материи и имеет одинаковую форму и ни у кого из людей не отличается...» Замечательны рационалистическая и демократическая суть этого высказывания.

К. Маркс в «Капитале», отметив, что «Декарт, как и Бэкона, в изменении формы производства и в практическом господстве человека над природой видел результат перемены в методе мышления», привел слова Декарта: «Можно достичь знаний очень полезных в жизни и вместо той умозрительной философии, которую преподают в школах, можно создать практическую философию¹. Рысинский уже в 80-е годы XVI века убежденно выступил за перемену в методе научного мышления, указывая на отражение «невежества ученых даже высшего ранга, доказавшихся до ребячливости, на бесполковость учащихся».

Современник Фрэнсиса Бэкона Рысинский подверг со-крупнейшей критике схоластов, которые «не боятся, выскочив со своими пустыми или остроумными словечками, заправленными самбою своего умника, и покорно доверившись тупоумию, тявкнуть по крайней мере или хрюкнуть на данную тему». Рысинский доказывал истину, к которой стремятся прогрессивные люди всех стран: в гуще народа скрыта исконикаясьшая вера в добро, дружбу, мир, труд; народ всегда исправителен и будет исправлять и/orабощение, невежество, несправедливые войны. Все это отражено в народных пословицах и поговорках, собираннию которых Рысинский посвятил более тридцати лет своей жизни.

Рысинский не был кабинетным ученым и придворным стихотворцем, он «исел в народ» и у народа учился странной и правде: «Быть и плакать не дают». А раз не дают плакать, то оставалось только смеяться, и Рысинский смеялся вместе с народом, смеялся над своими врагами, над самим собой и своей жизнью. Он смеялся и сам не терял надежды на лучшее будущее, говоря «засветят солнце и в наши ворота».

Долгие годы тяжелого научного и учительского труда приносили свои плоды. Мечта Рысина о всенародном проповеди стала осуществляться в Слуцкой школе, руководители и преподаватели которой, вдохновленные идеями

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 401—402.

мыслителей, подобных автору Любченского сборника поэлювиц, «д добивались такой науки», «чтобы она, «отбросив» подкрашенную праздность слов и обманный облик дисциплин (из-за этого до сих пор насмешка невежд унижает величие науки), рассматривала не тени вещей, а сами вещи. Приходите же все, кому дорога родина, кто правильно оценивает полезность своих поступков! Никому не закрыт путь! Раскрыта дверь, ведущая к нашим грациям и музам, для всех честных и искренних людей. Возраст, положение, вероисповедание не представляют для нас никакого различия. Место на этих скамьях предоставлено бедняку не меньшее, чем Крезу...» (Из введение в «Устав Слуцкой школы».—Любча, 1618).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Примерный перечень пословиц, сопидающих в сборниках М. Федоровского и С. Рынинского¹

Федоровский (далее — Ф.)

Што край, то обычай.
Ахвота горш пяволі.
Алабрань гвалтам можна, а даци
не можна.
Хоць адвалаче, то не уцяч.
Заўсёды трэба на зацір колы
аляядзца.
Ад Ашана до Кайфана.
Хоць то освінцать, хоць то без
двох двадцать.
Анарыўшыся на маланэ, той па
валу надзмухаець.
Дзе чорт не лойдзе, туды бабу
пашле.
Як це бацашь, так це пішашь.
Багаты дзівінца, чым худзяк жы-
вінца.
Дзе баліць, там рукі, дзе міто, там
вочы.
Ані бе, ані ме.
Аши бяда піколі не дакучыць.
У бабы волас доўгі, да разум ка-
роткі.
Ад бога начынаймо.
Бог любіць тройцу.
Бога хвали і чорта не гневі.
Бог ведае, што робіць.
І богу свечка і чорту ожег.
Як бог чалавека хоча ўкараць, то
шнерад разум адыме.
На каго бог, на таго і людзі.
Сіллю ў бога не возьмеш.
Ні брат, ні сват.
Дзе любяць, бывай рэдка, а дзе
не любяць, то і зусім не за-
ходзь.

Рынинский (далее — Р.)

Что край, то обычай.
Охота хуже неволи.
Отобрать силой можно, дать нель-
зя.
Хотя отлежитеся, не убежит.
Оглядывайся на задние колеса.

От Аиша до Кайфана.
Один за восемнадцать, другой без
двух двадцать.
Кто опарится на молоке, тот ду-
ет на воду.
Куда чорт не добежет, туда бабу
ношест.
Как тебя видят, так тебя ишут.
Богатый удивляется, чем бедняк
питается.
Где болит, там рука, где мило, там
глаза.
Ии бе, ии ме.
Одна беда никогда не мучает.
У женщины волосы длинные, а ум
короткий.
С бога начнем.
Бог тройцу любит.
Бога хвали и чорта не гневи.
Бог знает, что делает.
И богу свечка и черту кочерга.
Кого бог хочет покарать, прежде
отнимет разум.
На кого бог, на того и люди.
Трудно с богом воевать.
Ні брат, ні сват.
Где любят, бывай редко, где не
любят — никогда.

¹ Список пословиц из сборников М. Федоровского дается по белорусски (правописание Федоровского сохраняется); из сборника С. Рынинского — в переводе на русский язык.

Хто ціха ходзіць, той сабе шкодзіць.
З вялікай хмарамі малы дождж.
Што хвароба, то доктор.
Узялі яго чэрці за стари доўг.
Дзялдажай яму, як ліхой скуле.

Добрае далёка чуваць, а ліхое
яшчэ далей.

Калі заехаў за Дунай, то да хаты
не думай.
Дурань дае, а розумны бярэ.
На пахілае дзеверо і козы скачуць.
Дзяржыцца, як п'яны плоту.
І памою муру не пра'еш.
Што галава, то разум.
Галоднаму хлеб на ўме.
Усё роўна, як гарох на сцяну кідаць.
Хто многа гаворыць, той мало робіць.
Госці ў дом, бог у дом.
Гроны ўсё могуць.
Разумнейшыя цянер яйца за куры.
Камень на месецу мохам абрастася.
Карова, ишто многа раве, мало маляка дае.
Бліжшая кашуля, як кабат.
На тое каваль кленічы мае, каб руکі не ішнёкі.
У кія два канцы.
Кліна кліном вябіць.
На пітцы каубончика дойдзем.
Царованиому каню ў зубы не глядзіць.
Конь на чатырох ногах — сната-
каецца.
Костюю ў горле сядзіць.
Першыя каты за платы.
Чым далей у лес, тым больш дроў.

Хто ў летку балуе, той зімою халадуе.
Хто лжэ, той і крадзе.
Ізяры лыко, як дзэрэцца.
Малады можа умерець, а стари
мусіць.
Таўчецца, як Марк на пеклі.
Як мядзведзь здох, то і дуды аб зямлю.
Дзіравага меха пічым не напоўніш.
Ні мае дзе галавы прытуліць.

Кто не быстро ходит, тот сам себе
вредит.
С большай тучы маленький дождь.
Что болезнь, то доктор.
Взяли его чёрти за старый долг.
Нужно ему угадывать, как скверному чирью.
Хорошее далеко слышно, а плохое
еще дальше.
Хорошее еще долго в памяти, а
плохое еще дальше.
Когда заехал за Дунай, о доме не
думай.
Дурак дает, а умный берет.
На наклоненное дерево и козы лежут.
Держится, как пьяный забора.
Головой стену не пробьешь.
Что голова, то разум.
Голодному хлеб на уме.
Все равно, как бы горох на стену
метал.
Кто много говорит, тот мало делает.
Гости в дом, бог в дом.
Деньги все могут.
Теперь учишь яйца, чем курицы.
Камень на месте поростаст мхом.
Корова, которая много мычит, мало молока дает.
Ближе рубашка, чем кафтан.
Для того у кузнеца клени, чтобы
не ожегся.
У пылки два конца.
Клин клином винибить.
По піточке дойдем до клубка.
Царованиому коню в зубы не
смотрят.
Конь на четырех ногах и спотыка-
еца.
Костюю в горле сидит.
Первые коты за забор.
Чем дальше в лес, тем большие
древ.
Кто легом балуется, тот зимой
перзист.
Кто лжет, тот и крадет.
Дери лыко, когда дерется.
Молодой может умереть, старый
должен.
Мыкается, как Марк во аду.
Медведь подох, дуды об землю.
Дырявый менчик ничем не напол-
нинь.
У него нет, где пристопыся.

На ёсё ёсь мера.
Ен нілзе месца не загреє.
Не месца галаву шукае, але гала-
ва месца.
Шмаруй яго мёдам, ён усё смяр-
дзіць дзёгцем.
Кажан млын на свое колесо ваду-
цягне.
Кажды мае своего моля, што яго
грызе.
За мае жыто мне цабіто.
Аліamu налто, а другому ніл.
Наскачыла каса на камень,
Прышоў нястаток, забраў ластатак.

Нівядомосць греху не чыпіць.
На святы пігды.
Водзінь, како за нос.
Хоць пайду до касцела, але паце-
раў не шешн.
Не ведаю, адкуль начынаць.
Паможа, як умерламу кадзіла.
Помаленку далей зайдзешь.
Панская хвароба бедшага здароўе.

Панскас вока кая тучыць.
Папытай не ў старога, да ў быва-
лога.
Чыя нарася згінула, таму ў вушах
пішчыць.
Як пасцелішся, так і выспішся.

Посланцамі воўк не жые.
Не кажы хон, аж не пасконы.

Неі глас не ідзе да небес.
Знаць піва на задатку.
Цяжка плысці праціў вады.
Тлустага ломця нечаго шмараш-
ваць.
Без працы не будзеш есці калачы.
Якая праца, такая плаца.
Ад прыбытку галава не блайц.
Ліхая тая птушка, што ў сваё
гнізда паскадзіць.
По перью птушку ўзінаць.
Хто пытае, той не блудзіц.
Не рабі никому таго, што табе не
міло.
Хіба іх рыйдзел і матыка разау-
чыць.
Хто ні радзіўся, той уміраць не
будзе.
У ченцу радзіўся, а на вяроўца
згіне.

Мера должна быть во всем.
Нигде места не пригреет.
Не место голову ищет, а голова
место.
Намаж мужика медом, а он дег-
тем воняет.
Каждый мельник (мельница) на
свое колесо воду ведст.
У каждого своя моль, которая его
грызет.
За мою рожь меня побили.
Одному слишком, другому ничего.
Попала кося на камень.
Пришла неустойка, забрала оста-
ток.
Незнание не делает греха.
На святое никогда.
Водит его за нос.
Найду в церковь, но отче наши не
будут шенгагать.
Не знаю, с чего начинать.
Номожет, как умершему кадилю.
Медленно дальние зайдзешь.
Панская болезнь бедняка здо-
ровье.
Панское око коня кормит.
Сиранавай не у старого, а ў бы-
валого.
У кого поросенок пропал, у того в
ушах пищят.
Как постелишь себе, так и вы-
спишися.
Посредством послов волк не кор-
мится (жиреет).
Не говори гон! Пока не перенрыг-
нешь.
Собачий голос не идет в небеса.
Пиво узнают по закваске.
Трушино против воды плыть.
Жирный кусок позачем мазать.

Без работы не будет калачей.
Какая работа, такая плата.
От прибыли голова не болит.
Скверная птица, которая свое
гнездо марает.
По перу узнают итину.
Кто сиранавает, не блуждает.
Не делай другому, что тебе не
мило.
Липин лопата и мотыга их разлу-
чит.
Кто не родится, тот не умирает.

В чепце родился, а на веревке по-
гибнет.

Рутку сеяць.
Рвецца, як сабака з ланцуга.
Перад невадам рыбу лавіць.
Сабака сукі не кусае.
Адно да Саса, другое да леса.
Сава не ўродзіць сокола.
Як пож у серца убіў.
Ні село, ні пало.
Сілаю моц.
Дай божа ў добры час сказаць і
 ў ліхі памаўчаць.
Служба волнасць траціць.
Сон мара, бог вяра.
Стары да яры.
У страха очы вялікія.
Чыстае страшыдла на верабя.
Хто шмаруе, той едзе.
Аднаму і шыла голіца, с другому
 і брытва не хочені.
Шило ў мяшку не утойцца.
Ні какан сляня бачыць.
Смерць у зубы пі глядзіць.
Без прычини смерці пі будзе.
Спешаецца, як папоўна замуж.
Панура свіння глывіока корень
 капае.
Першага торгу піколі не апускай.

Трапіў куляю ў плот.
Ідуць удры на удры.
Хто рана ўстае, таму бог дае.
Ціха вада берагі надмывае.
Ні веръ пікому, піхто не здрадзіць.
Не плаціць багаты, але вінаваты.

Хто окам не даглядзіць, той меш-
 ком дашланціц.
З аднаго вала з'звух скур не дзя-
 руць.
І воўк сыйты і козы цэлы.
Воўк і лічанае бярэ.
На чым возі едзеш, таму і песні
 спявай.
Да пары збай воду посіць.
Здаровыя спадзяўвайся к хваробе,
 а хворы смерці.
Начиная зязюля перакукуе дзён-
 ную.
Ад хатняго злодзея не ўсцеражэшся.
На злодзею шапка гарыць.
Ждзі, як кáня дажджу.
Першая жонка ад бога, другая ад
 людзей, а трэцяя ад чорта.
Чыс бычкі былі, то былі, абы на-
 ша цялятка,

Руту посеяла.
Рвется, как собака из цепи.
Перед неводом ловить рыбу.
Собака ску некусает.
Одно к Сасу, другое в лес.
Сова не родит сокола.
Будто ему нож в сердце воткнул.
Ни село, ни пало.
Силой мощь.
Дай бог в добрый час сказать, а в
 плохой — молчать.
Служба свободу теряет.
Сон привидение, бог вера.
Старый да ярый (бодрый).
У страха большие глаза.
(Чистос) пугало на воробьев.
Хто мажет — едет.
Одного шило бреет, другого и
 бритвы не хотят.
Шило в мешке не утанишь.
Ни каждый слепой видит.
Смерть не смотрит в зубы.
Без причины смерть не бывает.
Торонится, как ионовна замуж.
Мрачная свинья глубоко землю
 роет.
Первого базара никогда не про-
 пускай.
Попал пулей в забор.
Идут удры на удры (зуб на зуб).
Кто рано встает, таму бог дає.
Тихая вода берега подмывает.
Никому не веръ, никто не изменит.
Не платят богаты, платят виноваты.
Кто глазом не досмотрит, мешком
 доплатит.
С одного вола двух инкур не дер-
 рут.
И волк сыйт и овцы цэлы.
Волк и считанное берет.
На чьем возу едешь, того и песен-
 ку пой.
До поры кувшин воду носит.
Здоровый ожидай болезни, а боль-
 ной смерти.
Ночная кукушка перекукует днев-
 ную.
От своего вора никто не убе-
 жется.
На воре шапка горит.
Ожидает как гриб зонтик дождя.
Первая жена от бога, вторая от
 людей, а третья от черта.
Чей бычок таго бычок, лишь бы
 наш теленок.

Каму цесно, пяхай уступіць.
Мало даць брыдка, а много шка-
да.

Дарога па капцы языка.
Аднаго да долу, другога да дому.
Хто дужши, той лепши.
Мало алею ў галаве.
Гультаям заўёды свято.

Кому тесно, пусть уступит.
Мало дать — некрасиво, а много —
жалко.

Дорога па конце языка.
Одного в яму, другого в дом.
Кто крепче, тот лучше.
Мало масла в голове.
У лентяев всегда праздник.

Неполные соответствия в сборниках М. Федоровского и С. Рысинского *

Ф. Самыя хітрасіі да мудрасіі. Р. Сколько хитрецов, столько му-
дрецов.

Ф. Абы хлеб, то зубы будуць. Р. Кто дал зубы, тот дает и хлеб.

Ф. У хворага пытаюць, а здароваму даюць. Р. Только больного спрашивают, хочет ли.

Ф. Дастанеш у яго, як у казла малака. Р. Как с козла: ни молока, ни шерсти.

Ф. Хонь крыху, абы добраға. Р. Лучше немногого хорошего, чем много плохого.

Ф. Лепши з добрым згубіць, піж з кепскім знайсіі (Лучше с хорошим потерять, чем с плохим найти). Р. С плохим плохо найти, плохо потерять.

Ф. Дарожкыны адзін стары друг, як новых двух. Р. Из-за нового друга не оставляй старого.

Ф. Хто хоча гора зажиць, пяхай ідзе да двара службыць. Р. При-
дворная жизнь святогорьская.

Ф. Ізіця не плача, маці не дагадаецца. Р. Дитя не плачет, мать не
знает, чего ему надо.

Ф. Ізеруница, як сабака з катом. Р. Согласны как собака с котом.

Ф. Гарло усё пажкаю. Р. Нечестное горло все пожрало.

Ф. Людзі і шылам голяць, а мы і брытваю не умеем. Р. Одного
нилю бреет, а другого и бритва не хочет.

Ф. Гіні галінку, інакуль маладзен'я (Гинь ветку, пока молодень-
кая). Р. В молодости надо сгибать ветки, ведь когда подрастет, тогда
поломается.

Ф. Яму, як ланатай, трэба ў галаву класіі. Р. Шилом во лбу у
него укладывала.

Ф. Без гаснадара гумно плача, без гаспадыні -- хата. Р. Хозяин
должен заботиться о ноле, о гумне, о стайне, хозяйка — о кухне, кла-
довой, ногребе.

Ф. Для простай дарожкі крыговага гасцінца не мішай. Р. Из-за тро-
пинки не опускай гостинца.

Ф. Сядзі, грыбе, інакуль цябе хто пядыбэ (Сиди, гриб, пока тебя
кто не подденет). Р. Сиди же здесь, гриб, пока тебя черг не возьмет.

Ф. Губы, як халіва (Губы, как голенище). Р. Разве мой рот го-
ленище?

Ф. Не бынъ казе па возе. Р. Быть козе на возу.

Ф. Ні кіям, да палкаю (Не тростью, так палкой). Р. Не палка, а
бревно.

* Пословицы из М. Федоровского приводятся в его же написании и
никогда излагаются на русском языке. Пословицы из С. Рысинского переведены на русский.

Ф. О, быў на коню і над коням. *Р.* Кто бывает на коне, тот и под (конем).

Ф. По начы ўсе каты буйныя. *Р.* Ночью все коты черные.

Ф. І конь праз сілу не пацягнё. *Р.* И конь сверх силы не возьмет.

Ф. Ні то зладзей, што крадзе, але той, што кепска схаваў. *Р.* Не тот вор, который украл, а тот, который спрятал.

Ф. За чужое лычко і ні аплаціш своим ременъышкам. *Р.* Кто чужое лычко потерял, ремешком своим заплатит.

Ф. Рад, як на сто капей сеў. *Р.* Будто прибыл на сотне коней.

Ф. Добрае слова дарожье багацтва. *Р.* Никто не должен быть богатым, но должен быть добродетельным.

Ф. Залатыя гары абяцаці (Обещать золотые горы). *Р.* Обещает золотые горы и нет у него свинцовых.

Ф. Аддам на святы Адам. *Р.* На святого Адама.

Ф. Сіла злого на одного. *Р.* Много зла двое на одного.

Ф. Цёплы апрель, мокры май будзе жыто, як гай. *Р.* Сухой март, мокрый май делает из гумна рошцу.

Ф. Зладзей хоць углы пакіце, а агонь усё забярэ. *Р.* Вор, побывав дома, углы оставит, а огонь, когда придет, все заберет.

Ф. Як ажаніца, то адмініца. *Р.* Всякий изменится, кто женится.

Ф. Не мела баба клопату, купіла себе парася. *Р.* Не было у бабы заботы, купила себе паршивого поросенка.

Ф. Байца свайго цено. *Р.* Иногда найдешь такого, кто боится своей тени.

Ф. Адтуль балячо, а адтуль гарачо (Отсюда больно, а отсюда горячо). *Р.* Здесь жжет, здесь болит.

Ф. Бываюць і плакаць не даюць. *Р.* Убив, не дают наплакаться.

Ф. Адзін бог багаты, больш мае, як раздаў. *Р.* Больше у бога, чем раздал.

Ф. Чалавек так думае, а бог іначай. *Р.* Человек так, а бог иначе.

Ф. Хто людзей не слухае, той і бога не байца. *Р.* Кто людей не стыдится, тот бога не боится.

Ф. Не такі чорт страшны, як яго малююць. *Р.* Не такой черт безобразный, как его рисуют.

Ф. Чужы хлеб смачніны. *Р.* Вкусен крашеный хлеб.

Ф. Цурняў не сесоць, іі гаруць, яны самі радзяцца. *Р.* Не надо глупцов сечь, сажи родятся.

Ф. Дзе двое там рада, а дзе трэці, там злрада. *Р.* Двоих третий скоригт.

Ф. Скрыплювае дзерево перажыве і здаровае. *Р.* Скрипняцес дерево дольше стоит в лесу.

Ф. Галоўка, як макоўка, а разуму, як пакакано. *Р.* Головка как маковка, а разуму будто наплевали.

Ф. Не ганячы не купіш, не хвалячы не прадасі. *Р.* Хуля купить, хваля продать.

Ф. Ні голено, ні стрыженю. *Р.* Ни стрижет и бреет.

Ф. Ен гаворыць і выгаворыцца. *Р.* Кто много говорит, тот проговорится.

Ф. Госьць мало бывае, да много бачыць. *Р.* Больше гость в чужом доме заметит, чем хозяин за год.

Ф. Як заграшыў, так трэба пакутаваць (Если согрешил, то надо каяться). *Р.* Лучше не грешить, чем каяться.

Ф. У яго на вербе групкі растуць. *Р.* Показывает группы на вербе.

Ф. Қасцёл дзяyre, карчму кryе. *Р.* Костел ободрав, часовню на-бивает.

Ф. Каза не хоча на торг існі, яе сілай вядуць. *Р.* Не хочет коза на базар, но должна.

Ф. Қаб конь ведаў аб сваёй сіле, то б піхто яго ў руکі пі ўзяў. *Р.* Если бы конь знал о своей силе, никто бы на нем не сидел.

Ф. У гарачой вадзе купали. *Р.* Не надо купать в горячей воде.

Ф. Ні лой, ні масло. *Р.* Лой пьет, а маслом мажется.

Ф. Маўчи да патаквай. *Р.* Кто молчит, потакает.

Ф. Неман пераплыв, а на беразе ўтапліўся. *Р.* Переплыл, утонул.

Ф. Я гэтага з пальца не выссаў. *Р.* Редко люди из пальца высосут.

Ф. Казау пан слугам, а зрабіў сам. *Р.* Велел пан, сделал сам.

Ф. Поправіўся з печы на лаўку. *Р.* Поправился с печи на голову.

Ф. Патрэбны, як пятае калесо ў возу. *Р.* Путался, как пятое колесо в телеге.

Ф. Қаму суджано павесіцца, той тапіцца не будзе. *Р.* Не утонет то, что должно висесть.

Ф. Маладое піво яшце шуміць. *Р.* Шумит, как молодое пиво в бочке.

Ф. Қаб так твая вош капіляла, як ты праўду кажаш. *Р.* Теперь уже и вине кашляют.

Ф. У яго работа з рук валіцца. *Р.* Быстрая работа из рук валится

Ф. Разумны дагадаецца. *Р.* Умному достаточно намека.

Ф. Аднаго разу казала рэдзька: я добра з мёдам, а мёд кажа: чорт цябе просіць, добры я і без цябе. *Р.* Хрен похвалился: хорошо я с медом, а мед на это: палач тебя просил, хороши я и без тебя.

Ф. З адной скакіны сем шкур пі дзяяруць. *Р.* Трудно с одного вола две шкуры содрать.

Ф. Табе свіні пасьвіць за сем міль ад шкоды. *Р.* Свиней пасти и то далеко от реки.

Ф. Тонлянік (утопленник) і за брыту хватаетца. *Р.* Кто тонет, и за голый меч хватается.

Ф. Возіцца, як карова з целям. *Р.* Привязался, как корова к теленку.

Ф. Не быў там, дзе дзеліці. *Р.* Не был при разлache.

Ф. Жыве, як гарох пры дарозе — хто ідзе, тон скубне. *Р.* У него дела, как у гороха при дороге.

Приложение 2

Примеры латинских соответствий, подобранных С. Рысинским, для толкования Любченского сборника*

Отнять насилию можно, а дать нельзя; *лат.:* Насилие по доброй воле не чинят.

Что будет отложено, отсрочено, не убежит; *лат.:* Не уносят то, что откладывают.

Оглядывайся на задние колеса; *лат.:* Смотри за тем, что вслед (Катон).

От Анаша до Кайфаша; *лат.:* От Ирода к Нилату.

Где черт не может, туда бабу пошлет; *лат.:* Не осмелится алский демон, осмелится искусить коварная старуха.

Не было у бабы хлопот — купила паршивого поросенка; *лат.:* Эт руску нечего было делать, но подготовил вис дома прогулку.

* Примечания об источниках принадлежат С. Рысинскому; латинские изречения даны в русском изложении.

Здесь жжет, там болит; лат.: Здесь волк нападает, там собака пристает.

Одно горе не тревожит; лат.: Печаль не бывает одна.

У женщины длинные волосы, а ум короткий; лат.: Длинные кудри у женщины, а ум короткий.

Больше у бога есть, чем раздал; лат.: У господа хватает, откуда он может дать гораздо больше.

Человек так, а бог иначе; лат.: Человек предполагает, а бог распорягает (Иероним).

Громкий бубен за горой, а когда к нам приходит, он только коробка; лат.: Далекое вызывает страх, вблизи же оно пустяк (*Тацит*).

Кто не быстро ходит, сам себе вредит; лат.: Отсутствующие пусть будут лишены.

Ворованный хлеб вкуснее; лат.: Сладка краденая вода.

Каждый, кто родится, должен умереть; лат.: Установлено всем людям однажды умереть (Аполлоний).

Хорошее далеко слыхать, а дурное еще дальше; лат.: Слух о беде быстрее любого иного (Марон).

Дома мыло; лат.: Мыло дома, дом самый лучший (греч. поэз.).

Везде хороши, а дома лучше; лат.: Нет ничего более приятного, чем домашняя постель.

Из-за нового друга не оставляй старого; лат.: Приобретая новых друзей, не забывай старого (Барбарус).

Придворная жизнь блестящая тягостность; лат.: То же.

На падающее дерево и козы лезут; лат.: Когда дуб падает, любой дрова готовит.

Покупая хули, продавая расхваливай; лат.: Хвалил продаваемое тот, кто хочет сбыть с рук (Гораций).

Чем сразу пропитается горючок, оттого потом никогда его не смыть; лат.: Тем, что новый горючок содержит, старый изгнег; Чем однажды пропитается свежий горючок, тот запах долго сохранит (Гораций).

Кто много говорит, тот мало делает; лат.: Обильные словами, бедны делами.

Говорить на ветер; лат.: К ветрам говоришь (Свида).

Кто много говорит, тот проговорится; лат.: У многословного не скроется провинность.

Не пристят к лентию жареные голубки, так хоть бы сидел и переселся наготове зубки; лат.: Жареного голубя ветром к тебе не приснесет.

Гость в дом, бог в дом; лат.: Гость приходит, Христос приходит.

Лучше не грешить, чем каяться; лат.: Лучше не делать того, что требует покаяния, чем каяться.

Деньги всё могут; лат.: Всё деньгам послушно.

Недалеко от дерева падает яблоко; лат.: Не далеко от собственной ветви падают яблоки.

Держи язык за зубами; лат.: Изыди сдерживай губу.

Не смог по лошади, так по оглоблям; лат.: Когда схватить не смог Венеру, схватил ее сандалию.

На месте камешек мхом обрастаёт; лат.: Обросший камень не покатится в другое место.

Во всяком деле имей ввиду конец; лат.: Советую учитьвать конец дел сегодня.

Ближе рубаха, чем кафтан; лат.: Колено ближе накры.

Костел ободрав, часовню покрывает; лат.: Раздев Петра, покрывает Павла (Г. Будэус).

Клин клином вышибать; лат.: Тугой узел канцом надо разбивать.

И конь сверх силы не прыгнет; лат.: Никого не принудить к невозможному.

Не за один день Краков построили; лат.: Движение происходит последовательно.

Всякий палец своим ходом; лат.: Всякий богат своим умом.

Чем глубже в лес, тем больше деревьев; лат.: Если допущена одна нелепость, то за ней следуют бесконечные.

Тот, кто лжет, тот и крадет; лат.: Покажи мне лгуну, и покажу тебе вора.

Лой пьет, а маслом обмазывается; лат.: Медом себя мажет.

Кто раньше приедет в мельницу, тот раньше смелет; лат.: Тот, кто раньше во времени, тот по праву предпочтительнее.

Всем надо соблюдать меру; лат.: Мера в делах лучше всего.

Одному слишком, а другому ничего; лат.: Судьба многим дала слишком, никому — достаточно.

Всякая собака на своей мусорке смела; лат.: Нет ничего евреинес исца на своей павозной куче (*Искандер*).

Незнание не совершает греха; лат.: Незнание оправдывает грех.

Трудное согласие с огнем воды; лат.: Противоположности никогда не соглашаются.

Сам себя своим ножом зарезал; лат.: Своим мечом себе нерезал горло (*Теренций*).

Не знаю, с чего мне начать; лат.: Что тебе толковать: первое или последнее (*Лукан*).

Редко что-либо люди высасывают из пальца; лат.: Не все ложно, что молвой обсуждается постоянно в пароде (*Аристотель*).

Не клади палец между двери; лат.: Между жертвенным животным и каменным ножом; Между молотом и наковалней.

Медленно шагая, дальше зайдешь; лат.: Не будешь торопиться, дойдешь.

Трудно двум хозяевам угодить; лат.: Никто не может четко служить двум хозяевам.

Хозяйский глаз коня откармливает; лат.: То же.

Через посланцов волк не кормится; лат.: Отсутствующий не станет наследником.

Где не можешь перепрыгнуть, там надо подлезть; лат.: Перед верхом наклони голову (*Л. Вивес*).

Ней пиво, которое сам поварил; лат.: Ешь то, что пакрошил (*Теренций*).

Пиво видно по закваске; лат.: Сразу видно растение в будущем плохое.

Правда колет глаза; лат.: Правда рождает ненависть (*Теренций*)

Видна птица по оперению; лат.: По перьям распознается птица.

Кто сирашивает, не ошибается; лат.: Кто начинает сомневаться, начинает быть разумным (*Аристотель*).

То, что тебе не мило, не делай другому; лат.: То, что не хочешь, чтобы с тобой делали, не делай другому.

Рана заживет, а слово не заживет; лат.: Меч ранит тело, речь душу.

Только лопата и мотыка их может разлучить; лат.: Никто его у меня не отнимет, кроме смерти (*Теренций*).

Мудрому достаточно намека; лат.: Мудрецу достаточно слова (*Демосфен*).

Рука руку моет, нога ногу напирает; лат.: Рука руку моет, нога ногу подпирает.

Мечется, как собака на цепи; лат.: Мечется, как лев, привязанный за хвост (*Лукан*).

В мутной воде лучше ловится рыба; лат.: Рыбу ловят лучше в замутненной реке.

Битой собаке только покажи палку; лат.: Пугается голубь от легкого шума крыла, если твоими, ястреб, когтями был задет.

Легко палку найти, кто хочет бить собаку; лат.: То же.

Как собака на сене: сама не ест и корове не дает; лат.: Собака на стойле (греч. посл.).

Один к Сасу, другой в лес; лат.: Неравные быки плохо тянут воз.

Сова не родит сокола; лат.: Орлы не рожают птенчного голубя (*Гораций*).

Новое сено вешают на новом колышке; лат.: Новое сено должно висеть на новом колышке.

Много слушать бесполезно, много говорить глупо; лат.: Никому не вредит, что молчал, вредит, что говорил (*Катон*).

Что далеко от глаз, далеко от сердца; лат.: То же.

Собакой глаза заслонил; лат.: Скрыл стыд или стер краску стыда с лица.

Несет волк, но понесут волка; лат.: Те, кто ловит, ловятся (гречес. посл.).

Волк и считающее берет; лат.: Не заботится волк о числе (*Марон*).

Волку поручили овец; лат.: Волку ты передал овец (*Теренций*).

На войне вперед не подавайся и позади не оставайся; лат.: На войне не будь ни первым, ни последним.

Кто хочет быть хорошим рассказчиком, должен прежде быть хорошим слушателем; лат.: Кратчайший путь к изучению усердно слушать (*Л. Вивес*).

На пятидесятиницу; лат.: До греческих календ.

Вор вора не выдаст; лат.: Дорог будет вору тот, кто может когда-нибудь обвинить Варра.

И у муравьев есть злость; лат.: И в муравье есть своя желчь.

Так разбирается, как свинья в перце; лат.: Что у него общего с амарантом.

Не меняет штукой договориться до правды; лат.: Кто мешает, чтобы существоящая сказала правду (*Гораций*).

Обещает золотые горы, а нет у него свинцовых; лат.: Золотые горы обещать (*Свидас*).

Каждой стране свой обычай; лат.: У каждого народа обычай.

Ии бэ, ии мэ; лат.: Даже ни хрю.

У ленивых всегда праздник; лат.: То же.

Попал с дождя под водосточную трубу; лат.: Попал на жар, желая избежать сковородки.

Гнев без силы ничто; лат.: Без силы гнев пустой.

Волка за уши держит; лат.: Волка за уши держу (*Теренций*).

Кто под кем яму копает, сам в нее упадет; лат.: Кто копает яму, сам в нее падает.

Где тонко, там рвется; лат.: Легко рвется тощая веревочка (*Лукан*).

Выкупил рубаху, а платье оставил; лат.: Расплачивается со старыми, делая новые долги (Досл.: делая заем уплачивает долг) (*Теренций*).

В одной руке хлеб, в другой камень держит; лат.: То же.

У хлеба рога, у неболи ноги; лат.: Страх дает ногам крылья (*Овидий*).

Сам себе трублю, сам буду веселым; лат.: Кто разумен пусть веселится втайне (*Тибул*).

Плохо добытое, нехорошо потребляется; лат.: Плохо рождение, плохо разрушается.

Что на сердце у гречного, то на языке у ильиного; лат.: То же.
Либо ией, либо бен; лат.: Либо ией, либо уходи.

Каждому свое мило, хотя бы наполовину стильно; лат.: Обезьяна
свой приплод, хоть беизбранный, нскренне любит.

Имущество сбереженное лучше, чем наличные деньги; лат.: Тот,
кто многим полежен, на того многие смотрят (Л. Вивес); Целая жизнь,
день один (Л. Вивес).

Ни для совета, ни для попасовки; лат.: Ни для хора, ни для базара.

Мысль пошлини не платит; лат.: Никто не подвергается наказанию
за размышления; Свободная мысль единственная роскошь человека;
лат.: Мысль, огражденная от ярма, у творчества.

Баловство всякого испорти; лат.: Все мы будем становиться из-за
своеволия.

Где господь бог строит церковь, там черт часовню; лат.: Дьявол -
обезьяна божественных дел.

Знает св. Мартин, зачем дал плащ; лат.: Дарит шапку, чтобы по-
лучить накидку.

Всякая лиса хвалит свой хвост; лат.: Всякий свое хвалит, хотя и
недостойно похвали.

Приложение 3

Пословицы из сборника С. Рысинского, по смыслу совпадающие с пословицами из сборника Я. Срица *

Кто под кем яму роет, сам в нее попадет.

Кто говорит то, что знает, узнает свои пороки.

Говори волку отче наш, а волк овца, барац.

Каждая лиса свой хвост хвалит.

Речь идет не о ремне, а о всей коже.

Где богатые множатся, люди беднеют.

До поры до времени кувшин воду иносит.

Где мило, там глаза, где болно, там руки.

Котел порицает горшок, а оба контяг.

Клии клином вмигивают.

Ближе рубаха, чем кафтан.

Но шву порется.

Кто не увидит глазами, тот заплатит мешком.

У кого нет коня, ходит пешком.

Без весла не море.

Новое сито на новый колышек вешают.

Не забывай грушу в золе.

С одного вала двух шкур не сдерут.

Понала коса на камень.

Будто бы горох на стену метал.

Пьет за медведью шкуру, а медведь еще в лесу.

Ворон ворону глаз не выколет.

Приложение 4

Перечень пословиц, полностью или частично совпадающих в сборниках С. Рысинского и Я. А. Коменского *!

Еще перед нашими воротами солнце будет.
Как бы о железном волке рассказывал.

* Перевод дается в дословном изложении

*! Все пословицы из сборников на чешском и польском языках да-
ются в переводе на русский.

Далеко пятка от глаза.
С жирного мяса жирная подливка.
Пей пиво, какое себе наварил.
Кто бывает на коне, бывает под конем.
Взял на клик (заупрямился).
Трудно того водить, кто ис может ходить.
Медленно пойдешь, дальше зайдешь.
Лучше рукавом заткнуть, чем целым платием.
Так надо тянуть ремень, чтобы не порвался (*P*) и прорвается (*K*).
Хлеб с солью с доброй волей.
В своем доме каждый хозяин.
Что смеешь советовать, смей сам делать.
Хорошо советует, кто людям не вредит.
Ни для совета, ни для драки.
Кто алтаря не видел, кланяется печи.
Своеволос всякого испортит.
У палки два конца.
Десять вооруженных у голого одного ничего не возьмут.
Не каждый весел, кто пост.
Для бедного — бог не бедный.
Быть больным пана большая неволя.
Мужика на пана не сажай.
Добро с добром, а зло само.
Мис из уст, а ему мало ушей.
Не обещай того, чего у тебя нет.
Смерть покажет, что у него есть.
Смерть в зубы не смотрит.
Нет смерти без причины.
Слабому все горько.
Как собаке не лен: сама не ест и корове не дает.
Лучше немногого хорошего, чем много плохого.
Попал с дождя под водопроводную трубу.
Тихая вода берега подмывает.
Не все золото, что блестит.
Деревце смолоду листать, в старости же нет.
Ворон ворону глаз не выколет,
Пьет за медвежью шкуру, а медведь еще в лесу (Сриц) *.
Волк берет и считаное (Сриц).
У каждого волка серая шерсть.
Несет волк, но понесут волка (Сриц).
Волком пахать (Сриц).
Волку овцу поручили (Сриц).
Летом волк не жиреет.
Знал бы конь о своей силе, никто бы на нем не сидел.
Твердый козел доить (Сриц).
Конь на четырех ногах, а снотыкается.
Битой собаке только налку покажи.
Жалко собаке белого хлеба.
Отрежь своей собаке ногу, она за тобой побежит.
Миряется, как собака с кошкой.
Кто хочет собаку бить, легко налку найдет.
Гладь коту шерсть, а он хвост поднимет.
Сколько голов, столько умов.

Отмечены (Сриц) пословицы, представленные у Срица (1572), Рысинского и Коменского.

Не знает голова, что язык болтает.
Что в глазах, то и в мыслях.
Чего глаз не видит, того сердцу не жалко.
Водит его за нос.
Держи язык за зубами.
Кто дал зубы, даст и хлеб.
Пока ходим, до тех пор согласны.
У страха большие глаза.
Гнев без силы ничто.
Не говори гол, пока не перепрыгнешь.
Не страшен голому грабеж.
Из того же забора кол.
Не за один день Прагу (Краков) построили.
Глупых не надо сеять, сами родятся.
Как бы горох на стену кидал.
Понадела коса на камень (*Срнецц*).
Пустил себя на дробь (на «шрот»).
(Так сделаться), чтобы волк был сыт и овцы целы.
Вызвал волка из лесу.
Держит волка за уши.
Кто другому яму конает, сам в нее попадает.
Перед неводом рыбу ловят.
С одного вола две шкуры не дерут.
Не забудь груши в золе.
Что ты за отнем пришел?
Жареный голубь в рот никому не влетит.
Кто мажет, тот едет (*Срнецц*).
Оглядывайся на задние колеса.
Старый возник рад слышать, как стреляют кнутом.
Где тонко, там рвется (К.: где веревка тонкая, там рвется).
Без весла не море.
Перенял, утопул.
У кого нет лошади, пусть ходит пешком (*Срнецц*).
Кунил бы деревню, а деньги где-то.
Без денег в город, без соли домой.
Один за восемнадцать, другой за двадцать без двух.
Выкупил рубаху, а оставил платье.
Кто не увидит глазами, доплатит мешком (*Срнецц*).
Цена в мешок не идет.
По инти к клубку.
Не хочет пороться по шву (*Срнецц*).
Стати хватит, а сути мало.
Не затанется шило в мешке.
Ближе рубаха, чем кафтан.
Постирай мне кожух и не памочи шерсть!
Для того у кузнеца клещи, чтобы не обжечься.
Клип клином вышибить (*Срнецц*).
Черное, белое не знаю (К.). А бело? бело, а черно? черно (Р.).
Одной рукой хлеб подает, другой камень держит.
У хлеба рога, у неволи ноги.
Сам себе трублю, сам весел буду.
Плохо добытое, плохо усвоено.
Пли пей, или бей.
Каждому свое мило, хотя бы на половину сгнило.
Где мило, там глаз, где больно -- там руки.
Всегда хорошо, а дома лучше.

Где пан гордый, хлеб твердый...
Где больше богатых, там люди бедней.
Речь идет не о ремне, а обо всей шкуре.
Мысль иошлины не платят.
Убогий костёл — сам священник звонит.
Своеволие в аду горит.

Кто хочет кого быть, должен сам при этом быть.

Говори волку отче наш, а он баран, овца (*K.*); ...а он козиную мать (*P.*).

Когда паны дерутся, селяне должны волосы подставить (*K.*) (у подданных волосы трещат... *P.*).

Пока ходит, до тех пор согласен.

Кто говорит то, что хочет, слышит то, что не хочет (*K.*) (узнает свои пороки, *P.*).

Никого нет без «но».

Доброе долго помнится, а плохое еще дольше.

Хорошее сбережение лучше, чем богатство (*K.*) (лучше, чем нали-чие. — *P.*).

Старому, бывалому и большому пану нужно верить.

Где тебя с удовольствием видят, не часто бываешь, а где тебе не рады — никогда.

Лучше соломенная жизнь, чем шелковая смерть.

Молодой может умереть, старый должен.

Цужда не теряет чесги.

Что сделалось, не переделается.

Лучше небольшой вред, чем большой.

Дровяночку копю в зубы не смотрят.

Где господь бог ставит церкви, черт часовни.

Знает св. Мартин, за что плащ дает.

Берег, не мути воду.

Змею за пазухой прячешь.

Где не можешь перескочить, там подлезь.

Рыцинский

Какое дерево, такой плют.
И волк сыт и козы целы.

Не доверяй сало собаке, съест его.
Уж это голод, когда волк волка кусает.

Синг себе хороши.

Семь ремесел, четырнадцать не-
счастий.

Каждый мельник ведет воду на
свое колесо.

Дырявый мешок трудно напол-
нить.

Надо памокнуть тому, кто хочет
рыбу ловить.

В мутни лучше ловить рыбку.
Новое ситко вешают на новом ко-
льшке.

Коменский *

Дерево по плоду узнать.
Были бы козы целые и волки сы-
ты.

Собаке доверить сало.

Должен быть большой голод, что-
бы собака собаку съела.

Спал беспечно.

Двенадцать ремесел, тринацдцать
бед.

Каждый охотник на свою мельни-
цу гонит воду.

Дырявый мешок.
Кто хочет ловить рыбку, должен в
воде.

Он умеет в мутной воде ловить
рыбку.

Новое ситко на стене, старое под
лавкой.

* Поговорки в сборниках Рыцинского и Коменского с отклоне-
ниями.

Водит его за нос.
Не будет у того гроша, кто копейки не уважает.
Новое всегда лучше.
Закрой рот.
Котел порицает горшок, а оба смолят (пачкают).
Раньше надо перед своими сенями подмести.
Без работы не будет калачей.
Не пой, пока с пира поедешь.
Что на сердце у трезвого, то на языке у пьяного.
До поры до времени кувшин воду посит.
Бог высоко, приятель далеко.

Церковь ободрав, часовню кроет.
Новые грехи вызывают старые поклоны.
Два - нап, три - войско.
Пьяный и дитя правду скажет.

Водить за нос.
Кто не уважает талера, не будет богат.
Латаное не ново.
Закрой ему рот.
Горшок ругает котел, оба черные.

Перед чужими дверями заметать.
Без работы человек не поест.
Не хвали шир, пока не уйдешь.
Что трезвый в себе скрывает, то пьяный из себя выливает.
До тех пор по воду с кувшином ходят, пока не разобьется.
Господь бог высоко, король далеко, правды и справедливости в свете мало.
Обирает мерзнецкую, покрывает церковь.
Старый грех вызывает новый напор (Сриец).
Двое один нап, а три целое войско.
Дитя, пьяный и шут скажет тотчас правду.

СОДЕРЖАНИЕ

У истоков белорусского гуманизма	3
Основные вехи жизни, творчество, взгляды С. Рыснинского	7
Собрание книг С. Рыснинского (опись)	15
Из ранних произведений (Альтдорфские письма)	20
Наремнологический сборник	42
Панегирические сочинения	61
Из «Эпитоме»	64
Из эпитафий	67
Разные произведения	72
Некоторые «Письма к Луцилию» Л. А. Сенеки в «Комментариях» С. Рыснинского	77
Комментарии к произведениям античных писателей	109
Толкование отдельных стихов Овидия	109
Комментарии к сочинениям Д. М. Аврория	114
Комментарии к комедии Т. М. Плавта «Стих» («Господа и рабы»)	129
Заключение	136
Приложения	143

Порецкий Я. И.

П 59 Соломон Рысинский: Solomo Pantherus Leucorus-sus. Конец XVI — нач. XVII в.— Мин.: Изд-во БГУ, 1983.— 158 с.

В пер. 1 р. 70 к.

В книге исследуются жизнь и творчество белорусского просветителя конца XVI — начала XVII века Соломона Рысинского — философа, поэта, первого собирателя белорусских пословиц. В приложениях даны его труды в переводах с латинского языка.

Адресуется преподавателям и студентам филологических и исторических факультетов вузов, тем, кто интересуется историей белорусской культуры.

П 4603010101—059
М317—83 48—83

ББК 83.3Бел1

Яков Ильин Порецкий
СОЮЗМОН РЫСИНСКИЙ
(конец XVI — начало XVII века)

Редактор *Л. И. Самосейко*

Младший редактор *Г. И. Шкодыник*

Художник *С. В. Баденок*

Художественный редактор *Р. В. Кондрат*

Технический редактор *В. Н. Безбородова*

Корректоры *Л. В. Лебедева, А. Л. Маронов*

ИБ № 657

Сдано в набор 01.04.83. Подписано в печать 17.08.83.
АГ 08698 Формат 84×108 $\frac{1}{4}$. Бумага типографская № 1
Гарнитура литературная. Высокая печать. Чел.печ. л. 8,4
Чел. кр. отт. 8,9. Уч.-изд. л. 9,33. Тираж 2450 экз. За
комплект 189. Цена 1 р. 70 к.

Издательство Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина Министерства культуры и Госкомиздата БССР 220018 Минск, проспект Машерова, 11.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии 220011 Минск, Ленинский пр., 79.